

ВОСТОЧНОУКРАИНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ УКРАИНЫ
ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**ВОСТОЧНОУКРАИНСКИЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

**Донецк
Издательство «Донеччина»
1997**

Востокукраинский лингвистический сборник: Выпуск третий. Сборник научных трудов // Редколлегия: Е.С.Отин (отв. ред.) и др. – Донецк: ДонГУ, 1997. 122 с.

Представлены статьи по семантике и грамматике русского и украинского языков, а также исследования по восточнославянской и поэтической ономастике.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей гуманитарных вузов, аспирантов и студентов-филологов.

Редакционная коллегия: *Е.С.Отин*, д.ф.н., проф. (научн. ред.); *Л.П.Борисова*, к.ф.н., доц.; *Н.Е.Касьяненко*, к.ф.н., доц.; *Н.А.Луценко*, д.ф.н., проф.; *Г.С.Махура*, ст. лабор. (отв. секретарь); *К.В.Першина*, к.ф.н., доц.; *А.Е.Симоненко*, доц.

Рецензент: *В.Д.Калишченко*, д.ф.н., профессор

ОБ ИМЕНАХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СРЕДНЕГО РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. В русском языке к именам среднего рода принадлежат слова, «называющие преимущественно предметы» [1] (неодушевленные существительные). Согласно распространенному мнению, значение рода в группе неодушевленных имен является немотивированным, оно определяется прежде всего их формальными свойствами. Например, существительные *улица*, *башня* относятся к женскому роду потому, что имеют окончание *-а*; существительное *шило* принадлежит к именам среднего рода благодаря тому, что содержит окончание *-о* и т. д. Учитывая такого рода обстоятельства, исследователи вообще обычно полагают, что отнесенность существительных к тому или иному роду не может получить последовательного содержательного истолкования.

Между тем, в отличие от современных лингвистов, А.А.Потебня считал, что знаменательность грамматического рода можно чувствовать [2]. В знаменательности рода реализуется «отношение сходства» (с. 462), соотв., «род есть средство перевода имен из одной категории в другую» (с. 465). А. А. Потебня особо выделял познавательно-мировоззренческий характер рода: «Вместе с грамматическим родом, — писал он, — изменяются и воззрения на обозначаемое» (с. 483). Исследователь не ставил перед собой задачу изучить в деталях все случаи подобных преобразований, однако он, с одной стороны, отметил, что «изменения в роде не могут произойти помимо употребления слов в сказуемом, приложении, определении, подлежащем», с другой стороны, указал на связь «изменения конкретности в абстрактность» и «перехода из рода в род» (с. 487).

Более внимательный анализ (с учетом идей А. А. Потебни) предметной сферы грамматического рода в русском языке действительно обнаруживает, что системные свойства различных форм рода здесь не одинаковы и что положение о родовой немотивированности неодушевленных существительных имеет разную силу в применении к различным родовым разновидностям. В частности, следует указать на и теперь еще отчетливую — как среди глаголов, так и среди имен — классово-дифференцирующую функцию форм среднего рода. В языке действие этой функции со временем ослабевало, сообразно чему различия между родовыми формациями стирались. Надо полагать, поэтому и возобладало впечатление, что все именные формы рода в современном русском языке в основном ничем не мотивированы.

Связанность глагольных форм с системной функцией среднего рода выявляется в сфере разграничения личных и безличных глаголов, – по А. А. Потебне, именно средний род выступает как «способ образования безличности» [3]. Возникновение безличных глаголов, как известно, в лингвистике связывается с весьма отдаленным языковым прошлым. В других областях, также относительно прошлого, высокая дифференцирующая способность категории среднего рода подтверждается наличием множества имен, чей статус в качестве существительных может быть достоверно объяснен, вероятно, только через указание на субстантивирующее влияние формы среднего рода: *тепло, добро, зло, худо, пекло, лихо, семя, вымя, мыто, пиво, жниво, жито* и др.

Без какой-либо степени приблизительности или предположительности данное объяснение распространяется на такие (фиксируемые словарями) имена, как *легкое, жаркое, хмельное, ночное, поличное, приданое, пирожное, прожитое, прошлое, горячее* и мн. др. Вполне очевидно, что благодаря разграничительной способности среднего рода в языке существуют как отдельные грамматические категориальные группировки слов наречия и предикативы на *-о, -е: тепло, лихо, весело, певуче, зло, тихо, умоляюще, понимающе* и т. д. Ни грамматическая форма женского, ни грамматическая форма мужского рода столь глубоким проникновением в грамматический строй русского языка не отличается.

Весьма показательно в этом отношении не нуждающееся в распространяющих элементах («субстантивное», а не «адъективное») употребление местоимения среднего рода *мое* в таких случаях, как: У меня две дочери и муж-тренер – работает, ездит по соревнованиям не меньше *моего* (Косм. правда, 1985, 26.XI). Замена *моего* на *моей* тут невозможна по причине того, что это видоизменило бы субстантивную функцию дополнения в в адъективную функцию определения, соотв., в предложение потребовалось бы ввести определяемое – какое-нибудь предметное имя.

В силу сказанного положение о немотивированности родовых форм неодушевленных имен оказывается значительно менее применимым в русском языке к существительным среднего рода, чем к существительным мужского и женского родов. В области имен среднего рода могут быть выделены группы существительных, семантика которых, причем во вполне определенных содержательных точках, соотносится с грамматической формой рода (среднего). Эта семантика, равно как и сопровождающие ее оттенки, может быть объяснена, исходя из общей семантической функции грамматической формы среднего рода.

Применительно к именам существительным эта функция определяется здесь как *д и с т а н ц и р у ю щ а я*. Имеется в виду, что, наделяя факт (вещь, явление и т.п.) именем среднего рода, говорящий тем самым как бы устраняет его из той предметной

сферы, к которой принадлежит сам. Точно так же и наоборот: все то, что в силу объективных свойств не может быть отнесено к сфере проявлений и видоизменений Я (говорящего, субъекта), — неопределенные (абстрактные) объекты, средства, орудия, совокупности, даты, числа и т. д., — мыслится и лингвистически оформляется прежде всего как слово среднего рода.

В предложении обсуждаемая способность среднего рода дистанцировать друг от друга содержательные планы языковых единиц обозначается посредством родонеизменяемого местоимения-частицы *оно*. Ср.: [Никита (улыбаясь):] Ну да, *оно*, осмелюсь доложить, вы сегодня хмельненьки, так куражу-то и прибавляет (Писемский. Ипохондрик). Или: *Оно* конечно, некоторые и купчики-конторшики и даже крепостной народ пописывает иногда; но их писание большей частью механическое: ни запятых, ни точек, ни слога (Гоголь. Записки сумасшедшего). Во втором предложении противительное *но*, являясь внешним (производным) показателем дистанцирования, в качестве соотносительных (по роду) элементов связывает *оно* и *писание*. *Оно* — смысловой определитель всей части предложения, предшествующей *но*, *оно* убирает содержание этой части как бы вглубь сообщения. Средний род имени *писание* — ориентир согласования для сказуемого другой части предложения. Будучи еще одним — периферийным, чисто формальным — средством связи частей высказывания, указанный родовой признак позволяет полностью реализоваться их смысловой противоположности.

Что касается конкретно имен существительных среднего рода, то о т д е л и т е л ь н а я функция их формы нередко обозначается также стилистически — путем придания имени различных эмоционально-экспрессивных оттенков. Эти оттенки, будучи непосредственно связанными с упомянутой функцией, характеризуют род как семантически м о т и в и р о в а н н ы й признак имени. Задача статьи — аргументировать тезис о мотивированности среднего рода, рассмотрев основные содержательные оттенки и особенности употребления существительных среднего рода в русском языке. Названная функция среднего рода при этом рассматривается как смысловая категориальная рамка, определяющая частные семантические, морфологические и синтаксические признаки отдельных представителей среднеродового класса слов.

2. На наш взгляд, непротиворечивой концепции рода до сих пор не удавалось выработать потому, что учеными смешивались два типа отношений, реализуемых структурными элементами рода. В языке, содержащем все три рода: а) между «средним» и «несредним» родом имеет место абсолютное различие; б) между «мужским» и «женским» — неабсолютное. Так как в языках действует прежде всего тенденция к упорядочению материала не сообразно принципу абсолютности, а сообразно принципу неабсо-

лютности, к неабсолютным мужскому и женскому родам на известном этапе было добавлено в качестве третьего неабсолютного рода множественное число, которое, однако, при этом, например, в русском языке, одновременно оказалось задействованным и в сфере абсолютности (так называемый «парный» род: *брюки, ножницы* и т.п.). Важно иметь в виду, что именно в силу столкновения указанных сфер, абсолютности и неабсолютности, в том числе и в нашем материале, функционально пересекаются друг с другом (собираТЕЛЬный, количественный) средний род и множественное число. Поскольку средний род – категория, склонная к редукции, исчезновению, основания для сохранения данной категории говорящими, думается, находятся как раз в его семантической мотивированности. (Подобный случай – сохранение конечной мягкости в украинском языке благодаря ее связанности с экспрессивно и семантически нагруженными морфемами: *чобит, но робить; пульс, но звідкільсь; палац, но дубець* и т.п.).

То, что отнесенность имен к среднему роду в русском языке предопределена не только и не столько формально, сколько семантически, в числе прочего свидетельствуется высокой словообразовательной активностью данной категории. В пределах среднего рода практически не представлены непродуктивные (закрытые) словообразовательные типы, вследствие чего класс имен среднего рода постоянно пополняется новообразованиями (ср. *дивео* – по образцу *видео*, *босикомое* – по образцу *насекомое*, *грязнилище* – по образцу *чистилище*, *обществоложство* – по образцу *скотоложство* и т.п.). Морфологические типы имен среднего рода активно взаимодействуют не только между собой, но и со словами других морфологических классов – ср. трансформацию существительного в предикатив: *Диво* (=удивительно), *что он еще жив*.

Из фактов такого рода выделим прежде всего конкуренцию внутри среднеродового класса имен (*диво* – *дивео*, *себялюбие* – *себялюбство*, *словоблудие* – *словоблудство*, *раболепие* – *раболепство*, *усердие* – *усердство* и т.п.) и, кроме того, экспансию среднего рода в область употребления традиционно мужского (*людье* – *люди*, *первопутье* – *первопутьок*, *перекрестье* – *перекресток*, *самосудство* – *самосуд*, *перволедье* – *первый лед* и под.) и женского рода (*непогодье* – *непогода*, *пустоголовье* – *пустоголовость*, *пронырство* – *пронырлизовость*, *правдоподобие* – *правдоподобность*, *пятилетие* – *пятилетка*, *листвье* – *листва*, *татарье* – *татарва* и др.), а также множественного числа (*начальство* – *начальники*, *обручье* – *обручи*, *узорочье* – *узоры*, *рожье* – *рога*, *бабье* – *бабы*, *комарье* – *комары*, *стожье* – *стога*, *хамье* – *хамы* и т.д.).

В интенсивных семантических взаимопересечениях внутри класса имен среднего рода, словообразовательной активности данной категории, а также отмеченной функционально-семантической экспансии ее в область употребления других родов и

множественного числа можно усматривать проявление тенденции к мотивации (семантической прозрачности), с которой в общелингвистическом плане связывается развитие родов [4] и к которой средний род в русском языке, на наш взгляд, причастен в большей степени, чем его партнеры по категориям.

Характеру данной тенденции несколько не противоречит (а, наоборот, подтверждает ее) замена существительных среднего рода со значением незрелости (из этой группы сохранилось лишь слово *дитя*) именами на *-онок, -ыш (теленок, бобренок, ягенок, утенок, оборвыш, малыш, ненаглядыш, пугленыш* и др.). Семантика одушевленных существительных типа *дитя* и категориальная семантика среднего рода несоотносительны, поэтому имена незрелых существ и были устранены из содержательной зоны среднего рода. Если бы средний род в русском языке был только формой, семантически пустой категорией этого бы не произошло.

Характер общей семантической функции грамматической формы среднего рода определяет ряд сфер ее взаимодействия с известными типами лексической семантики, благодаря чему условно могут быть выделены отдельные группировки (группы) имен среднего рода. В значении этих группировок отграничительная (дистанцирующая) функция среднего рода реализуется как бы в специфическом преломлении. В данной статье число рассматриваемых совокупностей имен намеренно ограничено; не анализируются отдельно монарадикальные слова, обозначающие действия (*ощипывание, чтение, сложение, закипание*), имена конкретно-предметной оценочной квалификации (*трепло, страшило, сенцо, дрянцо*), нейтральные слова с предметно-вещественным значением (*зерно, золото, молоко, крыло, веко*) и др. Семантика и употребление таких существительных, как правило, без особых затруднений истолковываются в аспекте функции дистанцирования, присущей среднему роду в русском языке, – ср., например, оттенок отстраненности субъекта от действия, возникающий при переходе от инфинитива к акциональному имени в присвязочном употреблении: *Я люблю петь — Я люблю пение*. По замечанию В.А. Богородицкого, «в первом случае предполагается, что я сам люблю петь, тогда как во втором случае нет этого оттенка лица» [5].

3. В актуально развертываемом высказывании субстантивным значением среднего рода – морфологически или функционально – могут быть наделены слова каких угодно частей речи. Чаще всего форму и функцию среднеродового имени получают прилагательные и причастия. Ср.: Мне мило *отвлеченное*: Им жизнь я создаю... Я всё *уединенное, Неявное* люблю (З. Гиппиус. Надпись на книге); Но *предрешенное* случится. *Случайное* предрешено (Г. Еремеев. Тревожная тишина); – Что это значит своя песня? – Та, в которой *пережитое, передуманное, прочувствован-*

ное. Платье можно надеть с чужого плеча – песню нет (Комс. правда, 1983, 28 VIII).

Очень распространены такие образования среди названий художественных произведений: «Невыразимое» (В.Жуковский), «Далекое» (И.Бунин), «Непредвиденное» (З.Гиппиус), «Красное и белое» (Г.Горбовский), «Прошлое» (В.Луговской), «Живое» (Н.Дмитриев), «Родное» (Ю.Кузнецов) и т.д. Эта, равно как и другие частности функционирования отадельктивных и отпричастных слов среднего рода, показывает, что контекст им нужен не для того, чтобы изменить свою грамматическую функцию, а, напротив, для того, чтобы остаться причастиями и прилагательными.

Во всех подобных случаях, как известно, говорится о субстантивации. Однако, если для слов мужского и женского родов, возникших в результате субстантивации, восстанавливаются исходные словосочетания (*ванная – ванная комната, военный – военный человек, слесарная – слесарная мастерская* и т.д.), то большинство субстантиватов среднего рода таких соответствий не имеет. В этом факте отражается принципиальное отличие системной значимости среднего рода от значимостей мужского и женского родов. Субстантивированные прилагательные и причастия мужского и женского рода, становясь управляющими и управляемыми членами синтаксических конструкций (ср. *Дежурный ищет командующего*), сохраняют конкретность опущенных имен словосочетаний. Напротив, существительные, образованные посредством придания прилагательному или причастию формы среднего рода, всегда являются абстрактными. Тип семантики имени в этом случае изменяется. Данный смысловой эффект порождается семантической (дистанцирующей) функцией среднего рода.

Так как в современных толковых словарях многим среднеродовым субстантиватам посвящены отдельные статьи, есть основания для выделения таких имен (примеры приведены выше) в отдельную группу. Вместе с тем границы этой группы определить невозможно, поскольку, используя метод субстантивации, в семантическую рамку среднего рода носители русского языка помещают что угодно, начиная с отдельных морфем и кончая словосочетаниями и предложениями (*сердечное ты, нежное баю, твоё «растаться навсегда»* и т.д.) [6].

Большого внимания заслуживает, однако, не отсутствие границ у обсуждаемой группы, а то, что во всех случаях окказиональной субстантивации слово-субстантиват обязательно находится в контакте со словом, носителем значимости среднего рода (*нежное/ср. р. – баю*). Подобно тому, как во многих сочетаниях имен с предлогами ударение переходит на предлог (*на́ руки, по полю* и т.д.), субстантивное значение среднего рода в пределах окказионально образованного сочетания перемещается вправо. У слова, отдавшего это значение, остается только ф о р м а среднего рода.

В результате возникает обычная согласовательная адъективно – субстантивная структура: *пресловутое авось, единственное спасибо, страстное «нет»* и т. п.

Комментируя эти случаи, мало было бы сказать, что род является синтаксически блуждающей семьей (категорией), не отметив опять-таки своеобразия среднего рода. Отпричастные и отадъективные субстантиваты мужского и женского рода получают свой род от опущенных существительных словосочетаний (род в этом случае перемещается влево); окказиональные субстантиваты среднего рода, наоборот, получают свой род от стоящего рядом слова среднего рода (род в этом случае перемещается вправо). Это значит, что роды в русском языке различаются по функциональным свойствам и конструктивной силе. В обсуждаемой сфере первенство, безусловно, принадлежит среднему роду.

4. В тесный семантический контакт с отграничительной функцией среднего рода вступают имена, представляющие называемые факты в разрезе их уникальности, особенности, необычности. Обозначая нечто такое, что обычно вызывает удивление, (не)удовольствие, сожаление, гнев, восхищение и т. д., эти имена способны одновременно употребляться оценочно или аффективно-оценочно. Например: *Пела одна актриса очень хорошо. Я вспомнил о той ... эх, канальство!... ничего, ничего... молчание (Гоголь. Записки сумасшедшего); [Кучумов:] Какую я сегодня кулебяку ел, господа, просто объедение! (Островский. Бешеные деньги); Удовольствие представлять себе его удовольствие (А. Битов. Из книги «Айне кляйне арифметика русской литературы»).*

Хотя имена существительные здесь по своим функциональным оттенкам напоминают междометия, исследователи обычно отказываются ставить знак равенства между такими именами и междометиями – поскольку существительные при этом не утрачивают свои «назывные значения» [7]. Группа объединяет существительные *диво, чудо, счастье, безобразие, объедение, канальство, скотство, свинство, проклятие, обвороженье, очарование, загляденье, наказание, искушение, удовольствие, совершенство, великолепье* и др. Экспрессивно-оценочная семантика перечисленных и других существительных нередко подчеркивается словами *просто, что за, это, это же, какое* и др., что способствует функциональному расширению пределов рассматриваемой группы. Ср.: *Над темной молчаливою державой какое одиночество парить!* (А. Вознесенский. «Над темной молчаливою...»); *Дед помрачнел: – Да это ж... Ту-не-ядство!* *Да это же... Мы ж хлеб чужой жуем!* (П. Кучуков. Старое село); *То взрыв, то лязг – такое безгитарье!* (В. Высоцкий. Черное золото) и др.

Имена, обозначающие о б о с о б л е н н ы е поверхностные о б ъ е к т ы – части тела человека или животного, участки территории и пр., тоже как нельзя лучше соотносятся с семантической

категориальной рамкой среднего рода. Помимо нарицательных существительных, в этой группе широко представлены географические термины. Характерно, что нарицательные и собственные имена данной группы структурно изоморфны. Группу составляют в основном производные слова, однако объединяет их не конкретный морфологический характер соответствующих словообразовательных типов, а общая всем этим словам пространственно-локализационная семантика: а) *заплечье, надкрылье, запястье, поречье, междупутье, предмостье, надхвостье, подножие, городище, устье, кладбище, заполье, заозерье, забережье* и под.; б) *Заонежье, Поволжье, Пошехонье, Полесье, Заполярье, Подонье, Подпорожье, Приднепровье, Подунавье, Приморье* и т. д. Употребляются существительные данной группы по большей части как обычные имена с предметным значением. Ср.: *Левобережье* заселено густо, да и лагеря там через пять верст на шестую, а *правобережье* терялось в лесах дремучих (А. Савеличев. Потоп); Но груз, не нем навитый, И мне *заплечье* трет (А. Романов. Сын).

Безусловной мотивированностью относительно закрепления за средним родом в русском языке функции дистанцирования отличаются существительные среднего рода с собирательным значением на *-ьё (-ье)*: *корьё, репьё, хамьё, вороньё, офицерьё, лохмотье, рожьё (от рог), кулачьё, щепьё, листвьё, пескарьё, бабьё, ворьё, тряпьё, лоскутье* и др. К ним примыкает ряд имен на *-ство*: *начальство, руководство, барство, кулачество, бюргерство, крестьянство, офицерство, солдатство, чиновничество, духовенство* и под.

Особенности семантики и значительное количественное представительство имен на *-ьё (-ье)* в сфере обозначения собирательности, наряду с другими данными (прежде всего истории языка), свидетельствуют о том, что собирательность в русском языке системно мотивирована значимостью среднего рода¹⁾. В этой группе имеется несколько пар соотносительных образований на *-ство* и *-ьё*: *кулачество – кулачьё, солдатство – солдатьё, юнкерство – юнкерьё, офицерство – офицерьё*. При этом словам на *-ьё*, точно так же, как и другим, подобным, не имеющим параллельных морфологических соответствий (на *-ство*), свойствен оттенок отрицательной оценки, подчеркивающей элемент дистанцирования в

¹⁾ Ср.: «При отличии грамматического рода полагается следующее начало: мужской род означает древнейшее, великое, твердое, грубое и быстрое, действующее, движущееся и производящее; женский род – позднейшее, меньшее, нежное и тихое, страдательное и воспринимающее; средний род – произведенное, неразвившееся, вешествообразное, с о б и р а т е л ь н о е» (разрядка наша – Л.Н.). – Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. – М., 1992. С. 242–243. Синхронически в сфере собирательности, однако, согласно наблюдениям В.В. Лопатина, в русском языке преобладает женский род. См.: Лопатин В.В. Собирательность в русском языке. Фрагмент функциональной грамматики // Русистика сегодня. 1994. № 3. С. 36.

их семантике. Например: И слазило черного мяса *гнильё* /с гнилых негритянских костей (В. Маяковский. Сифилис); А в тридцать втором всех останных судьба добирает. *Бабьё* пошадит, но навеки отцов отберет (О. Постникова. Фамилия); – Натерпелись мы там беды! ... Солдаты гибли от тифа и голода, а *офицерьё* и в ус не дуло (Н. Островский. Рожленные бурей).

Связанность семантики собирательных имен с дистанцирующей функцией среднего рода, в числе прочего, подтверждается тем, что при переходе от сторонних, косвенных оценок и обозначений к прямому, адресному именованию предметов говорящий с собирательных существительных переключается на формы множественного числа. Ср.: Они и другое подсказали: *мяксинское начальство* и забрали как раз за то, что слишком вольно *распустили* по Шексне частных лошадей. Мол, *новоявленное кулачество*, а вы, *товарищи начальники*, – покровители и защитники *воскресших кулаков!* (А. Савеличев. Потоп).

Рассматриваемым собирательным существительным в целом не чуждо переносное употребление, в котором также проявляется системная семантическая функция среднего рода. Ср.: Святые, какой платок! тончайший, батистовый – *амбра*, совершенная *амбра!* так и дышит от него *генеральством* (Гоголь. Записки сумасшедшего); Накрывшись *шинелью*, я закурил. Огонек под *шинелью* едва тлел, но какое-то проходившее мимо *начальство* страшно закричало: «Кто курит?!» (К. Симонов. Разные дни войны).

К рассмотренным, собственно собирательным субстантивам примыкает группа отрицательно-собирательных имен, содержащих конфис «без- ... -ье (-ие)»: *безлюдье*, *бездожде*, *безводье*, *бездорожье* и под. Ср.: И сразу тянутся на природу отпускники. Кто с рюкзаком и складным примусом – в *безлюдье*, *бездорожье*, *безэрмитажье*... Кто с радикулитом и давлением – на курорт (Известия, 1984, 22. VI). Помимо *безэрмитажье*, в ряду новообразований выделим также: *безлюбье*, *безбрачье*, *безгласие*, *безгитарье*, *бездонье*, *безбрежье*, *бесптичье*, *безголосье*, *бесснежье*, *бездолье*.

В указанном обрамлении встречаются не только корни существительных, обозначающих наглядно представляемые предметы и явления, но и корни содержательно абстрактных имен (*вера*, *доля*, *ум*, *воля* и пр.). Этим обусловлены различия в семантике внешне подобных производных имен. Часть существительных, обозначающих психические состояния и наклонности (*безумие*, *безверие* и др.), входит в тесный семантический контакт с аналогичными им по семантике именами на *-ство* – ср. *безбожие*, *беззлобие*, *бесчестье*, *безволие*, *бессознание* (А нам и боль не в утешенье, И тупость сна не в *бессознание*... – Г. Оболдуев), *безгневие* и т. д., с одной стороны, и *сумасбродство*, *остолопство*,

беспамятство, изуверство, юродство, свирепство и т. п., с другой.

В свою очередь имена на *-ство* демонстрируют столь широкое разнообразие смысловых оттенков, что его едва ли возможно свести без остатка к определенному (закрытому) набору рубрик. Такого рода факты указывают непосредственно на то, что роль объединяющего фактора в этой группе имен среднего рода играет грамматическая, а не частные семантики словообразовательных типов. Очевидно, что подчиненность словообразовательных значений типов грамматической семантике среднего рода не имела бы места, если бы эта категория была сугубо формальной.

5. Среди собирательных и других существительных среднего рода в целом немало суффиксных имен. Легко заметить, однако, что в пределах морфологической категории среднего рода наблюдается значительное тяготение к конфиксному типу структуры. Вследствие этого в русском языке получили распространение сложные существительные. Начальные элементы таких субстантивов из обычных корневых морфем постепенно превращаются в аффиксоиды. С учетом наличного состояния и общих тенденций развития можно полагать, что имена конфиксной структуры в классе существительных среднего рода доминируют над другими. Например, хотя у слов *безлюдье, малолюдье, простолюдье, полюдье, многолюдье* и имеется «беспрефиксное» соответствие *людьё* (Глаза, где я дроблюсь не отражаясь И в потный ком прессуется *людьё...* – О. Постникова), оно, во-первых, одно противостоит пяти именам конфиксной структуры, во-вторых, это слово в силу своей функциональной периферийности представляет собой не правило, а исключение. У имен *редколесье, залесье, перелесье* и пр. (всего, включая окказиональные образования – *дурнолесье, пестролесье* и др., 18 единиц), равно как и у абсолютного большинства других, подобных, такие соответствия отсутствуют.

Возможно, это объясняется тем, что «беспрефиксные» имена тесно связаны с семантикой собирательности и обычно являются носителями негативных оценочных оттенков (см. выше). Судить об этом определенно пока затруднительно, однако нельзя не заметить, что места возможных образований типа *людьё* в русском языке традиционно занимают слова конфиксной структуры: *разводье, раздорожье, полесье, поселье, побережье, созвездие, напарье, просонье, подолье, поместье, подворье, взгорье, угорье, одночасье, поднебесье, соцветие, перекрестье, поречье, низовье* (показательно наличие однозначного с ним и, скорее всего, вторичного *низовье*), а также, возможно, *ухожье, подоконье, снадобье, счастье, отренье, устье, оладье, отродье, поверье, поморье, ущелье, переносье* и под.

Наклонность русской речи к среднеродовым именам конфиксной структуры (включая сложные) подтверждается большим

числом новообразований такого рода (ср. не отмечаемые академическими словарями: *сиюминутничество, подсебягречение, сверхдержавие, зеленоглазье, нервопролитие, самонелюбие, чернословье, кинопаскудство, иноверчество, круглоголовие, партвседозволие, мумиеведение, громоглазье, полноцветие, перводыхание, пустославье, разноветрие, многоэтажье, легкочувствие, трудоучастие* и др.), а также случаями специфического употребления известных слов. Например: *Никогда, /никогда не мелькнет моё имя.../ ...в примечанье к названью / эмигрантского кладбища, и наравне / с именами собратьев по правописанью, / обстоятельством места навязанных мне (В.Набоков. Слава). Понятно, что В.В.Набоков имел в виду собратьев по писанию, писательскому делу, однако в стихотворный текст – и это показательно – ввёл отнюдь не поэтическое слово «правописание».*

К сложным словам среднего рода следует относить также имена с начальным (количественным) компонентом *пол-* (*полгода, полнеба*), которые, особенно в косвенных падежах, в академических толковых словарях смешиваются со словами с начальным качественным *полу-* (*полуправда, полупоклон*). Это смешение приводит к ошибочному толкованию рода многих существительных. Такие слова, как *полмира, полвоза, полмесяца, полдня, полбутылки, полставки, полстипендии, полжизни, полдороги* и мн. др., рассматриваются как тождественные по роду исходным словам без *пол-*. Тем самым игнорируется происходящий в результате сложения *пол-* и формы родительного падежа имени семантический сдвиг в сторону обозначения количественности. Оттенок количественности, представляя факт остраненно, как нечто внешнее относительно говорящего и не тождественное ему (количество объектно), обуславливает перемещение имени в семантическую сферу среднего рода. Имя с добавленным *пол-* становится содержательно двойственным – количественно-предметным.

В одних случаях употребления в семантике такого имени на первый план выдвигается количественность, в других – предметность. Помимо среднего рода, однако, количественная семантика, как известно, в русском языке выражается формами множественного числа. Поэтому имена с *пол-*, в особенности если употребляются переносно, подобно количественно-именным сочетаниям (*пять человек, сто рублей*), могут опираться на различные типы согласования – в зависимости от того, оттенок собирательности или связанный с предметностью оттенок раздельной множественности выдвигается на первое место в сообщении. Ср.:

Полгорода занемогло от ужаса (Герцен. Былое и думы) – Полгорода уже знали, что приезжий семинарист, жених протопоповской дочери, будет сегодня сказывать проповедь (Решетников. Ставленник).

В некоторых случаях *пол-* употребляется как отдельное слово, чем в известной степени оправдывается сложившаяся практика (А.А.Шахматов, В.В.Виноградов и др.) рассматривая употребление среднеродовых существительных с *пол-* совместно с употреблением количественно-именных сочетаний. Ср.:

Я сейчас же приказал вылить *пол-лейки воды* на голову деушки и *пол* на верхнюю часть спины (С.Кнейпп. Моё водолечение).

Подобное употребление не свидетельствует однозначно в пользу точки зрения, согласно которой сложения типа *пол-* + форма род. пад.» – синтетические сочетания дробного числительного *пол-* с именами, поскольку, по мнению некоторых лингвистов (Е.Куриловича и др. [8]), даже в случаях типа *пять человек* сочетаются не два полнозначных слова, а лексическая аналитическая морфема (*пять*) и существительное (*человек*).

Количественность с оттенком собирательности как семантическая доминанта имен, образованных по модели «*пол-* + форма род. пад. ед. числа», подвергается обязательному переосмыслению в раздельную множественность тогда, когда при описываемых существительных используются адъективные или местоименные определения. В этом случае определение оказывается возможным только в форме множественного числа. Сообразно форме определения употребляется и форма сказуемого. Ср.:

Лица у всех скучные и апатические, а *последние полчаса* идут тихо, и, кажется, конца не будет занятию... (Помяловский. Очерки бурсы); Шапошников, не сознавая того, сделал даже шаг к обреченным братьям, точнее *полшага, пробных* еще, *несмелых* (В.Астафьев. Прокляты и убиты).

Согласование такого рода показывает сколь неустойчивы в языке рассматриваемые существительные в семантико-грамматическом отношении, сколь значительно их стремление к утрате своей особенности – и семантической и функциональной.

В родительном, дательном, творительном и предложном падежах разбираемым существительным возвращается их предметная семантика, а также род их производящих. Соответственно этому количественное *пол-* модифицируется в качественное *полу-* (в ряде случаев, однако, имеет место только семантическое видоизменение *пол-*), количественность отодвигается вглубь семантики существительного. Собственно говоря, в позициях перечисленных падежей возникают новые имена, которым в именительном и винительном падежах до известного времени соответствуют количественные существительные среднего рода. Ср. примеры:

Сталинград приучил человека, вооруженного автоматом, *полдюжиной* гранат и пулеметом, считать себя, что бы ни творилось кругом, силой... (К.Симонов. Третье лето); Лаврецкий объа-

вил, что проводит гостей *до полдороги*, и велел оседлать лошадь (Тургенев. Дворянское гнездо); Больше *полугода* не надевала она этого платья (Боборыкин. Китай-город).

Появление *у* в перечисленных падежах считается естественным; само же *у* определяется как интерфикс, хотя, изменяя тип существительного, оно в действительности является значимым показателем (чем-то наподобие внутренней флексии).

Семантико-грамматическая неустойчивость среднеродовых существительных типа *полгода*, *полстраницы* объясняется как раз тем, что их род семантически мотивирован (содержанием количественности), тогда как в русском языке для сферы неодоушевленных имен правилом является отсутствие содержательных оснований для деления существительных по роду. Поэтому, где это возможно, тотально преобладающие формальные признаки рода подавляют и «закрывают» его семантическое проявление.

Едва ли правильно, как это делают авторы академических грамматик и составители толковых словарей, объединять в пределах одной парадигмы слова с мотивированным и немотивированным родом. Появление в номинативе имен мужского и женского рода, поддерживающих и поддержанных формами других падежей, указывает на изначальную разнородность парадигм. Вследствие этого и проявляется тенденция к образованию иных, неасимметричных, однородных парадигм имен существительных: *получас*, *получаса*, *получасу*, *получасом*, *о получасе* и под.

Видоизменяя практику академических грамматик и толковых словарей, некоторые новые лексикографические источники квалифицируют имена с *пол-* как неизменяемые [9]. Родовые характеристики, однако, как и прежде, даются соответственно роду мотивирующего имени (*полсеместра* – имя муж. р.; *полстипендии* – имя жен. р. и т.д.). Отдавая должное указанной теоретической новинке, отметим все же, что и при таком подходе суть дела остается незатронутой. Слова *полсеместра*, *полстипендии* и под., как было показано, являются мотивированными в отношении грамматической семантики именами среднего рода, употребляемыми обычно только в именительном и винительном падеже. Использование определений при таких словах приводит к смешению семантики среднего рода и множественного числа, вследствие чего таковые (определения) оказываются возможными только в форме множественного числа. В других падежах названным именам соответствуют сложные имена иной морфологической структуры и семантики. Понятие неизменяемости не отвечает понятию позиционной ограниченности, поэтому неизменяемыми обсуждаемые слова могут считаться только условно.

В языковом развитии грамматических форм противостоят две тенденции – тенденция к обретению (возрождению) и тенденция к утрате семантической мотивации. Сложное слово семантически

более прозрачно, чем какое-либо другое, оно мгновенно высвечивает своеобразие, особенность факта, о котором сообщается. Расположенность русской речи к сложным словам, причем прежде всего на том участке, который в подсистеме существительных отведен среднему роду, указывает на данные слова как на область проявления тенденции к мотивации. Этими именами, однако, сфера мотивированности среднего рода в русском языке не ограничивается. Не только сложные существительные, но и другие слова, имеющие форму среднего рода (существительные других типов, безличные глаголы, предикативы), представляют – каждое по-своему – явления в определенной семантической рамке: остраненно, дистанцированно, как то, что ни по каким признакам не может быть тождественно говорящему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 318.
2. Потенба А.А. Из записок по русской грамматике. Т. III. М., 1968. С. 452. (Другие страницы этой книги указываются в скобках). Ср. также цитированные ниже (в сноске) слова Ф.И.Буслаева.
3. Потенба А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. II. М., 1977. С. 256.
4. См.: Ельмслев Л. О категориях личности—неличности и одушевленности—неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 122, 132 и сл.
5. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935. С.177.
6. См.: Русская грамматика. Т. I. М., 1980. С. 467.
7. Германович А.И. Междометия русского языка. Киев, 1966. С.23. Помимо связи с функционированием междометий, должна быть отмечена близость по употреблению имен этой группы с семантически соотносительными с ними наречиями.
8. Ср.: Вихованец І.Р. Частини мови в семантико-граматичному аспекті. К., 1988. С. 31.
9. См.: Новое в русской лексике. Словарные материалы – 79. М., 1982. С. 194.

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА, КОНТАМИНАНТ И КОНТЕКСТ

Под внутренней формой в лингвистике понимается семантическая и структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка; признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения слова [1, 85]. Данное определение содержит, на наш взгляд, сугубо словарное, схематизированное толкование явления, сводящее специфику внутренней формы чуть ли не к комбинаторике морфем. Между тем исследователи, идущие вслед за В.Гумбольдтом и А.А.Потебней, приходят к выводу, что внутренняя форма представляет собой лишь некую составную часть целого, которое невозможно однозначно свести «ни к этимологии слова, ни к лексическому значению, ни к мотивированности, ни к простой сумме значений составляющих морфем»; «это умственный интерферированный образ, отражающий в виде апперцепционного представления один или несколько существенных признаков денотата, обусловленный морфемной структурой слова или выражения» [2, 66-67].

Контаминация трактуется в современной филологии как объединение в речевом потоке двух языковых единиц на базе их структурного подобия или тождества, функциональной или семантической близости. За последние годы трактовка контаминации претерпела значительные изменения – от полной неотмеченности признаков соединения двух слов в одно до детализации способов указанной связи (с изменением и наложением). В современной русистике за термином закреплено два значения: 1) любое соединение, скрещение; 2) объединение одного слова и части другого (А.И.Басова, М.У.Калниязов), начальной части с целым словом или слова с концом другого слова (Р.Ю.Намиитокова), частей слова, имеющих фонетическое сходство (К.Л.Егорова, М.С.Малева, И.С.Торопцев). Мы придерживаемся того мнения, что и каламбурный способ словообразования М.У.Калниязова, и способ преобразования лексической единицы И.С.Торопцева по своей природе аналогичны контаминации в узком смысле [3, 104-105]. Трансформация производящего вызывается здесь участием второго компонента, фонетически сходного с первым. См.: *каинозойская* (эра) – *каинозойская* + *Каин*; *лексиконгенуально* – *лексикон* + *конгенуально*; *люмпаны* – *люмпены* + *паны* и др. [4, 11-12].

В качестве особого способа словопроизводства контаминация существует в двух основных разновидностях, которые обусловлены полным или частичным объединением звуковых оболочек производящих слов. При частичной контаминации две фонетически

близкие звуковые оболочки накладываются друг на друга, создавая общую часть. См.: *пьянварь* – *пьяный* + *январь*; *Хихимора* – *Кихимора*, повторяющая *хи-хи*; *черным* – *Чернухинский* (район) – *Чернухинский* + *черным-черно* и др. [5]. Полная контаминация осуществляется на базе двух слов с полностью идентичными звуковыми оболочками, при условии, что данные лексические единицы находятся между собой в отношениях полисемии и связаны общностью сем, как, напр., в стихотворении Н.И. Глазкова «Почему я отказался от самолета»: «Нам, поэтам, верхоглядство Противопоказано» [5, 25]; *верхоглядство* – *верхоглядство* (взгляд сверху) + *верхоглядство* (поверхностность).

Материалом для наблюдений послужили нам результаты полной контаминации (полные контаминанты), обнаруженные в произведениях художественной литературы и в периодической печати. «Из нетождественных по значению самыми близкими являются родственные лексические единицы, находящиеся в отношениях полисемии. В их значениях есть соотносительный признак, а звуковые оболочки вовсе не различаются. ...Такую мотивированность можно назвать сильной» [6, 126]. «Силу» эту обеспечивает семная структура лексического значения производного, или его компонентный состав, особенности которого заложены уже на уровне производящих. В ходе создания лексической единицы на базе обогашенного, обновленного апперцепционного представления имеет место замена архисемы. Так, две лексические единицы со звуковыми оболочками *казацьья сотня* (они же номинативные единицы) различает денотативная ориентация: «отряд, группа людей» и «денежная купюра – сувенир Одесского фальшивомонетного двора» [7, 6]. Дифференциальные семы также не совпадают: в первом случае манифестируются отношения включения, во втором – принадлежности // отношения.

Процессы создания и понимания слова в целом аналогичны друг другу, однако конкретный анализ контаминант заставляет признавать изменение приоритетов тех или иных сем в зависимости от изменения апперцепционного представления воспринимающего. Это актуально и для тех случаев, когда одна из сем принадлежит к коннотативным, поскольку при анализе художественной речи первичное и вторичное с точки зрения возникновение часто не совпадают с функционально важным или неважным. С позиций реципиента внутренняя форма у контаминант есть порождение фонетических особенностей лексических единиц; через знакомое, языковое проясняется новое, речевое. Напр., в стихотворении «Компьютер» Н.И. Глазкова привлекает внимание прилагательное *электронный*, совмещающее, как принято выражаться, значения «относящийся к электронике» и «подобный электронному по точности воспроизведения, по объему памяти»: таким путем поэт отождествляет некоторых своих «коллег» –

«компьютеров, компьютершей» – с безупречными внешне, но бездушными электронно-счетными машинами:

Достаточно проницателен и хитер,
Стихи читает лучше, чем актер,
И обладает *электронной* памятью.
В аудиторию любую вхож.
Потребуется – будет он хорош
Литературно-конъюнктурной праведью [8, 307].

Лингвистически точнее было бы в данном случае отмечать не слияние // совмещение значений (а тем паче сем), но тот факт, что контекст восприятия не позволяет читателю признать ядерной, ведущей определенную группу сем.

Указанная закономерность еще более важна для понимания идиостиля поэта. В нем денотат «пропущен» не только сквозь призму человеческого мышления и языка, но и через фильтр норм художественной и собственно поэтической речи. Полные контаминанты несут в поэзии двойную, тройную нагрузку. В лирическом шедевре Глазкова «Моя жена» двуплановость изображения (Женщина — Река) ощущается реципиентом благодаря полному наложению звуковых оболочек в целом ряде различных частей речи:

Не две дороги светлого стекла,
Не две дороги и не две реки...
Здесь женщина любимая легла,
Раскинув ноги Волги и Оки.
Запрокинув руки *рукавов*
И золото своих *песчаных кос*,
Она лежит на ложе берегов
И равнодушно смотрит на откос.
...Она тебя утопит ни за грош:
Есть у нее на это *глубина*,
Но, если ты действительно хорош,
Возьми ее, – она моя жена [8, 223].

Действия (*утопит*), признаки (*песчаных*), предметы, в т.ч. грамматические (*рукавов, кос, глубина*), пропущены субъектом словопроизводства через модус «как бы»; иными словами, к ряду сем добавлены коннотативные (*утопит, глубина*).

Речевая деятельность и ее результаты воплощены в контексте. Лексические актуализаторы внутренней формы контаминант в контексте значительно облегчают воспринимающему мыслительную деятельность по восстановлению исходных представлений в производящих:

Святые горы – Пушкинские горы!
Холмы, равнины, и леса густые,
И голубая Сорочь, и озера,
Коль Пушкинские, то вдвойне *Святые!* [5, 25].

См.: *Святые – Святы* (со святым монастырем) + святые (достойные поклонения); лексический актуализатор – *вдвойне*.

Контаминационный словообразовательный механизм действует и в области фразообразования, правда, чаще под другими наименованиями: буквализация, обыгрывание мотивировки, «оживление» буквального значения слов-лексем, добавление, двойная актуализация [9, 44]. Полная контаминация присутствует в заглавии и рефрене стихотворения Н.И.Глазкова «Тутанхамона видел я в гробу» [8, 319], создает эффект комического в поэтической шутке «Про пожары», где контекст (разлили и залили... водой) проясняет двойной смысл контаминанты *нас водой не разольешь!* [8, 254].

Мощным средством прояснения внутренней формы полных и частичных контаминант является графический способ их подачи. В к. XIX – нач. XX вв. основным средством отчуждения контаминант служили кавычки, относящиеся, впрочем, к любым окказионализмам. Ныне посредством печатания заглавных букв не в начале слова (т.е. с помощью различных шрифтов) отдельными периодическими изданиями маркируется отрезок слова, совпадающий у производного и производящих. См.: *АНТичная история: Вчера АНТ, сегодня – дело о 140 миллиардах, завтра – ...* [10,6]; *ДжентльМЕНское* соглашение одобрено: Парламенты Белоруссии, России и Украины ратифицировали договор своих президентов [11, 1]; *КраеУГОЛЬНЫЙ* камень: Шахтеры надеются на переговоры с правительством [12, 1]. Как видим, подзаголовок становится существенно необходимым для правильной ориентировки воспринимающих. С точки зрения особенностей наложения производящих, перечисленные контаминанты занимают позицию между полными и частичными [13].

Контекст способен также вводить читателя в заблуждение, подталкивая его к поискам контаминации там, где ее нет. Псевдоконтаминанты – результаты применения других способов словопроизводства, вызывающие с помощью контекста мысль о контаминации. Сопоставление контекстов возникновения и использования обнаруживает отсутствие у псевдоконтаминант общих сем или различие архисем. См.: *Горячее Должно быть наилучшее, Могучее, Везучее, Летучее* [5, 190]; *Хорошо, когда люди толкаются, Если можно людей толкать. Это дело толковое, знамое* [8, 117]; *Лодки сушатся на суше, Лодки водятся в воде* [8, 474].

Итак, анализ результатов полной контаминации показывает, что в «сомышлении» реципиентов по поводу внутренней формы контаминант, в разграничении псевдо- и контаминации, полной и частичной разновидностей последней важную роль играет контекст; графические средства современного русского языка расширяют его возможности [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь/ Гл.ред. В.Н.Ярцева. М.: Сов. энциклопедия. 1990
2. Кияк Т.Р. О внутренней «форме» лексической единицы // Вопр. языкознания. 1987. №3.
3. Торопцев И.С. Словопроизводственная модель. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980.
4. Спажук В. Людинозавры // Е-мое!: Журнал для улыбочивых. Донецк, 1993. №2.
5. Глазков Н.И. Автопортрет: Стихи и поэмы. М.: Сов.писатель, 1984. С. 241, 67, 146.
6. Торопцев И.С. Язык и речь. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.
7. Рабочая газета. Киев, 1991. 2 апреля.
8. Глазков Н.И. Избранное. Худ. лит., 1989.
9. Маргулис В.Д. Изучения значения словосочетания и семантики текста. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987.
10. Лит. газета. 6 марта 1991.
11. Комсомольская правда. 13 декабря 1991.
12. Комсомольская правда. 12 марта 1991.
13. Другую точку зрения см. в кн. И.С.Торопцева «Словопроизводственная модель». С.102.
14. Беляева М.Ю. Параллелизм контаминации узуальным способам словопроизводства// Материалы II Международного семинара «Славянская культура в современном мире (изучение и преподавание в иноязычной аудитории)/ Центр Славистики; отв. ред. С.П.Фадеев. Киев, КГПИИЯ, 1991. С.198-200.

ТИПОЛОГІЯ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧНИХ ВІДНОШЕНЬ

У сучасному українському синтаксисі певною мірою спостерігається корелятивність між тим чи тим типом синтаксичного зв'язку і різновидом семантико-синтаксичних відношень, хоча вичерпний перелік останніх у цілому ряді досліджень варіюється. До основних різновидів семантико-синтаксичних відношень здебільшого відносять: 1) *предикативні*, 2) *атрибутивні*, 3) *об'єктні*, 4) *обставинні*, 5) *апозитивні*, зрідка додаючи *напівпредикативні*, що базуються на особливому на п і в п р е д и к а т и в н о м у зв'язку. Окремі лінгвісти розрізняють *непредикатні* й *предикатні* семантико-синтаксичні відношення.

З-поміж перших постають: а) суб'єктні [*Народ говорив тільки «мужичою» мовою, від якої з погордою всі відверталися* (І.Огієнко)]; б) об'єктні [*Ось вечір знов. Заплющує повіки Безсилий день* (Є.Маланюк)]; в) адресатні [*Люблю Вітчизну. Та любов У мене дивна. Не прикрюся. Коли я знов не догодив вам* (І. Світличний)]; г) інструментальні [*І тремтячими руками У Султана надалу Понад злісними катами Він пустив свою стрілу* (Г. Чупринка)]; д) локативні, пов'язані зі значенням місця перебування дії, її вихідного і кінцевого пунктів руху та місця переміщення, пор. *знаходиться на відпочинку; вийти з лісу; увійти до хати; перевозити через річку* [*Не ходи, моя квітчко, в садочок, Де пахучі троянди цвітуть* (Д.Загуг)]; *Сонце заховалося за шторку* (В.Лазарук); *Вийшли з хати батько й мати В садок погуляти* (Т. Шевченко); *Журилася вона (Ганна) довго й гірко, що ні з ким її перевезти своє жниво з поля у двір через отой Буг та й нічим* (О. Слісаренко)].

До предикатних семантико-синтаксичних відношень зараховуються такі, які відображають особливості семантичної неелементарності речення: а) атрибутивні [*Краплі червоної крові, Червоної крові з осик...* (В.Чумак)]; б) модальні [*А може, й справді мудрість в тім, Що краще у житті Згорить на полум'ї палкім, Ніж згаснуть в темноті* (В.Бичко)]. До вторинних також зараховуються нерівнорядні адвербіальні семантико-синтаксичні відношення у простому ускладненому реченні, що є повністю тождними відповідним різновидам відношень між частинами у структурі складнопідрядного речення [*Так само завтра і позавтра буде* (М.Руденко); *Над доріжкою з асфальту дві берізки обнялись* (В.Сосюра); *Діти в ліс подались по гриби* (Н.Забіла); *Через негоду і суховії не було справжнього урожаю овочів* (З газ.); *Незважаючи на лікування, Марія Пилипівна почувала себе все гірше* (В.Підмогильний); *Встряв у бійку на своє нещастя, на свою біду*

(З газ.); *Зима крізь вії дивиться на світ* (М.Хвильовий); *У донецьких степах, у пісеннім селі Срібні хвилі плывуть* (О. Лупій); *Для радості, для миру вся наша праця* (В.Сосюра); *До мене ніч прийшла купати зорі в моїх очах* (В.Лучук)]. Виразниками таких семантико-синтаксичних відношень у структурі простого речення виступають детермінанти, «утворені внаслідок згортання підрядної частини складнопідрядного речення...» (Вихованець, 1993, с. 45).

До вторинних семантико-синтаксичних відношень зараховуються такі, які у своїй основі є предикатними і становлять результат згортання самостійних речень і репрезентують окремі пропозиції [див. (Вихованець 1993, с. 43-46)]. На рівні складно-сурядного речення визнаються базовими предикатні семантико-синтаксичні відношення єднального, зіставного, протиставного, розділового типу: *І всі ми як один підняли вгору руки, І тисяч молотів о камінь загуло, І в тисячні боки розприскалися штуки та відривки скали...* (І.Франко); *А вечір паить вікна незнайомі, А синя хмара жаром пройнялася, А синій ліс просвічує огнем, А вітер віти клонить і співає...* (М.Рильський); *Чи то війнує снігами небосхил, Чи то так сумно розкричалась галич* (І.Світличний); *Літа минають за літами, Та знову пам'ять поверта Оту хвилину біля мами, Яка навіки золота* (Л.Талалай); *Не тільки той поет, що засіває віршами папір, але й той, що має в душі радощі й тривогу хліба, радощі й тривогу людини* (М.Стельмах) і под. При цьому у складно-сурядних реченнях можуть виявлятися адвербіальні семантико-синтаксичні відношення, перенесені із складнопідрядних речень, де вони постають у первинному своєму вияві (Вихованець, 1993, с.46-47). Такий підхід повністю охоплює спектр первинних (непредикатних) і вторинних (предикатних) семантико-синтаксичних відношень, при цьому основними постають саме непредикатні семантико-синтаксичні відношення, через призму яких відтворюється ситуація (предикат з його аргументами). При всій привабливості і логічній мотивованості розмежування предикатних і непредикатних відношень, вирізнення з-поміж останніх нерівнорядних підтипів, видається правомірним розрізнення предикативних відношень, що за своїм характером є базовими у структурі простого двоскладного речення. Саме вони ґрунтуються на особливому типі взаємодії категорійний ознак – м і ж ч а с т и н о м о в н о м у м і ж к а т е г о р і й н о м у, при цьому вияв такої взаємодії, що характеризується в з а е м о п р о н и к н е н н я м категорійної семантики, на кожному з рівнів – власне-морфологічному, власне-синтаксичному, семантико-синтаксичному і комунікативному постає особливим. Так, на комунікативному рівні носієм суто предикатних ознак постає дієслівно-присудковий елемент, інформативну ж достатність забезпечують категорійні фор-

ми відмінків іменника, що взаємодіють із семантико-синтаксичним виявом граматичної морфологічно опосередкованої міжрівневої категорії валентності.

Вторинною комунікативно орієнтованою є категорія роду іменника, що за своїм характером є постійно актуалізованою в умовах мовленнєвої комунікації (найбільшою мірою вжиток її категорійних форм визначуваний ситуативно прагматичними чинниками, пор.: *На запитання про балтійських снайперш (білі колготки), Челнов відповів, що таких не бачив, але були осетинські дівчата, які вміють стріляти аж ніяк не гірше* (Східний часопис. 1995. №29); *Недарма літератор і кінорежисер Мирослава Ребман, безпосередній учасник боїв у 1943-1955 р.р., а також лікар за фахом і покликанням, звернулася саме до колишніх повстанців, аби залучити їх до зйомок документальної стрічки про повстанську війну* (Шлях перемоги. 1994. 23 липня); *Запалюю оцю свічку за всіх пластунів і пластунок, за нашу пластову родину в цілому світі* (Соняшник. 1991. № 9-12, с. 56); *Але серед всього цього мороку людського невдосконалення, то тут, то там світяться теплі серця чоловіка і чоловічиці, це ті серця, що ніколи не поривали свого зв'язку із Всевишнім та його Законом* (Монархія і Україна. 1992. 111, с. 19); *«По перше, – розповіла мені Алла Костянтинівна, – Марія – обдарована людина, народний майстер з шиття. І водночас – реставратор одягу. Та ще який!.. Я переконалася: Марія Гаврилівна – поки що єдиний у нашій країні віртуоз у царині реставрації старовинного одягу... Одне слово, Марія стала моїм добрим партнером, колегою, однодумцем»* (С.Плачинда. Жорстокість // Літературна Україна. 1988. 16 червня); *Нові будинки, нові вулиці, нові дороги, нові прилучани і прилучанки, які ростуть, наче гриби у навколишніх лісах* (Перець. 1986. №14, с.2); *«Коли ж ми поляжемо в битвах, то юнаки і юнки, підрісши, продовжать на цій землі наші роди»* (В. Чемерис); *Вони (традиції) підтримані її спадкоємницями - нинішніми педагогами Вікторією Андріївною Демчик і Надією Василівною Кукош* (Літературна Україна. 1976. 13 лютого); *Навіть, коли одружувався із співухою Лідкою, а вся її численна рідня назавжди відчуралася від неї та ще й погрожувала по-своєму жорстоко розправитись з обома, сприймав це як визнання власної сили* (Літературна Україна. 1986. 30 січня). У цьому спектрі категорійна семантика форм роду активно взаємодіє з особливостями вираження значення особи, що співвідноситься з позицією підмета, в якій активізується особова семантика, підпорядковуючи своєму вираженню присудкові форми [У цьому плані надзвичайно цікавою видається думка Т.П.Ломтева щодо форм минулого часу дієслова, де «...особові займенники» слід розглядати «як особові префікси дієслів»: *Я писав // Ти писав // Він писав* (Ломтев, 1958, с.23)].

Поряд з морфологічним родом іменників розташовується число з його особливим потенціалом репрезентації ситуативно-прагматичних завдань та й постійною спрямованістю форм числа в коментарі (Загнітко 1991, с.39-45). Якщо форми граматичного роду є актуалізованими тільки з-поміж назв осіб, то форми числа з-поміж усього загалу іменників є предикатними, що можуть набувати конкретного окреслення числового виміру через аналітичні синтаксичні морфеми типу *опа, три, чотири*. Форми числа здатні виражати шлий ряд функцій, що пов'язано з актуально-предикатним виміром їх значущості в умовах мовленнєвого контексту, пор. співвідношення значень однорідності / неоднорідності, глобальності / розчленованості, однакратності / неоднакратності, інтенсивності / неінтенсивності у форм множини: *Настала осінь з вітрами холодними, дощами дрібними, постійними негодами* (Леся Українка); *Прокіп тримав корови, доглядаючи за ними пильно і самовіданно* (К. Греневичева); *Переходи, переходи, переходи і знову переходи, які тільки думки від них не зринають у стомлений уяві* (В.Підмогильний); *Головне – «давню рейтинг дії Уряду не був такий високий», а маючи масову «підртижку розуміння росіян» – плювати нам на всі оті Європи! І, до речі, на Америки також* (Народна газета. 1996. №7. с.6); *Мінеральні масла являють собою продукт перегонки нафти, вугілля і смолистих сланців* (Захист рослин від шкідників і хвороб. - К.: Від-во АН УРСР, 1952, с.17) та ін.

Якщо враховувати весь спектр внутрішньореченнєвих і міжреченнєвих (внутрішньосхемних і міжсхемних) перетворень, то постає необхідним розмежування п'яти визначальних типів семантико-синтаксичних відношень з обов'язковою констатацією особливої парадигми семантико-синтаксичних відношень на базі сурядного зв'язку. При цьому слід констатувати, що окремі з них охоплюють або включають декілька різновидів, пор. об'єктні семантико-синтаксичні відношення внутрішньо диференціюються на 1) власне-об'єктні (*зустріти товариша, відчувати радість, прочитати листа, зазнати нещастя, перечекати негодю, перенести горе*), 2) об'єктно-адресатні (*надіслати матері, подарувати дівчині, адресувати товаришеві*), 3) об'єктно-інструментальні (*вишивати голкою, забивати молотком, різати ножом, чистити порошком, косити косою, жати серпом, орати трактором, збирати комбайном*); обставинні семантико-синтаксичні відношення внутрішньо диференціюються на цілий ряд семантичних підтипів: а) якісно-кваліфікаційні: *Кулі прошивали повітря щоразу густіше* (О. Гончар); *Раптово земля підносилаь вгору* (Б.-І. Антонич); б) якісно-характеризуючі: *Село було засипане снігом до половини* (М.Коцюбинський); *День у день ставало тривожніше на душі, раз у раз все єство пронизував неспокій* (О. Слісаренко); в) локативно-рамочні: *І буду ждати кожної години В*

далекому чи близькому краю Одну тебе, тебе єдину, Маленьку милу дівчинку мою (В.Симоненко); В таку добу, під горою, біля гаю, Щось чорніє над водою, щось біле блукає (Т.Шевченко); г) темпорально-рамочні: Споконвіку тема України, отецького первокореня у нашій поезії була на чільному місці (М.Олійник); А сад цвіте! Люблю його в усяку пору – і золотим літом, і багряною осінню, і взимку (О.Гончар); д) причиново-інтерпретативні: А мати тільки гляне вслід з порога. І, прихиливши до дверей чоло, Замре, – від суму, радості, тривоги, – їй вісімнадцять теж колись було... (В.Соколов); Вицвіли в матері очі від чекання (О.Довженко); д) інтерпретативно-цільові: О, не даремно, ні, для слави і розплати, огонь пісень поніс задумливий поет (А.Малишко); Пам'ятатимеш не для пам'яті, а для чогось того буденного/небуденного (І.Драч); е) інтерпретативно-умовні: При щирості між людьми, при глибокій і міцній симпатії ніякий ризик не страшний! (Леся Українка); За доброї погоди ми не тільки вчасно посіємо увесь ярій клин, але й зможемо висадити в ґрунт ранні овочі і вже на самий початок літа сподіватися їх першого урожаю (Сільські вісті. 1995. 12 квітня); є) допустові (протиставно-допустові, умовно-допустові, наслідково-допустові, причиново-допустові): Не знайшовши броду, не лізть у воду (Нар. тв.); Всупереч живим фактам, наперекір здоровому глузду ці горе-теоретики твердять про «відмирання» народної творчості» (М.Рильський) та ін. Вирізнення напівпредикативних відношень не видається доцільним, оскільки у своєму загалі вони включені у обставинні або атрибутивні семантико-синтаксичні відношення, що мотивується типом їх загальної структурної взаємодії з опорним словом, пор.: ...Сердець, напоєних любов'ю, Не повізнить і далина (О.Гончар); Слава ж нашій Україні, воскресаючій, незалежній, соборній, слава їй на віки вічні (О.Гончар); Діла мої, буденні і великі, Відкриті перед людством, як сльоза (Б.Олійник) – атрибутивні семантико-синтаксичні відношення виражаються відокремленими зворотами у формі дієприкметникових зворотів та одиничних / парних прикметників: Хустину кинувши на плечі, надівши плаття весняне, Берізка вибігла надвечір І жде чи вітру, чи мене (С.Будний); Любила Галинка сімейні вечори, коли мама, примружуючи очі, вишивала біля вікна (Л.Тараненко) – обставинні семантико-синтаксичні відношення виражаються відокремленими зворотами у формі дієприслівникових зворотів.

Особливістю предикативних відношень виступає їх репрезентація і на рівні простого речення, і на рівні складного речення. В межах простого речення предикативні відношення репрезентуються предикативною парою – граматичною основою (підметом і присудком). На рівні складного речення вони постають як репрезентанти цілісності структур із взаємозалежними частинами. До останніх належать утворення, в яких одна з частин

постає як розгорнутий підмет другої, тобто один із компонентів складної структури виступає позиційним аналогом підмета, пор. *Мені ввижається, як в тихім, ріднім колі Старий дідусь навча своїх онуків, Про давнину справдешні байки править, Про те, що діялось на нашім світі* (Леся Українка); *Відомо ж, хто шукає – знайде* (П. Загребельний) і под. У таких складних реченнях виявляється з особливою силою взаємозалежність частин, оскільки, з одного боку, одна з частин (домінуюча) передбачає наявність обов'язкової такої частини – аналога підмета (*Мені ввижається; Відомо ж, знайде*), з другого боку, підрядна частина постає валентно зумовленою (*як в тихім, ріднім колі Старий дідусь навча своїх онуків, Про давнину справдешні байки править; хто шукає*).

Атрибутивні відношення охоплюють конструкції, в яких виражаються відношення предмета та його ознаки, хоча цілий ряд лінгвістів останнім часом повернулися до поглядів О.Х. Востокова, вважаючи обставинні семантико-синтаксичні відношення різновидом означальних (Русская грамматика. 1980, с.15-45). Такий підхід вимагає корекції, оскільки обставинну семантику у всьому її загалі ні в якому разі не можна звести до означальності. До означально-обставинних семантико-синтаксичних відношень слід віднести словосполучення із залежним компонентом, що виражений означальним прислівником або його еквівалентом: *захоплено розповідати, сміливо декламувати, йти разом, перечитувати раз у раз* та ін. Всі інші обставинні відношення ніякою мірою не належать до означальних, оскільки окреслюють умови перебігу дії, точно відтворюють причини, умови та ін. її реалізації. Один з підвидів атрибутивних семантико-синтаксичних відношень становлять *суб'єктно-означальні* відношення, в яких залежний компонент окреслює суб'єкта (на рівні словосполучення залежне слово є результат перетворення внутрішньореченнєвої позиції підмета і таке словосполучення є наслідком дериваційних відношень між реченням і словосполученням: *Батько приїхав* → *приїзд батька; Льотчик полетів* → *політ льотчика*), пор.: *Учень відповідає* → *відповідь учня; Хлопець малює* → *малювання хлопця* [слід відрізнити від сильнокерованих компонентів, де залежний компонент окреслює об'єктну семантику: *малювання (кого?) хлопця*]. Основним варіантом вираження атрибутивних семантико-синтаксичних відношень на словосполученнєвому рівні виступає поєднання атрибутивного (прикметника, займенника та ін.) компонента з іменниковим словом або іншим субстантивованим елементом: *червоне плаття, цікаве оповідання, зелена долина, висока сосна, прадавній ліс, могутній дуб; розлоге «ура!», набридливе «кра!», красиве «п'ять»* і под. До цієї моделі прилягають різноманітні вторинні реалізації семантико-синтаксичних атрибутивних відношень на словосполученнєвому рівні: *шапка батька, хустка матері, учитель школи, викладач вузу, командир*

полку, сторінка зошита, шафа для книжок, коробка з-під олівців, стіна будинку, краса дівчини, кава по-турецьки, стрільба лежачи, дорога ліворуч, поїздка вдвох, двері на сході, шиття схилившись, читання лежачи, відповідь на всі сто, обцянка після дощукі в четвер, перший у спуску та ін. При цьому основним постає характеризуючий статус залежного слова щодо стрижневого – носія предметної семантики. Атрибутивні семантико-синтаксичні відношення реалізуються також на реченневому рівні, охоплюючи значну частину складнопідрядних речень прислівного нечленованого типу, пор.: *Слово, чому ти не твердая криця, Що середбою так ясно іскриться? Чом ти не гострий, безжалісний меч, Той, що зди́ма вражі голови з плеч?* (Леся Українка); *Благославенна та година, як мати народила сина і нарекла його Тарасом, – титана-сина, що над часом зросте, повстане, потрясе усіх і вся!* (В.Коротич); *Це дуже тяжко – написати пісню, Що, мов колиска, йде із роду в рід, Від маминих очей до зір гойдає* (Д.Павличко); *Є штрих, без якого немає картини...* (Р.Третьяков) і под.

Об'єктні семантико-синтаксичні відношення передбачають вираження залежним компонентом об'єктної семантики: вона постає валентно зумовленим виявом відповідного семантико-синтаксичного потенціалу головного слова (головної частини) (головна частина у складнопідрядному реченні характеризується в ряді випадків активним виявом валентності, зумовлюючи наявність при собі тільки належного типу підрядної частини). Об'єктні семантико-синтаксичні відношення реалізуються на словосполученнєвому і реченнєвому рівнях. На словосполученнєвому рівні об'єктні відношення диференціюються на власне-об'єктні, об'єктно-адресатні, об'єктно-інструментальні. Власне-об'єктними постають такі відношення, при яких залежне слово виражає власне-об'єктну семантику, поєднується з опорним словом сильнокерованим підрядним прислівним синтаксичним зв'язком: *читати книжку, зустріти дівчину, відчутти щастя, писати оповідання, принести удачу* та ін. Об'єктно-адресатними виступають такі семантико-синтаксичні відношення, при яких залежне слово позначає адресата дії, його наявність є опосередкованою сильнокерованим елементом – носієм власне-об'єктної семантики. Елемент об'єктно-адресатної семантики поєднується з опорним словом напівсильним підрядним прислівним синтаксичним зв'язком форми керування: *надіслати листа матері, привезти хліба бабусі, передати книгу дівчині, повернути картини авторів*. Об'єктно-інструментальними є такі семантико-синтаксичні відношення, при яких залежне слово позначає знаряддя (засіб здійснення) реалізації дії. Залежний компонент пов'язується з опорним словом слабким синтаксичним підрядним зв'язком у формі керування: *забивати цвях молотком, зрізувати колоски ножем, косити траву косою, чистити посуд порошком* (інколи

такий об'єктно-інструментальний елемент може імплікуватися, внаслідок чого експлікуються тільки актуалізовані елементи валентності головного слова: *крохмалити сорочку* <— *крохмалити крохмалем сорочку*; *перчити справу* <— *перчити перцем справу* і под.). Різноманітні підтипи семантико-синтаксичних відношень об'єктності реалізуються на рівні складнопідрядного речення, де з-поміж нечленованих прислівних структур постають нерівнорядні вияви цих відношень між головною і підрядною частинами, пор.: *Хочеш знати, чим справді було те, що так колись пишно цвіло, що на серце наводило чари...* (Леся Українка); *Треба знати, який шлях обрати і вкласти в працю всю свою душу* (І.Цюпа); *Якщо мить чекання вимірюється вічністю, То скажи мені, Скільки я віків прожила?* (Т.Коломієць); *Чую, як легшає всесвіт важкий мені, брате, плечі розправив..., торкнувся твоєї руки* (Б.Олійник); *Ми щасливі і горді, що маємо дорогу спадщину наших визначних майстрів, художників слова, кращі літературні зразки, неосяжне багатство національної мови, в яке треба проникати і яке треба вивчати і вдосконалювати* (К.Гордієнко) та ін.

Обставинними семантико-синтаксичними відношеннями постають такі, при яких залежне слово позначає обставити перебігу дії чи вияву стану. Обставинні семантико-синтаксичні відношення у різноманітних своїх виявах постають на словосполученнєвому і реченнєвому рівнях. Здебільшого на рівні речення простого вони поєднуються з граматичною основою речення загалом детермінантним підрядним зв'язком, формою вияву такого зв'язку є прилягання. Аналогічне простежується і на словосполученнєвому рівні, де залежне слово приєднується до головного формою прилягання, відображаючи різноманітні вияви репрезентації семантики головного слова: *читати захоплено, зустрітися вранці, зробити зопалу, відмовити спересердя* і под. Залежне слово може співвідноситися з головним компонентом щодо часової, просторової, цільової, умовної, допустової, наслідкової модифікації його семантики (обмеження вияву дії певним простором, часом, актуалізацією певної причини, умови, мети, наслідку реалізації дії / стану, виділення суперечливої обставини перебігу дії / стану, наголошення наслідку репрезентації дії / стану). Virізнєння обставинних семантико-синтаксичних відношень на словосполученнєвому рівні викликає завжди труднощі, оскільки ряд лінгвістів вважають, що компоненти, приєднані детермінантним зв'язком, належать тільки до власне-реченнєвого рівня і не можуть розглядатися на словосполученнєвому (І.Р.Вихованець). Розгляд детермінантів як особливих модифікаторів реченнєвої структури є теоретично обґрунтованим і не викликає заперечень, хоча аналіз детермінантів можливий і на словосполученнєвому рівні, при врахуванні мовленнєвого вияву таких конструкцій. Розгляд детермінантів на словосполученнєвому рівні повинен ґрунтуватися на

тому, що в семантико-синтаксичному аспекті конститутивним елементом речення виступає предикат (основним засобом його вираження в українській мові є дієслово). В силу цього всі елементи реченнєвої структури співвідносяться з предикатом, що й уможливує розгляд детермінантів на словосполученнєвому рівні. Єдиною тезою, яка суперечить такому підходу, є те, що детермінанти не виступають «будівельним» матеріалом для речення, а є наслідком внутрішньореченнєвих / міжреченнєвих / міжрівнєвих внутрішньосинтаксичних перетворень. Тому такі словосполучення повинні аналізуватися як вторинні і констатуватися їх похідний характер, пор.: *В селі хлопці зустрілися з друзями* <— *Хлопці були в селі* + *Хлопці зустрілися з друзями (зустрілися в селі); перебували звечора; не зібрати через дощі; висушити при сонячній погоді* та ін.

Обставинні семантико-синтаксичні відношення реалізуються і на рівні простого речення, оскільки детермінанти постають семантично самостійними носіями пропозицій, і на рівні складно-підрядного речення, в межах якого виявляються усі різновиди обставинних семантико-синтаксичних відношень, що базуються на детермінантному підрядному зв'язку, пор.: *Коли вона сиділа на порозі і годувала немовля своє, З-за причілка мальованої хати Русявий місяць вийшов, як легінь* (Д.Павличко); *Допоки сонце світить на землі, Нехай роса нам душу напуває, Хай сіллю сходить дума на чолі і добрим зерном поле засіває* (Т.Севернюк); *Де однотоною струною Дзвеніла вікова печаль, Сьогодні радістю живою Горить рожевоперста даль* (М.Рильський); *Український хліб тому такий смачний, Що він завжди змішаний на пісні* (Є.Летюк); *До тебе б летіла край світу, Де сходить зоря золота, Якби не морози на квіти, Якби не минули літа* (М.Ткач); *Щоб там не було, які б не були зараз чи в майбутньому труднощі, яким би несподіваним і підступним не був ворожий удар, ніколи ворогу не перемогти нас, ніколи!* (О.Довженко); *Щоб нас укотре здивувати, Грибами висіявся ліс* (І.Світличний); *Ми йдемо у світ нелегкими стежками, Щоб він іскривсь чистіший від роси, І щоб ніхто захланними руками не заплямив первісної краси* (Т.Севернюк) та ін.

Апозитивні семантико-синтаксичні відношення – це відношення смислової і граматичної рівноправності, хоча за синтаксичною функцією обидва компонента чітко розмежовуються на головний і залежний. Апозитивні семантико-синтаксичні відношення ґрунтуються на підрядному прислівному синтаксичному зв'язку у формі кореляції. Це особливий вид зв'язку, який об'єднує в собі ознаки і підрядності, і сурядності. Момент сурядності виявляється в рівноправності компонентів (і один, і другий можуть опускатися, при цьому речення не втрачає своєї смислової повноти: *Я зустрів дівчину-студентку* = *Я зустрів дівчину* + *Я*

зустрів студентку). Підрядність виявляється в тому, що у такому словосполученні одне зі слів виступає головним, а друге – залежним: *журнал «Дзвін», жінка-вчений, сорока-зłodійка, хлопці-запорожці* та ін.

Сурядні семантико-синтаксичні відношення передбачають смислову автономність поєднаних частин і їх структурну рівноправність. При цьому сурядні семантико-синтаксичні відношення поділяються на кілька різновидів на основі їх формального вираження та смислового співвідношення поєднаних частин: а) протиставні, б) зіставні, в) єднальні, г) розділові. Сурядні семантико-синтаксичні відношення ґрунтуються на сурядному синтаксичному зв'язку. Названі різновиди сурядних відношень є ядерними: *Самій не трудно збитися в путі, Та трудно з неї збитися у гурті* (Леся Українка); *Дорога снується, і стежечка в'ється. Дорога – в роздоли, а стежечка – в гай* (В.Швець); *І на вільних полях в свою землю ратаї Кине зерна добірного жита, І красуня дочка той збере урожай, не даючи напасникам мита* (М.Старицький); *То не хвилі котить вітер, не розбурхались моря – то шумить по всьому світу славне ім'я Кобзаря* (В.Лагода) і под. До них прилягають периферійні, з-поміж яких особливої значущості набувають приєднувальні, пояснювальні, градаційні. Кожен з них характеризується власним формальним виразником зв'язку і відповідного типу семантико-синтаксичних відношень: *Все було там нове й цікаве, тому й закарбувалося в пам'яті назавжди* (В.Малик) (пояснювальні відношення – *тому й*); *Кожен з нас володіє з дитинства певними здібностями, тобто в кожному з нас з дитинства закладено певний творчий потенціал* (З газ.) [пояснювальні відношення – *тобто*; І.Р.Вихованець такі речення відносить до синкретичних складних речень, що, з одного боку, наближаються до складнопідрядних речень у силу усталеності частин та їх відносної залежності, а з другого боку, вони наближаються до складносурядних речень, оскільки кожна частина несе самостійну інформацію і без іншої її зміст зрозумілий (Вихованець 1993, с.332-336)]; *Не тільки той поет, що засіває віршами папір, але й той, що має в душі радість й тривогу хліба, радість й тривогу людини* (М.Стельмах) (градаційні відношення – *не тільки ... але й*). Інколи до цих відношень додають ще й обмежувальні, особливістю яких є вказівка на обмеження вияву певного явища, репрезентованого попередньою частиною: *А над Києвом, над Дніпром справді пливе хвилями вічність, та тільки я неспроможна осягнути її: побачити, відчутти...* (П.Загребельний) (*та тільки*).

Сурядні семантико-синтаксичні відношення ні в якому разі не слід ототожнювати з наявністю формального виразника сурядності, оскільки останній може характеризуватися розгалуженим функціонально-семантичним діапазоном. І тому може виступати

у складносурядних реченнях і з сурядними, і з підрядними відношеннями, пор.: *Неси до людей всі думки, почуття і слова, І серце твоє не згорить, не змовкне, не згасне* (М.Рильський); *Спитайте – і розкажуть старожили Про вік старий... недолю і пільму* (Т.Масенко) (у першому реченні наявні часово-єднальні відношення; у другому реченні – причиново-наслідкові).

Зрідка вирізняють ще модальні (модально-часові) семантико-синтаксичні відношення у структурах типу *Воно, звичайно, гостеві негоже в Парижі думать про свої міста* (М. Рильський) (Вихованець, 1993, с. 45-46). На наш погляд, такі семантико-синтаксичні відношення справді мають місце у реченнєвій структурі, але вони стосуються суто її мовленнєвого вияву, оскільки модальні компоненти постають спеціалізованими носіями окремих с у б ' - е к т и в н и х с м и с л і в р е ч е н н я . Такі компоненти посилюють тенденції внутрішньореченнєвого аналітизму, активізуючи відцентрові внутрішньореченнєві синтаксичні зв'язки. Тому такого типу семантико-синтаксичні відношення слід розглядати в аспекті комунікативного статусу реченнєвих одиниць та їх окремих компонентів.

У семантично елементарному простому реченні (подібно і в елементарному складному реченні) реалізуються предикативні, об'єктні відношення [до різновидів об'єктних відношень можна віднести і позиції валентно зумовлених компонентів при дієсловах типу *перебувати, знаходитися; бути*, пор. думку І.П.Распопова про необхідність вичленовування атрибутивних додатків, обставинних додатків тощо (Распопов 1970, с.48-66)]. У семантично неелементарному реченні до них додаються атрибутивні, обставинні, апозитивні відношення, охоплюючи у своєму обсязі і семантико-синтаксичні відношення в усіх різновидах складних речень. Хоча в межах останніх наявні і синкретичні площини (дифузія), коли поєднуються і відношення автономності частин, і їх відносної / опосередкованої / прямої залежності. Спектр відношень між автономними частинами зумовлюється їх спрямованістю / неспрямованістю одна до одної і зреалізованим при цьому відповідним типом відтворених об'єктивних смислів, що можуть перебувати у певних часових, протиставних, розділових і зіставних відношеннях. Сучасний синтаксис української та інших слов'янських мов характеризується витворенням площини вторинних семантико-синтаксичних відношень між автономними частинами. Особливої актуалізації набувають градаційні, приєднувальні та інші типи відношень, що з повним правом можна віднести до перехідних явищ між сурядними і підрядними різновидами співвідношення / залежності складових елементів.

ЛІТЕРАТУРА

1. Вихованець І.Р. Граматика української мови. Синтаксис. - К., 1993.
2. Загнітко А.П. Основи функц. морфології української мови. - К., 1991.
3. Ломтев Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка. - М., 1958.
4. Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке. - М., 1970.
5. Русская грамматика: - В 2-х т. - М., 1980. Т.2.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. ОНОМАСТИКА

Ю.О.Карпенко (Одеса)

ВЕЛЕС ЗАЛИШАЄТЬСЯ НА ТРОНІ

Останніми роками відомий польський лінгвіст Л. Мошинський здійснив спробу детронізації одного з чільних слов'янських язичницьких богів Велеса/Волоса, написавши навіть спеціальну статтю «Detronizacja Welesa» [9]. Однак спробу цю аж ніяк не можна визнати успішною. Л. Мошинський: а) слідом за Г. Ловмянським уважає Велеса і Волоса двома не пов'язаними між собою утвореннями і кваліфікує останнього як пізніє проникнення до слов'ян язичників християнського культу св. Власія (гр. *Βλασιος*, канонізований вірменський єпископ IV ст., що опікувався художеством), із східнослов'янською гіперістичною перебудовою *Влас* > *Волос* [9, 227-229]; б) форму ж *Велес* вчений визначає як кельтське запозичення – з давньокельтського **uel-ēt-s*, звідки давньоірландське *filí*, родовий відмінок *filed* «віщун, поет» [9, 231]; одне значення цього кельтського слова відклалося в «Слові о полку Ігоревім» (вбшеи Вояне, Велесовъ внуче), а другий – у старочеській назві біса *veles*, фіксованій у XV-XVI ст.

Усі ці тези Л. Мошинського аргументуються надто непереконливо. Автор зокрема привертає увагу до згаданого під 1187 р. у Новгородському літописі ігумена *Волсса* та кількох осіб на ім'я *Волосъ* у новгородських грамотах XII ст. [9, 228]. Але якщо в цих випадках цілком можливим є християнське ім'я *Власъ*, трансформоване за зразком повноголосних східнослов'янських форм (пор. співвідношення *глава* – *голова* тощо) і не без впливу (скоріше, неусвідомленого) наймення бога у *Волосъ*, то припускати засвоєння язичниками культу й імені християнського святого, до того ж навіть не першорядного, – чиста фантастика, навіть не наукова.

Кельтські витоки форми *Велес* так само є неймовірними. Девальвація бога чільної групи у якогось незначного біса, у нечисту силу (ст.-чес. *veles*) – досить характерна динаміка язичницьких святинь у християнському світосприйнятті. Адже саме такої девальвації зазнала богиня Мокош, що входила до Володимирового пантеону, а згодом виродилася у досить дрібного духа (рос. *мокуша, мокоша*), що ходить уночі стригти овець та прясти пряжу. Поява ж у двох слов'янських регіонах двох різних значень одного кельтського слова – це щось містичне. Слово те, за обгрунтованою думкою О.М. Трубачова, у жодному регіоні до слов'ян не проникало: «тут мова швидше йде про індоєвропейські зв'язки спорідності» [6, 4, 6].

Сам О.М.Трубаčov інтерпретує Велеса за аналогією до пари *Перун – Перынь* (відоме язичницьке капище біля Новгороду). Остання назва, на думку вченого, становить собою «більш архаїчний дериваційний спосіб з подовженням голосного (врдхі), як ще індоєвропейський і цілком виправданий у культових іменах» [6,13]. Аналогом цієї назви визнається топонім *Вельнь/Волынь*, з якого видобувається вихідне для нього наймення бога *Velupъ «божество низин» (пор.лат. vallēs «долина»). При цьому первинним визнається сенс «долина», а сакральний зміст розуміється як табуїстичне позначення «той, що в долині» (пор. «Той, що в скалі сидить» у Лесі України).

Ця дуже цікава інтерпретація теж має свої вразливі місця, хоч і не такі очевидні, як у поясненнях Л.Мошинського. По-перше, теонім *Velupъ, нібито підтверджуваний д.-інд. Váṛuṇa – у слов'янських саме язичницьких слідів не полишив. По-друге, залишається невідомим, як і чому з цього гіпотетичного теоніма з'явилася форма *Велес/Волос*. Вхідження в теонімічний ряд *Перун – *Велун* мало б сприяти якраз збереженню форми на *-ун*, а не її перебудові. По-третє, якщо **Велун* – результат табування, то за логікою думки О.М.Трубачова такий же висновок слід поширити і на *Варуну*, а це мало ймовірно. Ці сумніви не дозволяють визнати форму **Велун* за достовірну й запровадити її до слов'янського пантеону замість засвідченої різними джерелами *Велес/Волос*. Перейменування Велеса, як і його детронізацію, доводиться відхилити.

Позитивна «велесівська концепція» автора цієї розвідки, можливо не менш екзотична, полягає в наступному. Слов'янське язичництво зазнало в своєму розвитку істотних змін, які можна розділити на п'ять етапів. І бог Велес з'явився у слов'ян (чи очолив пантеон) лише на третьому, скотарському етапі язичництва. Етап цей відповідає старшій добі існування праслов'янської мови. Він тривав з кінця II-го тисячоліття до н.е. до середини I-го тисячоліття до н.е., коли змінився хліборобським етапом. А перші два етапа язичництва, ще протослов'янські, – водно-рослинний та вогнепоклонський. Отже, писана історія знає лише відголоски Велесового панування.

Найвідоміші з цих відголосків – збережені в літописі тексти договорів Русі з Візантією 907 та 971 рр. У договорі князя Олега з Візантією 907 р. русини «кляшася ороу [ж] емъ свои [м]. и Пероуно [м]. б [о] гомъ свои [м]. и Волосомъ ско [т] емъ б [о] гомъ». У договорі Святослава з Візантією 971 р. маємо аналогічну формулу: «да имъ емъ клятву от Б [ог] а. въ его же вѣруемъ в Перуна і въ Волоса скотья Б [ог] а» [5, 32, 73].

Наведена в договорах формула клятви дозволяє висновувати, що: 1) у Київській Русі ще й у X ст. Велес був одним з провідних богів; 2) специфікація «Волоса скотья Бога» засвідчує його суто скотарське призначення; міркування про монетарний сенс цього

виразу (скотъ – «гроші», отже Велес-бог торгівлі, щось на зразок слов'янського Меркурія [2, 190-191]) критики не витримують, оскільки зв'язок Велеса саме з художньо широко засвідчується багатьма джерелами, аж до використаного Л.Мошинським (але з неправомірною хронологічною інверсією) факту злиття його із св.Власієм, покровителем скотарства, після прийняття християнства слов'янами; 3) парування Волоса у формулі клятви з Перуном засвідчує не стільки зв'язок, скільки опозицію цих богів: комусь для клятви потрібен Перун, а комусь – Волос.

Опозиція Перуна й Волоса відбита й діями князя Володимира по створенню язичницького пантеону. Кумир Перуна, як відомо, очолював капище «на холму (де Волоса не було), а кумир Волоса був споруджений (мабуть, тоді ж) десь внизу, на Подолі, імовірно на березі Почайни [1, 311]. Ця опозиція є відображенням протиріч попереднього вогнепокклонського і наступного скотарського етапів розвитку язичництва, і виникла вона, звісно, не в X ст., а десь ще в кінці II тисячоліття до н.е. Хоч Велес як «скотій бог» свідчиться ліше в східнослов'янському ареалі, його сліди в західних та південних слов'ян дають підстави адресувати цього бога праслов'янській добі. За межами слов'янського світу виразних слідів бога Велеса немає.

Усе це дозволяє висновувати, що міф про боротьбу громовержця (=Перуна) із своїм противником (=Велесом), реконструкцією якого давно й настійно займаються В.Іванов та В.Топоров, відбиває саме колізію розвитку слов'янського язичництва (зміна етапів) і навряд чи має кваліфікуватись як «основний міф». Язичництво існувало задовго до появи цього міфу й успішно функціонувало після того, як він себе вичерпав. Якби цей міф був реальністю в X ст., то Перун і Волос не могли б потрапити в одну формулу клятви: у X ст. лішалися тільки його відгомони.

Сюжет реконструйованого міфу, як відомо, полягає в тому, що Велес украв у Перуна жінку (Мокош?), а той бив його з неба блискавками, де б він не заховався. Сутність же цього сюжету в тому, що земля раніше належала громовержцеві (серед іншого і як жінка, бо блискавки падають на землю, супроводжуючись дощем), а тепер нею став володіти Велес, зайнявши всю землю численними табунами, чередами й отарами.

Власне, конфлікт між Перуном і Велесом може бути усвідомлений як конфлікт тогочасних суспільних концепцій, суспільних сил. Це був не просто конфлікт старого з новим, вогнепокклонства із скотарством, а конфлікт соціальний, хочеться навіть сказати – класовий, хоч ніяких класів тоді не було. А річ у тім, що старі боги вогняного циклу із появою княжої влади і княжої дружини стали аристократами, набули військових рис і функцій опікунів князя і дружини. Біля стодоли («у овина») залишився тільки Сварожич (у прибалтійських слов'ян і він подався у військовики).

Велес же був з тими, хто ходив коло худоби, він був богом смердів. Це соціальне розмежування видається більш обґрунтованим, ніж не раз пропоноване розмежування етнічне (Перун – із варягами, а Велес – із слов'янами).

Лінгвістично найскладнішою проблемою лишаються дві форми імені: Велес і Волос, які нині розуміються як рефлексії псл. *Velsъ, *Velesъ або ж модифікуються етимологами в псл. *Velsъ, *Volsъ, чого М. Фасмер ще не наважувався робити, оскільки веляризація *l* мала б дати у східних слов'ян в обох випадках *оло*, пор. *молоко* з псл. *melko. Прийняття вихідних *Velsъ, *Volsъ (та ж форма кореня з двома різними детермінативами) добре пояснює фонетичний бік справи, але створює власне міфологічні труднощі: навіщо знадобилися тут аж два детермінативи? Вихідні ж *Velsъ, *Volsъ (чергування в корені при тотожності детермінатива), як це обґрунтовується нижче, задовільно пояснюють і фонетичний аспект (чому форма *Велес* не відбиває веляризації?), і аспект міфологічний (чому існують дві форми наймення?).

Додамо, що окрім найновішої інтерпретації О.М. Трубацова, розглянутої вище, ім'я *Велес* етимологізують з *велиш*, *великий* (М. Фасмер), *voldēti «володіти» [3, 421], шукають індоєвропейських паралелей, зокрема зіставляючи це ім'я з лит. *vėlės* (множина) «душі померлих» [пор. 6, 4]. Але переважно в останньому випадку йдеться про демона *Валу*, який поглинає худобу [4, 227]. Цю паралель В. Іванова й В. Топорова, узятую з ведійської міфології, категорично заперечують автори українського етимологічного словника: «ім'я *Волос/Велес* є виключно слов'янським терміном». Жодна з цих етимологій не пояснює добре засвідченого варіювання *Велес/Волос*.

Між тим варіювання доцільно кваліфікувати як один з проявів фонетико-словотвірної явища, яке варто назвати сакральним аблаутом. Річ у тім, що давнє індоєвропейське чергування $\bar{e} - \bar{o}$ (якісний аблаут) та $\check{e} - \bar{e}$, $\check{o} - \bar{o}$, $\check{a} - \bar{a}$ (кількісний аблаут), яке збереглося у слов'ян лише в дієсловах (*нести - носити*) та старих віддієслівних іменниках (*текти - потоки*), у словах язичницького походження може поєднувати два іменника без ніякого дієслівного забарвлення, пор. *дерево - здоровий* (чергування $e - o$), *бог - багно - багаття* (чергування $\bar{o} - \bar{o}$) та ін. В аблауті за ступенем *o* (чи довгим голосним) закріпилося значення більшої стійкості, тривалості. Воно, це значення, увійшло і в язичницьку сакральну термінологію і діяло протягом перших трьох етапів розвитку слов'янського язичництва: ступінь *o* став меліоративним, став сильнішим виразом того ж значення. Це й маємо в парі *Велес - Волос* де остання форма є похідною, меліоративною, шанобливішою.

З поваги до бога саме форма *Волос* фігурує в договорах Русі з Візантією. Така інтерпретація дозволяє незалежно від інших міркувань хронологізувати появу Велеса і, отже, скотарського етапу

слов'янського язичництва. Трапилося це дуже давно, коли ще зберігалось семантичне функціонування і якісного, і кількісного аблаута, тобто коли праслов'янська мова ще розмежовувала короткі й довгі голосні.

Сказане означає, що первинною є форма *Велес* і, мабуть, слід визнати правомірність старої етимології – з *вел(ик)ий*, пор. того ж кореня – *веліти* (з і.-є. **uel* «хотіти»). Ця етимологія тим більше важить, що поряд з *Велесом*/*Волосом* маємо таке ж варіювання назв міфічних істот тієї ж етимології: *велет*/*волот*. Це варіювання, наявне в усіх східнослов'янських мовах (в українській переважає *велет*, *велетень*, а в російській та білоруській – *волот*), робить етимологів безпорадними, пор. зауваження М.Фасмера: «Пояснити коливання **veletь*, **volotь* важко» [7, 288]. Але воно може бути добре пояснене тим же явищем сакрального аблаута. Відсутність відповідних міфів змушує лише до обережного припущення: велети/волоти – це супутники, помічники Велеса/Волоса, причому головним велетом і був Велес. Це припущення, звісно, потребує етнографічного підтвердження (або заперечення).

В усякому разі псл. **Velsь* / **Volsь* змогло зберегтися без злиття всупереч фонетичній закономірності завдяки сакрально-семантичному відштовхуванню одної форми від іншої. Форми *Велес* і *велет*, отже, є єдиними досить надійними прикладами східнослов'янського рефлексу **telt* у *telet*.

У пропоновану праслов'янську реконструкцію добре вписується болгарський *Власов ден*, *Влас* – календарний обряд, якому відповідає рос. *коровий праздник* [пор. 9, 228-229]. Але до неї не пасує згадувана вже старочеська назва біса *veles*. Ця остання форма, у чеських джерелах рідкісна й нині не вживана, має, гадаємо, кваліфікуватись як досить пізні й територіально обмежене запозичення, уже в девальвованому сенсі, з української мови. Наймення дрібних (але зате численних!) бісів досить легко перетинають мовні кордони. Тут діє й потреба заступити табуйовану назву, й прихід назви разом з бродячим сюжетом. Так, серед розмаїтих проявів нечистої сили в українських говорах подибуємо й малярську *босорку*, й польського *інклюза*, й чеську *люзону* [8, 23]. Н. В. Хобзей констатує й зворотний рух української нечистої сили в сусідні мови. У цей рух, можна думати, потрапив і *Велес*, що встиг стати бісом *велесом*. Незвичне вимагає незвичного наймення. Одним з джерел такої лексичної незвичності є запозичення.

ЛІТЕРАТУРА

1. Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. – Пб., 1914.
2. Антонович Д. Передхристиянська релігія українського народу // Українська культура: Лекції за ред. Д. Антоновича. - К., 1993. С. 189-196.
3. Етимологічний словник української мови. - К., 1982. - Т.1.
4. Мифы народов мира. - М., 1980. Т.1.
5. Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская и Суздальская летопись по академическому списку. - М., 1962. Т.1.
6. Трубачев О. Н. Мысли о дохристианской религии славян в свете славянского языкознания // Вопросы языкознания. - 1994. № 6. С. 3-15.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. - М., 1964. Т.1.
8. Хобзей Н.В. Міфологічна лексика українських говорів карпатського ареалу. Автореф. дис. ...канд. філол. наук. - Львів, 1995.
9. Moszyński . Detronizacja Welesa // Studia nad polszczyzną kresową. - Т. 7. Окрема відбитка б.м., б.р.

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЗАГАДКА МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Один из главных персонажей романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» — Воланд раскрывается в процессе узнавания, точнее неузнавания. Впервые фамилия Воланда в романе появляется в виде загадочного, интригующего знака: «...поэт успел разглядеть на карточке напечатанное пространными буквами слово «профессор» и начальную букву фамилии — двойное «В» [1]. Для Степы Лиходеева (и для читателя прежде всего) автор раскрывает его фамилию, но с должной долей ретардации, которая целиком соответствует сюжетной канве, а также отражает табу в языке на называние всякой потусторонней нечисти собственным именем. Воланд представляется (почти как оперный Мефистофель): «Вот и я!». На попытку Степы узнать его фамилию Воланд дает весьма уклончивый ответ: «Как? Вы и фамилию мою забыли?» (с.66). И только когда замутненное вчерашним алкоголем сознание Степы начинает проясняться, Воланд официально представляется: «Профессор черной магии Воланд...» (с.68).

Но это только для Степы (тем более, что Степа после этого эпизода полностью изолируется) и для читателя. Интрига загадочности этой фамилии усиливается М.А.Булгаковым в сцене, устроенной в духе чеховской «Лошадиной фамилии» в ресторане МАССОЛИТА:

«— А как его фамилия? — тихо спросили на ухо.

— То-то фамилия! — в тоске крикнул Иван, — кабы я знал фамилию! Не разглядел я фамилию на визитной карточке... Помню только первую букву «Ве», на «Ве» фамилия! Какая же это фамилия на «Ве»? — схватившись рукою за лоб, сам у себя спросил Иван и вдруг забормотал: — Ве, ве, ве! Ва... Во... Вашнер? Вагнер? Вайнер? Вегнер? Винтер? — волосы на голове Ивана стали ездить от напряжения.

— Вульф? — жалостно выкрикнула какая-то женщина. Иван рассердился.

— Дура! — прокричал он, ища глазами крикнущую. — При чем здесь Вульф? Вульф ни в чем не виноват! Во, во... Нет! Так не вспомню!» (с.55).

Вспомним также эпизод в театре Варьете:

«Какая фамилия-то этого мага? Василий Степанович не знает, он не был вчера на сеансе. Капельдинеры не знают, билетная кассирша морщила лоб морщила, думала, наконец сказала:

— Во... Кажись, *Воланд*. А может быть, и не Воланд? Может быть, и не Воланд. Может быть, *Фаланд*.

Выяснилось, что в бюро иностранцев ни о каком Воланде, а равно также и Фаланде, маге, ровно ничего не слышали» (с.151-152).

Многие авторы, исследовавшие творчество М.А.Булгакова, пришли к выводу, что большинство мотивов в «Мастере и Маргарите» навеяно гетевским «Фаустом». Так, И.Ф.Бэлза категорично утверждает, что имя Воланд просто «взято Булгаковым из «Вальпургиевой ночи», из возгласа Мефистофеля: «Junker Voland kommt» [2]. В пользу такой версии, казалось бы, говорит и факт признания Воландом своей национальности:

« — Вы немец? — осведомился Бездомный.

— Я-то?... — переспросил профессор и вдруг задумался. — Да, пожалуй, немец... — сказал он» (с.19).

Однако в таком варианте трактовки истории имени не был учтен один существенный нюанс. Дело в том, что символом Воланда оказывается помимо двойного «Ве» загадочный треугольник, изображенный на портсигаре и часах Воланда: «И редактора и поэта не столько поразило то, что нашлась в портсигаре именно «Наша марка», сколько сам портсигар. Он был громадных размеров, червонного золота, и на крышке его при открывании сверкнул синим и белым огнем бриллиантовый треугольник» (с.16-17); «Незнаксмец дружелюбно усмехнулся, вынул большие золотые часы с алмазным треугольником на крышке...» (с.66).

Что же это за загадочный треугольник? Ответ на этот трудный вопрос попытался дать все тот же И.Ф.Бэлза. Он предположил, что треугольник этот является...традиционным элементом христианской символики (Всевидающее око, или Троица) [3]. Абсурдность такого предположения отметила Л.М.Яновская. Более того, она предложила блестящее решение этой проблемы: треугольник этот, кстати изображенный самим М.А.Булгаковым в рабочей тетради, относящейся к 1938г., обозначает букву «дельта» [4].

Но вернемся к Воланду. Так же, как и имя, сам персонаж по ходу романа проходит процесс узнавания. Сначала происходит традиционный вызов нечистой силы (стоит только Берлиозу чертыхнуться): «Пожалуй, пора бросать все к черту и в Кисловодск...»; «Фу ты черт! — воскликнул редактор, — ты знаешь, Иван, у меня сейчас едва удар от жары не сделался!» (с.11). И вот здесь-то после появления таинственного иностранца автор устами самого мессира дает первую подсказку:

« — А дьявола тоже нет? — вдруг весело осведомился больной у Ивана Николаевича.

— И дьявола... — Нету никакого дьявола! — растерявшись от всей этой муры, вскричал Иван Николаевич не то, что нужно, — вот наказание!» (с.40).

Затем следует точное определение незнакомца, сделанное Мастером (не знавшим его имени!), с первых же слов Ивана Без-

домного, узнавшего суть «иностранца»: «Вчера на Патриарших прудах вы встретились с *сатаной*» (с.111). А в главе «Маргарита» автор уже прямо называет Воланда его антисакральным именем: «Взор ее притягивала постель, на которой сидел тот, кого еще совсем недавно бедный Иван на Патриарших убеждал в том, что *дьявола* не существует. Этот несуществующий и сидел на кровати» (с.205).

Но при чем же здесь имя Воланд? А при том, что имя *Воланд*, на наш взгляд, автор очень умело зашифровал. Правда, это, конечно же, не шифры типа тех, которые «отыскивает» в тексте романа М.Золотоносов [5], или совершенно надуманные «шифровки», которые предлагает Б.М.Гаспаров. Судите сами: утверждая наличие музыкального мотива в романе, что совершенно не подлежит никакому сомнению, он пытается усилить это положение вымышленными аргументами. Б.М.Гаспаров полагает, что «дом, в котором жил Берлиоз, имел номер 302-бис — анаграмма имени И.С.Бах. Аналогичную анаграмму дает и сложение инициалов двух других «музыкальных фамилий», представленных в тексте романа: Берлиоз и Игорь Стравинский...» [6]. Кстати, В.Левшин более точно разгадал этот «Бис»: «Здесь латинское «бис» делает крутой вираж и оборачивается украинским «бисом» [7].

Однако в романе М.А.Булгакова существует и настоящая анаграмма. Этот тип шифрования автор применил в имени *Воланд*. Для расшифровки его необходимо предварительно разделить на две части: ВОЛ-АНД. Сначала читается вторая часть в обратном порядке: ДНА, затем в прямом порядке читается первая часть: ВОЛ. Получается странное, на первый взгляд, сочетание ДНА-ВОЛ. Но ... не нужно забывать при этом, что Михаил Афанасьевич был сыном профессора Киевской духовной академии и посему очень хорошо был знаком со старославянским языком (помимо того, что в свое время для него это был обычный предмет в гимназии). О знакомстве его с этим языком говорит следующий пример из романа: и Степан Лиходеев, и М.А.Берлиоз жили «в большом шестизэтажном доме, *покоем* расположенном на Садовой улице» (с. 60), где современное выражение «буквой П» или «П-образно» передано старославянским обозначением этой буквы («покой»). Кстати, Е.С.Булгакова вспоминала: «5 мая. Сегодня днем обменяла Мише словарь Дьяченко — церковно-славянский. Миша был очень доволен» [8]. Речь шла о «Полном церковно-славянском словаре», составленном священником магистром Григорием Дьяченко (М., 1900).

Почему мы столь сильно отвлеклись от текста романа в сторону старославянского языка? Да потому, что именно в старославянском алфавите буквой «иже» (И восьмеричное), писавшейся как современная буква «Н», обозначался звук «И». То есть древнее Н = современному И. Следовательно, фамилию *Воланд* после рас-

шифровки нужно читать как *ДИАВОЛ*. В указанной выше рабочей тетради романа на с. 17 обнаруживается это написанное по-гречески слово, затем с большой (!) буквы по-русски: «*Диавол*». Сатана. Люцифер, царь тьмы» [9]. Значит, писатель, зашифровав слово *диавол*, придумал получившейся анаграмме вид популярной западноевропейской модели типа Роланд. Поэтому на портсигаре и часах Воланда на вполне законном основании сияет дьявольский треугольник — греческая буква «большая дельта» — прообраз славянской буквы «Д», изобретенной, как известно, св. Кириллом.

Это конечно же не единственный случай, когда М.А.Булгаков прибегал к шифрованию имен своих персонажей. В.Я.Лакшин описывает со слов И.А.Саца, лично присутствовавшего при беседе Булгакова с А.В.Луначарским о пьесе «Бег», как последний спросил у Булгакова: «...думаете, никто не понял, что спутником Се-рафимы в пьесе вы изобразили себя? Я разгадал: Голубков — анаграмма фамилии Булгаков, как моя Луначарский — от Черно-лусский» [10].

Теперь остается непонятным, зачем автор ввел в текст, кроме имени Воланд, еще и *Фаланд*. Ответ находится в комментариях А.Л.Соколовского к его же переводу «Фауста», где он, объясняя слово Воланд, пишет, что «Воланд» — было одно из имен чорта. Основное слово «Faland» (что значило обманщик, лукавый) употреблялось уже старинными писателями в смысле черта» [11]. Ср. нем. Valand, Valant=Teufel (черт). Обнаружила этот комментарий, которым, видимо, воспользовался М.А.Булгаков, все та же Л.М.Яновская. Она также разыскала черновой материал, который красноречиво говорит о том, что писатель сначала в качестве «основного слова» избрал именно Faland. На портсигаре обнаруживается инициал этого имени: «... на крышке его дважды сверкнула на мгновенье синим и белым огнем бриллиантовая буква». То же самое и в документе Воланда: «Пока иностранец совал их Крицкому, поэт успел разглядеть на карточке слово «Professor» и начальную букву фамилии, опять так: «F» [12]. В полном соответствии с этим и весь набор «отгаданных» фамилий в сцене «У Грибоедова» меняется: « — То-то фамилия! — в тоске отозвался Иван. — Эх, если б я знал его фамилию! Не разглядел я на визитной карточке фамилию! Помню только букву «эф». На «эф» фамилия! Граждане! Вспоминайте сейчас же, какие фамилии бывают на «эф»! — И тут Иван, безумно озираясь, забормотал: — Фролкин, Фридман, Фридрих... Фромберг... Феллер... Нет, не Феллер!... Нет! Фу... Фу... — Волосы от напряжения ездил на голове Ивана.

— Фукс? — страдальчески крикнула женщина.

— Да никакой не Фукс! — раздражаясь, закричал Иван.

— Это глупо! При чем тут Фукс?» [13]. Поэтому-то Воланд в черновых набросках представляется Степану Лиходееву: «Профессор черной магии Фаланд...» [14].

Но из Фаланда Булгакову при всей его талантливости невозможно было представить «дьявола». Поэтому треугольник (большая дельта) более соответствовал замыслу писателя: он объединял греческую и русскую православную традицию. Предложенный автором символ дьявола должен был способствовать доступности его для читателя.

И последний нюанс. Иван Бездомный увидел на визитной карточке Воланда «двойное Ве». Это тоже загадка, преподнесенная М.А.Булгаковым. Ведь немецкое Volland пишется через V (фау), а не через w (если только надпись на карточке была сделана по-немецки). Анализ ранних вариантов глав романа показывает важность инициала «w» для автора. По одной из первых версий, на портсигаре «иностранца» была составлена из крупных алмазов буква «w» [15]. То же было и с визитной карточкой, где Иван разглядел «первую букву фамилии «W» [16]. И даже в одном из поздних вариантов упоминается именно этот инициал. Мастер, «когда узнал, что фамилия начиналась на букву «W», изменился в лице и торжественно заявил, что у него нет никаких сомнений» [17].

Для чего понадобилась романисту эта буква? Полагаем, для того, чтобы еще и еще раз подчеркнуть перевернутость того мира, который автор изображал с натуры и в котором волею судеб ему самому пришлось жить и творить. Литеры «W» и «M» — это один и тот же симметричный знак, дающий разные значения при разных его положениях. В принципе при зеркальном эффекте обе буквы абсолютно одинаковы M—M.

Интересно, что с буквы «M» начинаются именованья главных героев романа, а также и имя самого Булгакова: мастер, Маргарита, Мессир, М.А.Берлиоз и Михаил Булгаков. В слове *мастер* отражены инициалы имени и отчества М.А.Булгакова, а инициалы Михаила Алексеевича Берлиоза полностью совпадают с инициалами автора (М.А.Б). Именно так называла его в своих письмах Л.Н.Замятина (супруга не менее известного русского писателя): «Целуем Вас, мой милый МаБ!» [18]. Эта кличка бытовала и в среде близких друзей Булгакова. Е.И.Замятин подметил весомость начального «M» в жизни Булгакова: «Дорогой Афанасьевич, итак — ура трем M: Михаилу, Максиму и Мольеру!» [19]. Имелось в виду: Михаил Булгаков, как автор пьесы «Мольер» («Кабала святош»), и Максим Горький, который способствовал отстаиванию этой пьесы. В ответ, откликаясь на шутку, Булгаков писал: «Из трех эм'ов в Москве остались, увы, только два — Михаил и Мольер» [20].

Булгаков и сам любил «побаловаться» своими инициалами. Л.Е.Белозерская (вторая жена писателя) так говорит о разнообразии подписей под его фельетонами, созданными в эпоху работы в «Гудке» (более ста фельетонов): «Подписывался он по-разному:

иногда полным именем и фамилией, иногда просто одной буквой М или именем Михаил, иной раз инициалами или: ЭМ, ЭММА Б., Эм.Бе, М. Олл-Райт и пр.» [21]. В последнем случае необходимо учитывать, что по-английски *all right* начинается с буквы «эй» — русской «А». В случае же с «Эмма Б» обыгрывается имя персонажа Г.Флобера, но это все же инициалы Булгакова: *эм(м) а б*. А в прозрачном псевдониме под фельетоном «Пустыня Сахара» его инициал сопровождается его же именем М.Мишев [22].

Как тут не вспомнить знаменитую шапочку мастера: « — Я — мастер, — он сделался суров и вынул из кармана халата совершенно засаленую черную шапочку с вышитой на ней желтым шелком буквой «М». Он надел эту шапочку и показался Ивану и в профиль и в фас, чтобы доказать, что он — мастер...

— А как ваша фамилия?

— У меня нет больше фамилии, — с мрачным презрением ответил странный гость, — я отказался от нее, как и вообще от всего в жизни. Забудем о ней» (с.112).

Интересно, что такую же шапочку носил и сам Михаил Афанасьевич. Р.Симонов, вспоминая его последние дни в 1940г., писал: «Михаил Афанасьевич, тяжело больной, сидел дома, в черном халате, в *черной шапочке* (какие носят ученые), часто надевал темные очки» [23]. Здесь опять булгаковский зеркальный эффект: диавольский портсигар с загадочным знаком и шапочка мастера тоже с не менее загадочной буквой. Вообще ситуация с шапочкой в романе довольно точно воспроизводит фотографирование перед отправкой по этапу («Он надел эту шапочку и показался Ивану и в профиль и в фас...»). На память приходит шапочка А.И.Солженицина со знаком «Щ282» (снимок 1954г.). Кстати, в первой редакции мастер был возвращен не из психушки (как это было бы в эпоху Л.И.Брежнева), а из тюрьмы. И описание в точности совпадает с этой фотографией А.И.Солженицина, которую Булгакову не суждено было видеть: «Ватная мужская стеганая кацавейка была на нем, солдатские штаны, грубые высокие сапоги» [24].

Но зеркальность на этом не кончается. Хотел того или нет, но Булгаков слишком близко поставил себя и Воланда. Имя Михаил в переводе с древнееврейского значит «равный богу (Яхве)» [25]. Но и имя Воланда в ранних материалах — Теодор: «Смущенный Берлиоз увидел на карточке слова: «D-г Theodor Voland» [26], а Теодор с греческого значит «дар божий» [27]. Поэтому можно согласиться с парадоксальным (лишь на первый взгляд) мнением литературоведа В.В.Петелина: сам Булгаков в романе ... как бы раздваивается, обретая себя то в облике реального Мастера, то фантастического Воланда» [28].

При анализе художественного произведения нельзя недооценивать роль такого структурного материала, как имена собственные. Как мы убедились, антропонимы в романе оказываются тем

ключиком, который способен открыть дверь в пока еще не до конца познанную суть романа. Образ Воланда (как и само имя) вобрал в себя весь спектр соответствующих ассоциаций М.А.Булгакова: сюда вошел и Мефистофель, и чисто католическое видение царя тьмы, и византийско-православное понимание дьявола; и, конечно же, собственно ощущение Возмездия за неправедность в широком, не только в конфессиональном, значении этого слова. Вместе с тем мы убеждаемся, что ономастическая игра с читателем является частью сложного и глубокого индивидуализированного художественного инструментария, которым пользуется великий русский прозаик.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Булгаков М.А. Избранное. М.: Художественная литература, 1980. С.19. Далее в тексте ссылки на это издание.
2. Бэлза И.Ф. Генеалогия «Мастера и Маргариты» // Контекст 1978. М., 1978. С.187.
3. Там же, С.192.
4. Яновская Л. Треугольник Воланда // Октябрь. 1991. №5. С.194-195.
5. Золотоносов М. «Сатана в нестерпимом блеске...» // Литературное обозрение, 1991. №5. С.100-107.
6. Гаспаров Б.М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» // Даугава, 1988. №11. С.89.
7. Левшин В. Садовая 302-бис // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С.165.
8. Дневник Елены Булгаковой. М., 1990. С.257.
9. Яновская Л. Указ. раб., с.194.
10. Лакшин В.Я. Открытая дверь. – М., 1989. – С.436.
11. Соколовский А.Л. Объяснительные примечания // Гете. Фауст. СПб., 1902. С.320.
12. Яновская Л. Указ. раб., с.195.
13. Неизвестный Булгаков. М., 1993. С.48.
14. Там же, с.60.
15. Булгаков М. Великий канцлер. Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». М., 1992. С.31.
16. Там же, с.33.
17. Там же, с.296.
18. Из переписки М.А.Булгакова с Е.И.Замятым и Л.Н.Замятиной // Русская литература, 1989. №4 С.183.
19. Там же, с.182.

20. Булгаков М.А. Письма. М., 1989. С.213.
21. Белозерская-Булгакова Л.Е. Воспоминания. М., 1989. С.95.
22. Булгаков М. Морфий. М., 1991. С. 284.
23. Симонов Р. Мои любимые роли // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1983. С.358.
24. Неизвестный Булгаков, с.431.
25. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М., 1980. С.160.
26. Булгаков М. Великий канцлер, с.238.
27. Петровский Н.А. Указ.раб., с.207.
28. Петелин В.В. Михаил Булгаков. Жизнь. Личность. Творчество. М., 1989. С.452.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РУССКОЙ НАРОДНОЙ ХРОНОНИМИЕЙ

Номинация, в том числе и проприальная, не может не зависеть от качественных особенностей референта, которые во многом определяют выбор признака номинации даже в условиях сложившихся традиций и стереотипов, оказывающих значительное влияние на характер номинационных процессов на различных участках онимного пространства. В этом отношении несомненный интерес представляют наблюдения над именованием отрезков времени.

Циклический и дискретный характер восприятия времени представляет собой неотъемлемое качество земной цивилизации. Исследователи отмечают, что организация воспринимаемого мира в определенной временной и пространственной ряд изначально свойственна человеку как биологическому виду. Вместе с тем при неизменности психофизиологического механизма восприятия этих категорий меняется, развивается их социально-культурный статус, их роль в понимании и объяснении мира [1, с. 109].

В ходе исторического развития выработался механизм деления и измерения времени, ориентированный на суточное и годовое вращение Земли. Вначале актуальной характеристикой движения времени выступала, по всей вероятности, цикличность. Как свидетельство этого можно расценивать тот факт, что в праславянском языке, по мнению А.Е.Супруна, в семантической микросистеме времени, состоящей из 4 блоков (названия частей суток: *утро, полдень, день, вечер, полночь, ночь*; названия частей года: *весна, лето, осень, зима*; названия разных по продолжительности промежутков времени: *миг, день, месяц, лето*; названия неопределенных отрезков времени: *время, час, год, пора*), главными были две группы – названия частей суток и названия частей года, т.е. такие, которые выражают идею цикличности.

Постепенно восприятие времени усложняется, становится более многомерным. Набирает силу тенденция более детализированного обозначения отрезков времени, актуализируется идея линейности и дискретности. Это получило отражение в пополнении отмеченной лексической микросистемы названиями промежутков времени разной длины и формировании двух новых подсистем: названий дней недели и названий месяцев [2, с. 105-6].

Нельзя не отметить, что деление лексем по признаку выражения ими идеи цикличности или линейной дискретности времени носит в значительной мере условный характер. Например, в пределах недели название каждого ее дня воплощает идею дискретности, в пределах же месяца эти названия ориентированы на цикличность. Ср. конструкцию *первая, вторая, третья, четвертая среда каждого месяца*.

Онимная номинация в этой сфере отражает детализацию представлений о дискретности времени, точнее, о восприятии его таковым. С помощью создания проприативов реализуется гносеологическая установка на восприятие и соответственно языковое выражение расчлененного и опредмеченного времени в категориях «единичное—общее».

В настоящее время хрононимия представляет собой многослойный онимный пласт, что обусловлено различной «протяженностью» тех отрезков времени, которые подверглись именованию, их повторяемостью или уникальностью. В данной статье изложены некоторые наблюдения, касающиеся одной из частей этого класса собственных имен – названий, отраженных в народном календаре.

Внеязыковой базой для народного календаря, как и для официального, является счет времени сутками. Вместе с тем нельзя не заметить и достаточно существенных отличий в структурно-языковой реализации этой установки. В официальном (гражданском) календаре главный упор делается на последовательность, количество, число; главное его предназначение – помогать нам считать день за днем (точнее, сутки за сутками). Из этого назначения вытекает принципиальное отсутствие необходимости закрепления за референтом воспроизводимой номинационной единицы. Вследствие этого в официальном календаре получила закрепление развернутая структурная модель, наполняемая каждый раз соответствующим лексическим материалом, хотя и достаточно ограниченным в наборе, но никогда не приводящим к возникновению омонимов.

В народном календаре (его еще называют аграрным, земледельческим) представлен иной подход к именованию отрезков времени (прежде всего суток), заимствованный из церковного календаря, в котором дни года посвящены событиям, связанным с жизнью Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы, святых, явлений чудотворных икон, чудес и т.д. Главный акцент при этом – на событии, имени, связанном с этим днем, а не то, какой он по счету в порядково-числовом ряду, находится как бы на втором плане. Отсюда вытекает возможность превращения апеллятивов (в названиях событий типа *Вознесение Господне*, *Успение Пресвятой Богородицы*, *Рождество Христово*), агнонимов (*Николай-Чудотворец*, *Георгий-Победоносец*, *Сергий Радонежский*), названий икон (*Казанская икона Божьей Матери*, *Богородица Неопалимая Купина*) в хрононимы, проприальные единицы, способные воспроизводиться. Роль святцев оказалась конституирующей для народного календаря, они послужили той канвой, в которую органически вплелся практический опыт крестьянина, его наблюдения над сезонными изменениями в природе. Кроме того, на них оказались наложенными традиционные народные обряды и праздники [3, с. 7].

Рассматривая номинационные особенности русского народного календаря, следует учитывать, что в том виде, в каком он дошел до нас в записях XVIII-XIX вв., он демонстрирует органическое слияние христианского и языческого начал [3, с. 7]. От христианства в народном календаре – приурочивание святых к дням годового цикла, от язычества – распределение между ними забот о погоде, здоровье людей и домашних животных, о сельскохозяйственных и других работах. Фактически в народном календаре получает отражение бытовое крестьянское православие со своими святыми, праздниками, трудовым ритмом, эстетикой. В народный календарь включались только те даты, которые воспринимались как имеющие связь с характерными сезонными явлениями и событиями хозяйственной жизни, поэтому он не охватывает все без исключения дни года. Не все церковные праздники получили в нем отражение, не отмечаются также посты, занимающие существенное место в христианской культуре, престольные и храмовые праздники [4, с. 4].

От церковного календаря аграрный унаследовал базовое в ономазиологическом плане свойство – мемориальность номинации. Под мемориальностью понимаем посвящение дня памяти святого или событию священной истории. При отражении христианской событийности в ряде случаев произошли некоторые сдвиги и возникли наложения. Событийность церковная была совмещена, а в ряде случаев замещена событийностью земледельческого жизненного уклада, что сделало данный культурно-номинационный субстрат значительно более богатым и разноплановым. Ср. хрононим *Захарий-серповидец* (21 февраля). В Святцах Захарий назван серповидцем потому, что он в одном из пророческих откровений видел свиток, летящий по воздуху и изогнутый наподобие огромного серпа. В крестьянском обиходе это событие заместили другим – обычно в этот день доставали серпы и осматривали их, загодя готовясь к летней страде.

Мемориальность, заимствованная народным календарем из церковного, четко очертила производящую базу – прежде всего агнонимы, которые переводились в хрононимы путем трансонимизации. Последнее обстоятельство важно в том плане, что названия отрезков времени такого типа формально подключались к двум онимным пластам – личным христианским именам и совпадающим с ними агнонимам. И эта «трехслойная» омонимия весьма облегчила формирование значительного количества собственно хрононимов как проприальных единиц. Вместе с тем она послужила одним из факторов, способствовавших возникновению плуративов типа *Марины-Пимены* (20 августа), *Емельяны-перезимники* (21 января), *Никифоры-Панкраты* (22 февраля).

Словесные обозначения событий христианской священной истории в силу их единичности также легко превращаются в онимы.

При этом они мизации подвергаются ключевые слова, например, *Покров Пресвятой Богородицы* —> *Покров*.

Большинство хрононимов, представленных в народном календаре, соотносятся с агнонимами. Например, в декабре таких единиц насчитывается 21, в январе — 15, в мае — 25. Чаще всего день посвящается одному святому, т.е. хрономизации подвергается один агноним. Например, *Прокл* (3 декабря), *Ефимий* (2 февраля), *Мариамна* (1 марта), *Акулина* (20 апреля), *Митрофан* (17 июня). Реже хрононимом становится сочетание двух агнонимов, например, *Платон и Роман* (1 декабря), *Агафья, Никита* (16 апреля), *Максим и Ясон* (11 мая), *Кузьма и Демьян* (14 июля, 14 ноября). Как показывают наблюдения над функционированием в речи таких двукомпонентных хрононимов (в приметах, поверьях, связанных с данными днями), они могут выступать как грамматически целостная номинативная единица. Ср. *Каков Платон и Роман, такова и зима. Гляди на зиму с Платона и Романа. Кузьмы и Демьяны пришли — на покос пошли. Пимены-Марины — нищ в лесу малины*. Вместе с тем нередки случаи употребления только одного из компонентов. Ср. *На Никиту водяной просыпается от зимней спячки* (в календаре 16 апреля — *Агафья, Никита*), *Василиса — со льнами торопись* (в календаре 16 сентября — *Василиса, Домна*), *Кузьма закует, а Михайло раскует* (14 ноября — *Кузьма и Демьян, 21 ноября — Михаил, Михайлов день*, на него часто бывают оттепели). Иногда такой хрононим оформляется как композит: *Не заковать реку зиме без Козьмодемьяна. Если на Козьмодемьяна лист остается на дереве, то на другой год будет мороз*. Сложное слово может быть создано и без интерфикса. Ср. *Закует Кузьма-Демьян, до весны красной не расковать. Кузьма-Демьян с гвоздем, Никола* (19 декабря) *с мостом*.

Имеются в народном календаре и дни, связанные с именами трех святых. Например, *Родион* (с приложениями *ледолом, ледокол, ревучие воды*), *Агафы-Руфы* (21 апреля; в память апостолов Иродиона, Агава и Руфа); *Мамонт-овчарник. Федот и Руфина* (15 сентября). Контекстуальное употребление тоже тяготеет к расчлененности, как и в предыдущем случае. Ср. *На Радивона уставь соху, паши под овес. На Руфа дорога рушится. Агафы-Руфы, земля рухнет* (т.е. растает и будет принимать в себя воду).

Выше отмечалось, что народный календарь представляет собой синтез христианского и языческого начал. Каким же образом это отражается в рассматриваемой группе хрононимов? Поиски ответа на этот вопрос приводят к весьма интересному в плане выявления номинационной специфики данного класса собственных имен выводу: хозяйственные или другие функции святого получают отражение в поговорках, приметах, поверьях, обрядах, связанных с такими днями. Отагнонимный хрононим имеет свой культурный подтекст. Например, 29 декабря — *Аггей: Аггей иней*

сеет. 20 декабря – *Амвросий*: *Амвросий праздники отбросил* (этот день подводил черту под праздниками прошедшего года). 5 декабря – *Прокоп, Прокопий*: *Пришел Прокоп – разрыл сугроб, по снегу ступает – дорогу копает* (в этот день обычно всей деревней выходили расставлять вехи вдоль дорог, чтобы путникам было легче отыскать в метель и снегопад дорогу). В народном сознании эти два пласта : обозначение дня через агонию и связанные с этим днем земледельческие и обрядовые действия – неразрывно связаны, и это очень часто выливается в создание таких онимных единиц, которые содержат в своем составе однословное или развернутое приложение к агониюму, отражающее специализацию данного дня в общей системе народной календарной культуры. Таких хронимов насчитывается довольно значительное количество. В их второй части осуществляется экспликация подтекстового, имплицитного содержания хронимиа.

Количество приложений в составе хронимов различно. Много названий с одним приложением, например, *Катерина-санница* (7 декабря; в этот день обычно было первое катание на санях), *Наум-грамотник* (14 декабря; с этого дня начинали учить детей грамоте. Ср. *Наум поставит на ум. Батюшка Наум, наведи меня на ум*), *Антон-перезимник* (30 января; *Перезимник обнадежит, обтеплит, а потом обманет – все морозом стянет*), *Тимофей-весновей* (6 марта; *Весновей теплом веет, стариков греет. По Тимофею весна*). Однако нередки случаи, когда таких приложений в составе хронимиа два и более. Приведем некоторые из них. *Ефим Сирин – запечник, прибаутник, сверчковый заступник* (10 февраля). В первом приложении отражается обычай сидеть в этот день вечером всей семьей дома; слово *запечник* в русских говорах имеет значение «домосед» [5, с. 316]. Второе приложение *прибаутник* отражает обычай рассказывать в этот вечер различные прибаутки. Что же касается последнего приложения *сверчковый заступник*, то оно, по всей вероятности, представляет собой своеобразную шутивную метафору. *Авдотьа (Евдокея) – сеногнойка, малиновка, огуречница* (17 августа). Первое приложение *сеногнойка* отражает погодные особенности, точнее, примету: если в этот день дождь, то все сено сгниет¹. Во втором приложении находит отражение начало важного вида хозяйственной деятельности – сбора малины, широко применявшейся и применяющейся в питании и народной медицине². Третье приложение показывает, что с этого времени начинают срывать огурцы. Кстати, название этой культуры не раз отражается в хронимиах.

¹ Ср. *Самсон-сеногной* (10 июля): *На Самсона-сеногной дождь – до бабьего лета мокро*.

² Этот вид деятельности отражается и в хрониме *Исаакий-малинник* (16 августа, полным ходом идет сбор лесной малины). Окончание сбора отражается в поговорке *Пимены-Марины – не ищи в лесу малины* (20 августа).

27 мая – *Сидор-огуречник*. С этого дня можно было сеять огурцы, причем в этот день – ранние; 2 июня – *Фалалей-огуречник*. Идет средний посев огурцов. Ср. *Пришел Фалалей – посевай огурцы скорей*; 5 июня – *Леонтий-огуречник*. В этот день в Московской губ. высевали последние огурцы, а также прогнозировали их урожай. Так, если 2 июня наблюдалось много шишек на елях, то ожидали хороший урожай; если к 5 июня наблюдалось массовое появление оводов – это тоже было к урожаю. Очень детализована примета на Сидора-огуречника: если весь день будет ясный, то будет хороший урожай огурцов, а если утро холодное и пасмурное и прояснится к вечеру, то посеянные в этот день огурцы будут нехороши, а в поздних будет урожай. Прогнозирующую функцию выполняет приложение и в хронониме *Иов-огуречник (горошник, росенник; 19 мая): Большая роса – к урожаю огурцов. Ясный день – обилие в этот год огурцов*.

Как показывают примеры, в качестве признака номинации при создании приложений, входящих в состав отагионимных хрононимов, избираются разнообразные состояния погоды, окружающей природной среды, а также те или иные хозяйственно-бытовые действия, которые надлежит производить в данное время. Кроме того, в качестве признака номинации может использоваться и функция оберега у того или иного святого. Например, *Власий – скотий бог (24 февраля)*. В этот день старались вообще не работать, чтобы предохранить свой скот от падежа, обращались к Власию с молитвой: «Святой Власий, дай счастья на гладких телушек, на толстых бычков, чтобы со двора шли—играли, а с поля шли—скакали» [3, с. 107]; *Агафья-коровница (18 февраля)*. Приложение связано с поверьем, что Агафья оберегает коров от болезней; *Богородица Неопалимая Купина, Неопалимая Купина (17 сентября)*. Своеобразие этого хрононима состоит в том, что создан он на базе названия иконы, изображающей Богородицу с младенцем, стоящую над горящим кустом купины. Функция этой Богородицы – охранять от пожара и молнии дом и скот. Вместе с тем ей приписывалась и способность насылать громы, молнии, огонь и камни.

Однако функция оберега отражается в составе хрононима редко. Возможно, это своеобразное проявление табуирования. Так, *Георгий Победоносец (6 мая – Егорий вешний, 9 декабря – Егорий зимний)* считается охранителем скота, повелителем зверей лесных. Например, в Тверской губ., выгоняя скотину в поле вербой, срезанной в Вербное воскресенье, приговаривали: «Христос с тобой! Егорий храбрый, прими мою животину на все полное лето и спаси ее». Крестьяне верили, что Егорий сам невидимо для людей выезжает в поле на своем белом коне и пасет скот, охраняя его от зверей, над которыми тоже властвует. Но в составе соответствующих хрононимов нет приложений, которые бы отражали эти представления. Ср. *Георгий Победоносец, Егорьев день, Егорий*

весенний, Егорий (Юрий) вешний, Егорий храбрый (6 мая); Георгий Победоносец, Егорий (Юрий) осенний, холодный, Юрьев день (9 декабря). Однако в произведениях устного народного творчества они отражаются неоднократно. Составители календаря «Круглый год» приводят, например, следующий отрывок:

Въехал Егорий в леса дремучи,
Встрелись Егорью волки прискучи,
Где волк, где два:
«Собирайтесь вы, волки!
Будьте вы мои собаки,
Готовьтесь для страшных драки».
Наехал Егорий на стадо птиц:
«Птицы-синицы!
Летите вы на море,
На пир кровавой».
Наехал Егорий на змия-горюна,
Но Егорий не ужасался,
Егорий не страхался,
Острым копьём змия заколол [3, с. 37-38]

Аналогичные представления имеются и у украинцев: «Святий Ягорій Побідонесець їхав на Осіяньській горі на червоному коні звірів-вовків збирати – не ходить мого стада поїдати» [6, с. 48].

Большинство приложений в рассматриваемых отагионимных хрононимах представляют собой производные существительные. Однако среди них встречаются и специфические структуры – словосочетания с формой повелительного наклонения глагола в роли главного слова: *Марья – зажги снега, заиграй овражки* (14 апреля), *Ирина-рассадница, разрой берега, урви снега* (29 апреля), *Симеон и Анна – расчинай починки* (16 февраля) и др. Они отличаются яркой самобытностью, образностью и выразительностью, во многих случаях им присуща глубокая поэтичность. С точки зрения структурно-номинационной они часто представляют собой своеобразные «извлечения» из поговорок, или – что точнее – «свернутые» поговорки. Например, *Афанасий – ломонос, береги нос* (31 января) <— *Пришел Афанасий-ломонос, береги щеки и нос; Алексей – человек божий, теплый, с гор потоки, с гор вода, пролей кувшин* (30 марта) <— *Алексей – из каждого сугроба кувшин пролей*. Такого типа конструкции практически не встречаются среди других классов онимов и выступают как яркая специфическая черта именно народной хрононимии, формировавшейся в рамках земледельческой культуры, ориентированной на регистрацию самых разнообразных изменений и подвижек в природной среде и осмысление их в русле народно-поэтической традиции.

Обратимся к анализу некоторых из таких приложений, учитывая, что они почти всегда выступают элементом ряда, дающего объемную и разностороннюю картину.

Евдокия (Авдотья) – плющица, подмочи порог, замочи подол, свистунья, весновка (14 марта). С Евдокии, которая по старому стилю приходилась на 1 марта, начинаются первые оттепели. Это получило отражение в поговорке *Евдокия – замочи подол, под порогом мокро*, которая явилась базой для приложений *подмочи порог, замочи подол*.

Симеон и Анна – расчинай починки. Власий (16 февраля). С этого дня начиналась подготовка к новым полевым работам. Починялись лошадиная сбруя, бороны, сохи. Ср. *Симеон и Анна починяют*. В данном хронониме приложение выступает как бы напоминанием о том, что положено в это время делать по хозяйству. На его основе возникает вариант *Починки*, функционирующий в таких, например, контекстах: *В Починки дед встает чуть свет – чинит сбрую летнюю да борону столетнюю. Починки – по сохе поминки*.

Власий – шиби рог с зимы. Власий – скотий бог (24 февраля). В этот день должны наступать Власьевские морозы, которые завершают зиму³. Это отражается в ряде поговорок: *Пришел Прохор (23 февраля) да Влас – никак скоро зима унас! Прольет мороз маслица на дороги – зиме пора убирать ноги. Власий шибаёт рог с зимы*. Последняя из них и отразилась в составе хрононима, что, по нашему мнению, связано с характером ее образности. Этот день посвящен Власию – покровителю скота (о варианте *Власий – скотий бог* речь шла выше). Ему же посвящается и 16 февраля (другое название этого дня – *Симеон и Анна – расчинай починки*). 16 февраля оберегали лошадей от домового, чтобы он их не заездил, а 24 февраля во многих местах отмечали как большой праздник с многолюдными молебствиями, во время которых освящались караваи ржаного хлеба. Хозяйки потом скармливали его скоту [3, с.107]. Именно эта функциональная «специализация» святого и обусловила не только создание устойчивой формулы, но и введение ее в состав хрононима.

Алексей – человек божий, с гор потоки, с гор вода, теплый, пролей кувшин (30 марта). Четыре определения из пяти в этом хронониме связаны с отражением наступления тепла, начала таяния снега и льда на возвышенностях. Это оказалось номинационно значимым потому, что если в этот день действительно вода с гор бежит, то следует ожидать благоприятной весны. Приложение *пролей кувшин* извлечено из поговорки *Алексей – из каждого сугроба кувшин пролей*.

Кирилл – дерн полоз (31 марта). Приложение в этом хронониме отражает еще одну, но уже сугубо хозяйскую приметку весны: портятся зимние дороги, ездить на санях становится трудно.

³ В «Календаре российского земледельца» в качестве последних называются Благовещенские морозы (Благовещение – 7 апреля) [4, с.9].

Дарья – *грязная пролубница, грязнопролубка*⁴, *грязные проруби, засори проруби* (1 апреля). Все приложения в составе данного хрононима отражают один и тот же признак: около прорубей начинает таять, делается грязно, проруби засоряются соломой. Кроме перечисленных, отмечают также приложения *желтые (замаранные) проруби, обгадь проруби*. В связи с последним из них следует отметить, что в календаре «Семейный» на 1995 г. [7] приводится приложение *обгатить проруби*, возникновение которого объясняется тем, что края прорубей становятся от тепла слабыми, поэтому их следовало в эти дни обгатить, т. е. обложить жердями. Не исключено, что есть говоры, в которых слово *гатить* может иметь значение «настил из жердей и соломы вокруг проруби», однако в «Словаре русских народных говоров» оно не отмечается, хотя есть слова, семантически близкие. Ср. *гатить* ‘засыпать, уважывать’, *гатка* ‘настил на реке из ветвей, засыпанных землей (для ловли рыбы)’ [8, с. 152-153]. При толковании этого приложения обязательно нужно учитывать, что в некоторых говорах глагол *гатить* имеет значение ‘сорить’ [8, с.152]. Соотносительным по виду к нему может быть *обгатить* ‘засорить, насорить’. Этот глагол мог быть использован в качестве производящего, и тогда рассматриваемое приложение будет семантическим эквивалентом к *обгадь проруби*.

Марья – *зажги снега, заиграй овражки, пустые щи* (14 апреля). В основной части хрононима получил отражение в неполной форме агнионим *Мария Египетская* с заменой канонической формы *Мария* народно-разговорной *Марья*. Приложения *зажги снега, заиграй овражки* – это метафорические обозначения начала половодья. Ср. *Марья половодье начинает. Марья половодье зажигает. С Марьи снег и за колодой растает* (по старому стилю этот день приходился на 1 апреля). Значимость указанного признака номинации подчеркивается тем, что данные определения сопровождаются обозначением апреля вообще, наряду с приложением *снегогон*. Ср. также: *апрель открывает ключи и воды > водолей, ручейник*. В приложении же *пустые щи* произошло совмещение двух явлений, одно из которых носит чисто бытовой характер (к этому времени обычно выходил запас квашеной капусты, переходили на пустые щи), а второе связано с культовой функцией Марии Египетской как покровительницы раскаявшихся блудников и блудниц и судьи, на Страшном суде не раскаявшихся, – этот день во многих местностях был днем воздержания, есть что-либо, кроме пустых щей, считалось грехом.

Ирина (Иринья, Арина) – *рассадница, разрой берега, урви снега* (29 апреля). В приложениях *разрой берега, урви снега* отра-

⁴ *Пролубка, пролубница* – это производные от диалектного существительного *пролубь*, т.е. *прорубь*.

жается следующий, по сравнению с *Марья – зажги снега*, этап наступления весны: приблизительно к этому времени лед в реках и озерах начинает таять у берегов. Отсюда метафоры *урви берега, разрой берега, урви снега*, в которых отмечается, что вода начинает подмывать берега.

Акулина-гречишница, задери хвосты (26 июня). В приложении *задери хвосты* отражается поведение коров, которые от множества оводов, мух, слепней бегут из стада, ищут приюта в селениях под навесами, в тени строений. В.И. Даль приводит вариант *Акулины – вздери хвосты* [9, с.342]. Для обозначения такого поведения скота в русских говорах есть специальный глагол *бызовать*, производный от звукоподражания *бызз!* (звук, издающийся летящими слепнями). Время летней жары, когда скотина бызует, обозначается существительным *бызы* [9, с.341]. Именно это слово выступает приложением в варианте хрононима *Акулины-базы* [3, с.232], который отражает сближение с существительным *баз* «отгороженное во дворе место для скота». Ср. также наличие глагола *базовать* в тюменских говорах со значением «мычать, рыть землю передними ногами (о корове)» [10, с.50], которое приводится как второе в глаголе *бызовать* [9, с.341]. М.Фасмер обозначил этот день (13 июня по старому стилю) словом *быз* [9, с.340]. Фактически его следует рассматривать как еще один вариант хрононима, сформировавшийся на базе приложения.

Федора-обдера, замочи хвосты (24 сентября). С этого дня становится сыкотно, все чаще идут дожди. Отсюда метафора *замочи хвосты*. Кроме того, с этим днем связано окончание многих полевых работ. Ср. *Преподобная Федора – всякому делу аминь!* Из всего набора хозяйственных работ в составе хрононима получает отражение следующая: в это время обивается (обдирается) оставшийся на корню хлеб —> *обдирать* —> *обдера*.

Емельяны-перезимники, накрути буран (21 января). Приложение *накрути буран* отражает особенности погоды. Ср. *Метель зиме за обычай. Зимний ветер морозу помощник – пуще холодит*.

Следует отметить содержательную неоднородность глагольных форм в рассматриваемых приложениях. Среди них немало таких, где форма повелительного наклонения выступает в обобщенно-личном значении, сохраняя свое основное значение побуждения к действию: *Афанасий-ломонос, береги нос; Симеон и Анна – расчинай починки; Евсей – овсы отсей; Еремей-распрягальник – повесь сетевое; Прохоры-Пармены – не затевай мены*. Однако в ряде таких конструкций форма повелительного наклонения лишена своего исходного значения: *Марья – зажги снега, заиграй овражки; Евдокия – замочи подол, подмочи порог; Ирина – разрой берега, урви снега; Дарья – засори проруби; Акулина – задери хвосты; Федора – замочи хвосты; Кирилл – дери полоз; Сергей – заиндеви дубравы, обели травы*. В этих случаях проис-

ходят весьма существенные содержательные сдвиги в глагольных формах, способствующие сближению этих конструкций в плане номинационной природы с безличными глаголами и категорией состояния, широко используемыми для обозначения состояния окружающей среды. С другой стороны, они представляют собой субстантивировавшиеся словосочетания, соотносимые с апеллятивами *горюцвет, пережати-поле, сорви-голова*.⁵

В данной статье мы ограничились наблюдениями над теми хрононимами, в основе которых лежат агнионимы. Их анализ показывает, что в этой области языкотворчества действует общий номинационный механизм – признаком номинации избирается какое-либо свойство референта, общественно значимое в том или ином отношении. Особенностью же его языкового воплощения является реализация его в виде приложения к агнионимной основе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попович М.В. Мировоззрение древних славян. К.: Наук. думка, 1985. 166 с.
2. Супрун А.Е. Лекции по языкознанию. Минск: Изд-во БГУ, 1971. 143 с.
3. Круглый год: Русский земледельческий календарь. М.: Правда, 1991. 388 с.
4. Грошев В.Д. Календарь российского земледельца. М.: Изд-во МСХА, 1991. 94 с.
5. Словарь русских народных говоров. Вып. 10. Л.: Наука, 1974. 388 с.
6. Скуратівський В. Місяцелік: Український народний календар. К.: Мистецтво, 1993. 208 с.
7. Календарь «Семейный» (редактор-составитель А.А.Иванова). Кострома: Издательско-полиграфическое предприятие «Кострома», 1994.
8. Словарь русских народных говоров. Вып. 6. Л.: Наука, 1970. 358 с.
9. Словарь русских народных говоров. Вып. 3. Л.: Наука, 1968. 360 с.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 2. Л.: Наука, 1966. 314 с.

⁵ Эти номинационные единицы должны стать предметом специального исследования, поэтому ограничиваемся только высказанными соображениями.

КАЛИНОВЫЙ МОСТ

Калиновый мост – устойчивое сочетание в восточнославянском фольклоре, где эпитет в некоторых жанрах (былинах, сказках) приближается по языковому статусу к мифотопониму. Этот мост встречается во многих русских и восточнобелорусских сказках, очень редко – в украинских. Обычно около него или на нем происходит встреча и бой героя со змеем. В белорусской сказке из собрания Афанасьева (№ 134) Покатигорошек с товарищами в полночь идет «над калиновы мост, на огненную рэку, і ўдрут падходзіць сяміглавы змей». Иван Быкович в русской сказке (Афанасьев, №137) ждет чудо-юдо под калиновым мостом через речку Смородину. Буря-богатырь Иван коровий сын «догнал братьев близ Черного моря у калинового моста; у того моста столб стоит, на столбе написано, что тут выезжают три змея» (Афанасьев, №136). Около моста – избушка на курьих ножках. На мосту под змеем спотыкается конь, предсказывая появление Ивана. Под мостом герой прячет головы убитых змеев. То же делает и Иван Быкович. В сказке № 562 под калиновым мостом «живет двенадцатиглавый змей; не пропускает он ни конного, ни пешего, всех пожирает»; за мостом царство Царь-девицы. Иван-царевич убивает змея. В перепечатанном Афанасьевым из лубочного издания XVIII в. прозаическом пересказе былин об Илье Муромце и Соловье-разбойнике (№№ 308-309) через реку Смородинку проложены калиновы мосты, у которых живет Соловей.

В белорусском заговоре «едзіць на каліновом мосту святой Ягор й с копьем, войстрым мечом» (Романов Е.Р. Белорусский сборник. – Витебск, 1891. Вып.5, с.143.); сюжет заговора составляет змеборство на мосту.

В русских былинах Кудреванко-царь мостит калиновы мосты через Елисей (Енисей?) – реку прежде, чем стать на поле Куликово. Микула Селянинович предупреждает Вольгу Святославовича, едущего к жалованным ему крестьянам «за получкою», что те «подрубят-то сляги (жердь, тонкое бревно, напр., на мосту) калиновы да потопят тя в реку да во Смородину», что означает, очевидно, смерть.

В русской свадебной песне по калиновым мостам (вариант – по черемухе) жених переводит невесту через реку. В другой песне мосты калиновые, перемосточки малиновые мостит «дружку» женщина, изменяющая с ним мужу. В украинской свадебной песне калиновые мосты невеста мостит для бояр. В аналогичной ситуации мотив калинового моста возникает и в польской песне. Вообще, в польском любовном и эротическом фольклоре калиновый лесок – постоянное место свиданий влюбленных. В колядках и волочобных песнях одним из препятствий на пути пришедших к

хозяину «гостей» мог быть Дунай, через который строят калиновые мосты. Учитывая, что колядники воспринимались как пришельцы из потустороннего мира, Дунай здесь следует понимать как его границу, а мосты – как средство ее перехода. Калинов мост связан со смертью, причем не только змея: в русской песне о гибели молодца (вариант – Петра 1) в реке Смородине через нее ведут три калиновых моста: на первом она берет у молодца седло с коня, на втором – коня, а на третьем – самого молодца (в другом варианте – с кониного брода по коню, а с калинова мосточка – по удалому молодцу).

В распространенной загадке звезды представлены как овцы (козы), которые идут по калиновому мосту и прыгают в воду при виде зари.

А.А.Потебня предполагал, что калиновый мост «есть первоначально – небесный. Через калиновый мост лежит путь в рай» [1], согласно украинской колядке, где калиновые мосты стоят через Дунай, а на них «господаренько», ищущий дороги в рай, встречает «два, три ангели», которые несут его к цели. Эта ситуация весьма напоминает посмертную. Согласно другим колядкам, приводимым Потебней, «лета молодые, счастливая доля уходят от человека (на небо) по калиновому мосту» [2]. Исследовав народную символику калины и ее эпитеты, Потебня считал ее символом девственности, красоты и любви. Калина «предполагает связь со светом, и этим объясняется, почему небесный мост калиновый» [3], а также свадебная символика.

В.И.Даль толковал калиновый мост как «гать, мошеную хворостом, калиной, дорогу по болоту» [4]. С одной стороны, это кажется некоторой натяжкой, поскольку в текстах обычно речь идет о реке, иногда – огненной. С другой стороны, А.Л.Топорков приводит свидетельство о том, что «в Белоруссии существовал обычай делать в память об умершем мостик через канаву либо ручей. На следующий день после поминок на могиле мужчины ставили крест, а в память о женщине делали кладку через какое-нибудь мокрое, топкое место или же перекидывали мостик через канаву либо ручей; вырезали на дереве, срубленном для моста, дату смерти и серп; затем садились на дерево, выпивали, закусывали и поминали умершую» [5]. В украинских веснянках встречаются «мости из трости», в упоминавшейся свадебной песне невеста для бояр «Помостила мости з калиновой троши, / Та погатила гатки то з рутки, то з м'ятки» [6]. Учитывая фольклорно-мифологическую символику моста и переправы (любовь и свадьба, но и путь в потусторонний мир – В.Я.Пропп толковал реку как отражение древнейшего мифологического представления о границе царства живых и мертвых, охраняемой змеем; мост – вариант переправы через границу [7]), приходится признать объяснение Даля не лишены оснований. Впрочем, встречается вариант *калений*

мост, в сходной функции может появляться липовый, крашенный, чугунный мост, а также вместе – медный, серебряный и золотой. Последнее дало Л.Г. Барагу основания считать, «что "калиновый" не является эпитетом, изначально связанным с образом моста в восточнославянских сказках о змеборстве на мосту. Традиционным для сказок этот эпитет мог стать под влиянием русских песен, для традиционного стиля которых "калинов мост"» типичен [8].

Связь образа моста с любовью и смертью (соответственно – свадебным и погребальным обрядовыми циклами) объясняется сходной семантикой обоих циклов, на которую неоднократно указывали исследователи, прежде всего – их переходным характером (из одного статуса и пространства – другое), что и символизирует мост, переправа. Труднее удовлетворительно объяснить эпитет (толкование Потебни сегодня едва ли приемлемо). Можно предположить некоторую историческую связь семантически близких понятий: *калиновый* (как и *каленный*) этимологически восходит через *калина* (соответственно – *калить*) к прасл. *kaľь, среди значений которого – «жидкая грязь, грязная вода, сточные воды, лужа» [9]. Название *Смородина* образовано от «*смород*» («*смрад*»), что также ассоциируется с грязью, калом. Ср. также «"ягодную" семантику», объединяющую оба слова. Все эти понятия связаны с болотом, влажной низиной (вспомним заупокойную гать через болото), где, кстати, и растут ягоды. Таким образом, мы оказываемся в круге тесно взаимосвязанных представлений, хотя связь их в настоящее время затемнена. Добавим, что отчество злого Калина-царя может быть Смородович или Смарадович, что подтверждает ассоциацию понятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потебня А.А. Переправа через воду как представление брака // Он же. Слово и миф. - М., 1989. С.559-560.
2. Там же. С.560.
3. Там же. С.560-561.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. - М., 1989. Т.2. С.78.
5. Топорков А.Л. Мост // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. - М., 1995. С. 267.
6. Метлинский А. Народные южнорусские песни. - К., 1854. С.219.
7. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. - Л., 1986. С.219.
8. Барга Л.Г. Сюжет о змеборстве на мосту в сказках восточнославянских и других народов // Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст. - М., 1981. С.181-182.
9. См.: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. / Под ред. О.Н.Трубачева. - М., 1983. Вып.9. С.121, 123-124, 127.

ЗАМЕТКИ ПО ДОНСКОЙ ГИДРОНИМИИ: КЕРЕСТА. ЩИГОР

1. *Кереста* (варианты *Кириста*, *Крутеньякая*) – гидроним в бас. Маныча л. Дона (Машт. Дон, 80), насколько известно, специально никем не этимологизировался. На наш взгляд, его можно рассматривать как форму с так называемым вторичным полногласием (< **Керста*), отразившемся и в названиях поселений *Кересть*, *Кересть Глухая* в Новгородской обл. (Vasmer RGN, V, 135) < **Керсть*. В свою очередь, **Керста*, **Керсть* иллюстрируют аномальное развитие гласного ъ в группе *tǝrt* (г > -эр->-ер- вместо ожидаемого -ор-) аналогично укр. диал. *розтергнути* «растянуть» (Онишкевич, 2, 188) < **orzǝtǝrgnǝti*, блр. диал. *кёрзаць* «вязать», «путать» (СБГ, 2, 458) < **kǝrzati*, *збэрсаць* «скрутить, смотать» (СБГ, 2, 281) < **sǝbǝrsati*, рус. *Кербинс*, *Кербичи* – ойконимы (Vasmer RGN, IV, 135) < **kǝrbinǝ* (-о), < **kǝrbitji*. Ср. в связи со сказанным название поселения *Корстаны* (НПК, III, 217) < антропонима **Корстанъ* при исторически засвидетельствованном др.-пол. *Kierstan*, 1399 г. (SSNO, II/3, 577).

Анализируемое *Кереста*, таким образом, может быть возведено к первичному архетипу **Kǝrsta* – парадигматическому варианту жен. рода к **Kǝrstǝ* > антропоним **Kǝrstǝ* > ойконим *Керстowo* в бывшей Петербургской губ. (Vasmer RGN, IV, 137). Относительно структуры исходные **kǝrsta*/**kǝrstǝ* суть детерминативно (-st-) усложненные производные от и.е. *(s)ker- «гнуть, кривить; крутить, вертеть» в ступени редукции корневого вокализма о-ряда. С точки зрения мотивации семантики гидроосновы ср., например, рус. диал. *кёрста*, *керста́* «могила, яма» (СРНГ, 13, 189) < **кёрста* < **кǝрста*, *кирстук* «крючок...» (СРНГ, 13, 224) < **кырстук* < **кǝрстук* и под., возводимые к более общему «что-либо неровное, со-(загнутое)»; ср. вариант исследуемого гидронима *Крутеньякая*. Ориентация на такую генетическую семантику подтверждается со стороны производных от **korsta*/**korstǝ* – форм в нормальной ступени корневого вокализма о-ряда: укр. диал. *корѡста* «нарост на дереве» (Никончук, 62), рус. диал. *корѡста* «наплыв или нарост на древесном стволе», «кочковатое и болотистое место», *коростоватый* «с неровной поверхностью, бугорками» (СРНГ, 14, 366, 367) и др. Добавим, что праформы **korsta*/**korstǝ* также реализованы в ономастической лексике, о чем свидетельствуют укр. *Корѡста* – современная фамилия (Пура, 78), **Корость* > *Коростове* – название поля в Сумской обл.

(Череп. Микротоп., 144), рус. **Корость*/**Короста* > ойконимы *Коростово*, *Коростино* в бывших Курской, Московской, Рязанской, Псковской, Саратовской, Тульской, Вятской, Тверской, Новгородской губ. (Vasmer RGN, IV, 430), р. *Коростка* – в бас. Оки (Смолицкая, 167), *Коростица*, *Коростовец* – гидронимы (соответственно в бывших Псковской и Смоленской губ. – Vasmer, II, 461) и под. Ср. также названия рр. *Короца* в бас. Березины и Тетерива, восходящие к изначальному **Korstja*.

Отношением качественного чередования **kǫrsta*/**kǫrstь* связаны с **čьrsta*/**čьrstь* > лимноним *Черстно* в бывшей Витебской губ. (Vasmer, V, 167) – субстантивация адъектива **čьrstьnъ(-o)*. В этимологическом словаре славянских языков под ред. О.Н. Трубачева и в *Slowniku praslowianskim* (под ред. F.Ślawskiego) статья **kǫrsta*/**kǫrstь* пропущена.

2. *Щигор* п. Тима п. Быстрой Сосны п. Дона (Машт. Дон., 2) – «славянский гидроним древнего вида, – по мнению О.Н. Трубачева, – но без опоры в апеллятивной лексике»¹. Это заключение сделано без учета рус. диал. *щигор* «облесненный гребень узких межбалочных бугров на правом берегу р. Битюг», (воронеж.) *щигры* «верхушки песчаных бугров на речных террасах» (Мурзаев, 634), которые могут рассматриваться как потенциальная основа-мотиватор для анализируемого донского гидронима. Укажем также на укр. диал. *щигор* «сухое место на болоте», «незатопляемая часть поймы», «насыпь песка у реки» (Сумская обл.; Череп., 239) > *Щигор* – микротопоним в с. Волокитно Путивльского р-на Сумской обл. (Череп. Микротоп., 311).

Относительно структуры и семантики географического термина *щигор* > р. Щигор ср., например, названия рр. *Щегра* (бас. Обши, в бывшей Смоленской губ.), *Шегра* (бас. Волги, в бывшей Тверской губ.; Vasmer, V, 239, 308) < **ščegъra*, рр. Угра – в бас. Оки (Смолицкая, 355), *Węgra* – в бас. Вислы (НВ, 209) < **qъgra*, а также *Щигры*, *Щигорь*, *Щигорчик* – ойконимы на территории России (Vasmer RGN, X, 402), рус. *Сугра* Михаил, 1624 г. – антропоним (Веселовский, 304) при апеллятивных рус. диал. *сугри* «утри на лице» (Доп. к Опыту, 258), *сугор* «увал»: *На сугре* (СРГСВ, VI, 73) < **sqъrъ(-ь)*. Сказанное дает основания для реконструкции первичного **ščegъrъ* / **ščegъrъ* – производного с приставкой *(*š*)*če-* от одной из апофонических ступеней и.е. **ger-* «гнуть. кривить», что косвенно подтверждается со стороны родственных форм без *s-*mobile: *Чагрі́*, *Чегрі́* – микротопонимы в Житомирской обл. (ОКИУЯ).

¹ Трубачев О.Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // Этимология 1991-1993. -М., 1994. С. 9.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Веселовский – *Веселовский С.Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М., 1974.
2. Доп. к Опыту – Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. – Спб., 1858.
3. Машт. Дон. – *Маштаков П.Л.* Список рек Донского бассейна. – Л., 1934.
4. Мурзаев – *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. – М., 1984.
5. Никончук – *Никончук М.В.* Матеріали до лексичного атласу української мови (Правобережне Полісся). – К., 1979.
6. НПК – Новгородские писцовые книги, изд. Археографической комиссией. – Спб., 1859-1910. Т.1-6.
7. ОКИУЯ – Ономастическая картотека Института украинского языка НАН Украины.
8. Онишкевич – *Онишкевич М.Й.* Словник бойківських говірок: У 2 ч. – К., 1984.
9. Пура – *Пура Я.О.* Сучасні прізвиська Рівненщини. – Рівне, 1990. – Ч. V.
10. СБГ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча / Рэд. Ю.Ф.Мацкевіч. – Мінск, 1980-1986. Т. 1-5.
11. Смолицкая – *Смолицкая Г.Л.* Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озер). – М., 1976.
12. СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 т. – Свердловск, 1962-1988.
13. СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под. ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. – Л., 1966-1991. – Вып. 1-26.
14. Череп. – *Черепанова Е.А.* Народная географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья. – Сумы, 1984.
15. Череп. Микротоп. – *Черепанова Е.А.* Микротопонимия Черниговско-Сумского Полесья. – Сумы, 1984.
16. HW – *Hydronimia Wisły. Cz. I. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym / Pod red. P.Zwolińskiego.* – Wrocław etc., 1965.
17. SSNO – *Słownik staropolskich nazw osobowych / Pod red. W.Taczyskiego.* – Wrocław, 1965-1985. – Т. I-VIII.
18. Vasmer – *Wörterbuch der russischen Gewässernamen / Begr. von M.Vasmer.* – Berlin-Wiesbaden, 1961-1969. –Bd I-V.
19. Vasmer RGN – *Russisches geographisches Namenbuch / Begr. von M.Vasmer.* – Wiesbaden, 1962-1981. Bd I-X.

ТОПОНИМИЯ СТАРОГО МАРИУПОЛЯ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

(из материалов «Историко-этимологического
словаря юго-восточной Украины»)

Базарна площа, -ої -і, ж. Варианты: *Базарная площадь* (1892 г., МО, 85), *Соборная площадь* (там же, 86). Одна из четырех площадей старого Мариуполя. Находилась возле собора (соборной церкви) – на месте бывшей казачьей Кальмиусской крепости (паланки), – заложенного митрополитом Игнатием. В настоящее время – *площадь Освобождения*.

Бахмутська дорога, -ої -и, ж. Вариант: *Бахмутская дорога*. Дорога в старом Мариуполе, которая вела в сторону города Бахмута, уездного центра Екатеринославской губернии (1892 г., МО, 89). В начале XX в. здесь появляется *Бахмутская улица*, в советское время переименованная в *улицу Ивана Франко* (МС, 99-100).

Бахчисарай, -я, м. Самая северная часть старого Мариуполя (конец XVIII – нач. XX в.), находившаяся между правым берегом речки Калец, или Кальчик (недалеко от места впадения ее в Кальмиус), и селением Марьянск (Марьино, Мариам) (1892 г., МО, 73). Основано переселенцами из Бахчисарая. В конце XIX в. в Мариуполе существовала *Бахчисарайская улица*, одна из «продольных» (тянувшихся вдоль морского побережья) городских улиц (там же, 86).

Бахчисарайська вулиця, -ої -і, ж. Вариант: *Бахчисарайская улица*. Одна из «продольных» (идущих вдоль берега моря) улиц в старом Мариуполе (1892 г., МО, 86). В настоящее время – *бульвар имени Т.Шевченко*. Среди греков, переселившихся в 1780 г. в Мариуполь, немало было жителей Бахчисарая, основавших севернее Мариуполя его пригород с названием *Бахчисарай* (см.).

Біржа, -и, ж. Местность в приморской части старого Мариуполя (старая пристань) у набережной Кальмиуса, где в конце XIX в. находились амбары и лесные склады, торговые конторы и конторы пароходных обществ (1892 г., МО, 51). «Биржею называется пространство между озером Домахою, р. Кальмиусом и морем. Здесь торговля производилась с древнейших времен» (там же, 316).

Больнична вулиця, -ої -і, ж. Вариант: *Больничная улица*. Одна из «поперечных» улиц в старом Мариуполе (1892 г., МО, 86). На ней находилась первая в Мариуполе больница, открытая в 1874 г. В настоящее время – часть улицы имени Артема.

Большая улица, -ой -ы, ж. Главная улица в старом Мариуполе. В конце XIX в. именовалась уже *Екатерининской* (1892 г., МО, 69).

Велика Садова, -ої -ої, ж. Вариант: *Большая Садовая*. Одна из «продольных» улиц в старом Мариуполе (1892 г., МО, 75, 86, 216, 256). Во дворах на этой улице росло много фруктовых деревьев.

Великий рейд, -ого -у, м. Вариант: *Большой рейд* (1892 г., МО, 53, 316). Место якорной стоянки в старом Мариупольском порту для судов заграничного плавания. Находился против Зинцевой балки (см.), где сейчас расположен порт Мариуполь. См. также: *Малый рейд*.

Гамбургский спуск, -ого -а, м. Вариант: *Гамбургский спуск*. Современное неофициальное название той части улицы Розы Люксембург (бывшей *Земской*) в городе Мариуполе, которая опускается на Слободку. Искажение первичного названия *Гамперовский спуск* по фамилии *Гампер*, принадлежавшей известному в конце XIX в. врачу, который владел расположенным здесь домом (МС, 95). В 80-90-е годы прошлого века эта дорога именовалась также *Докторским спуском* (1892 г., МО, 216). Рядом с ним находилась *Портовая улица* (там же).

Гезлеве, неизм. Одна из частей старого (конец XVIII - нач. XIX в.) Мариуполя – в нагорной части у правого берега Кальмиуса между *Кефе* (см.) и *Карасу-Базаром* (см. *Карасевка*) (1892 г., МО, 73). Вариант: *Гезеле* (там же, план Мариуполя 1811 г.) Здесь поселились выходцы из Евпатории, которая носила еще тюркское название (появившееся после завоевания в XIV в. Крыма турками) *Гёзлёв*, превратившееся в русском языке (в XVIII в.) в *Козлов*. В конце прошлого века здесь был квартал *Гезлеве* города Мариуполя (там же, 73).

Георгіївська, -ої, ж. Вариант: *Георгиевская улица*. Одна из «продольных», т. е. протянувшихся вдоль морского побережья, улиц в старом Мариуполе (1892 г., МО, 86, 101). Названа была в честь особо почитаемого греками святого Георгия, икона которого хранилась у митрополита Игнатия до самой его смерти (МО, 137; МС, 90). Один из приделов трехглавого Харлампиевского собора (во имя священномученика Харлампия), заложенного в 1780 г. (в нем похоронен был митрополит Игнатий), был возведен во имя Георгия Победоносца. Краевед Л.Д.Яруцкий допускает, что название улицы связано с этим приделом Харлампиевской соборной церкви. В советское время была переименована в *улицу имени Л.Д.Троцкого*, со второй половины 20-х годов стала называться *улицей Первого мая* (МС, 92).

Готфійська вулиця, -ої, -і, ж. Варианты: *Готфейская улица*. Одна из «продольных» улиц в старом Мариуполе (1892 г., МО, 75), *Готская улица* (там же, 86). Находилась рядом с Греческой улицей (см.). Очевидно, названа по титулу митрополита Игнатия – «митрополит Готфейский (Готфийский) и Кефайский», присвоенному ему Святейшим Синодом 14 марта 1779 г. В Крыму существовала область *Готия*, многие жители которой были греками, и *Готская митрополия*, издавна связанная с Византией. Раньше, еще в XV–XVI вв., в ней жили черноморские готы, которых татары называли *татами*, т.е. «покоренными» (об этом см. подробнее: МО, 387–389).

Грецька вулиця, -ої, -і, ж. Вариант: *Греческая улица*. Одна из «поперечных» улиц в старом Мариуполе (1892 г., МО, 71, 75, 86). Была населена преимущественно греками.

ДОМАХА, -и, ж. Название существовавшего в прошлом веке озера в устье Кальмиуса (территория нынешнего Мариуполя), а также исторического центра Кальмиусской паланки низового Войска Запорожского, находившегося в приморской части современного Мариуполя. В конце XVIII - первой половине XIX в. оно было известно только как название озера в устье реки Кальмиус. Само озеро представляло собой остаток одного из трех (правого) рукавов, которыми Кальмиус в то время впадал в Азовское море. Основным руслом реки был левый рукав, остатком среднего рукава в XVIII–XIX вв. была гавань с народным названием *Ковш*. На рукописном «Плане города Мариуполя» в первой части «Атласа Новороссийской губернии», составленном в 1799 г. в Новороссийске (ЦГАДА, ф. ВУА, ед. хр. 20159), *Домаха* показана как озеро, уже утратившее связь с морем, но в которое с севера впадает небольшой водоток, берущий начало в болоте. На «Плане городу Мариуполю» 1811 г. *Домаха* и *Ковш* еще изображены как рукав Кальмиуса. При этом *Домаха* показана как имеющая связь с *Ковшом* и морем при помощи незначительного протока. Вероятно, наличие в ней в ту пору проточной воды, незакрытый характер этого водоема позволил составителям «Плана Екатеринославского наместничества окружного города Мариуполя» в рукописном «Атласе Екатеринославского наместничества» 1784 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 18724) отнести название *Домаха* к небольшой речке, впадающей в озеро без названия. На рукописном «Плане северного берега Азовского моря от Кальмиуса до Таганрога» второй половины XVIII в. (ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 22885) река Кальмиус в устье еще имеет пять рукавов. На центральном острове в устье реки обозначено селение с надписью «Запорожская Кальмиуская Паланка», а восточнее, на косе Ляпиной, нанесена надпись «Рыбные заводы запорожских казаков». Слово *паланка* имело значение «укрепление с частоколом, укрепленный городок». Оно проникло

в украинский и русский языки, очевидно, из турецкого или венгерского, куда попало из итальянского. Сравните ит. *palanka* «часть-колы» (в основе, вероятно, лежит латинское *palus* «кол»).

В «Описании городов и уездов Азовской губернии» 1799 г. этот гидроним (название небольшой речки, впадающей справа в Кальмиус) приводится в форме *Адамаха* (ЗОИД-3, 294). Также и во 2-ом томе издания «Городские поселения Российской империи» (ГПРИ-2), наряду с формой *Домаха*. Описанный выше район ныне высохшего и засыпанного озера в устье Кальмиуса еще сравнительно недавно старожилы Мариуполя называли *Домахой*. Данный топоним отразился и в названии той части отмели, находящейся в море западнее устья Кальмиуса, которая отходит от берега на расстояние примерно 1,5 км – *Домашина Россыль* (ЛИАМ, 127). Название отмели – от *Домаха*, старого казачьего городища на берегу озера или речки, рукава Кальмиуса с таким же именем (ВЗК, 21). Сюда, на берег Азовского моря и в устье Кальмиуса, приезжали на сезонный рыбный промысел из богатой Самарской паланки запорожские казаки (об использовании Кальмиуса как участка водного пути из Запорожья к Азовскому, а затем и Черному морю см. в «Описании Украины» Боплана). *Домаха* – это исторический центр, очаг, вокруг которого уже в последней четверти XVI в. образовалась казачья крепость, в документах XVI–XVIII вв. именовавшаяся городом *Кальмиус*, ставшим главным селением *Кальмиусской паланки*, вокруг которого находились многочисленные зимовники запорожцев.

Название казачьего городища в ряде источников конца XVIII–XIX вв. представлено в форме *Адамаха*. В камеральном описании Мариуполя 1826 г. этот топоним приводится уже с греческим суффиксом – *Адамахиа*. От «древнего города Адамахии» производили и название залива на правом берегу Кальмиуса, а в самой *Домахе*—*Адамахе*—*Адамахии* улавливали отголоски имени якобы существовавшего здесь до появления казаков греческого поселения (ВМ, 64). Однако убедительного подтверждения эта гипотеза не получила. Наличие нескольких вариантов топонима свидетельствуют о том, что он уже в начале прошлого века утратил семантическую ясность. В таких случаях нередко появляются народные легенды, наивно и поэтично истолковывающие такие неясные имена. Одну из них в первой половине XIX в. записал архиепископ Гавриил: ранее разделенные Кальмиус и небольшой овраг рядом якобы соединила проживавшая здесь «запорожанка» *Домаха*, прокопавшая между ними ров, через который хлынула вода, образовавшая озеро, которое получило затем ее имя (МО, 66, 76). В основе топонима *Домаха* лежит слово *дiм* «дом». Одним из его производных в староукраинской народной речи было слово *домаха* «жилище, становище». Б.Д. Гринченко приводит такие его значения: «местопребывание рыбаков», «первый улов вблизи их

стоянки» (Гринченко - 1, 418). Его словообразовательная структура: *дом* + суффикс *-аха* с экспрессивной окраской. Это слово в старину было известно и русскому народному языку и отразилось в русской топонимии. Ср. севернорусский топоним *Домаха*, название места на берегу Чудского озера (ЛП, 136).

Вариант *Адамаха* – звуковая модификация изначального топонима *Домаха* со следами южнорусской фонетики – «аканьем» и приставным гласным звуком *а-*, характерным для сопредельных донских говоров, где и сейчас можно услышать *авторник*, *авсегда*, *авчера*, *адвор*, *алипа*, *алиман*, *агарох* и т.п. Однако следует иметь в виду и то, что в степных юго-восточных украинских говорах в XVIII-XIX вв. существовало аналогичное приставное *о-*, о чем свидетельствует вариант топонима Саур-Могила – *Осаур-Могила* (в записях 1854 и 1886 гг.). Это позволяет предположить, что существовал также фонетический вариант топонима *Одомаха*, появившийся в украинской речи. Оба варианта – украинский и русский (с «акающей» огласовкой) употреблялись одновременно, но в письменных источниках сохранился только второй. Следует заметить, что сейчас забытое нарицательное существительное *домаха* многократно отразилось в географических именах юго-восточной Украины, где в XVI-XVIII вв. происходило активное расселение запорожских казаков. Чаще всего это названия степных балок и населенных пунктов вблизи них. Подробнее о местонахождении географического имени *Домаха* и его производных в топонимном пространстве Украины см: ГСУ, 125-127; СГУ, 180-181.

Євпаторійська вулиця, -ої -і, ж. Вариант *Евпаторийская улица*. Одна из «продольных» улиц в старом Мариуполе (1892 г., МО, 86). Среди греков, переселившихся в 1780 г. в Мариуполь, были выходцы из Евпатории. Большинство из них поселились в пригороде *Гезлеве* (см.), или *Гезеле*, где образовалась Евпаторийская улица, которая в настоящее время называется *Комсомольской*.

Земська вулиця, -ої, -і, ж. Вариант: *Земская улица*. Улица в старом Мариуполе. На ней находилось здание земской управы и в 1889 г. был разбит городской сквер (1892 г., МО, 87). После революции была переименована в улицу Розы Люксембург.

Зінцева, -ої, ж. Балка, впадавшая в Азовское море западнее устья Кальмиуса, где сейчас находится Мариупольский порт (1892 г., МО, 45, 52, 316, 318). Варианты: *Зенцова* (1745 г., ИИЗК-II, 1436, 1447), *Зенина балка* (1745 г., там же, 1449). Ошибочно: *Зайцева* (1746 г., Лишин-II, ч.2, 387), *Зрицов. балк.* (КАМ-1739г.). В верховье балка имеет название *Кадебина* (Эксп.). Название балки представляет собой относительно-притяжательное прилагательное от патонимического имени *Зінець*, т.е. «сын, потомок человека с гипокористическим именем *Зінь* от *Зіновій*». В антро-

понимии запорожских казаков встречаются *Зенко*, Иван *Зенец* (1749 г., 1774 г., ИИЗК-II, 1690, 1908). Ср. современную фамилию *Зенцов*, а также другие фамилии от этой же сокращенной основы личного имени, только с другими патронимическими суффиксами: *Зиненко*, *Зинич*, *Зенин*, *Зенько*, *Зинько*, *Зинчук* (*Зиньчук*), *Зинченко*. Ороним *Кадебина*, возможно, содержит в измененном виде основу антропонима (прозвища или прозвишной фамилии) *Кадуба* (ср. современные фамилии *Кадуба*, *Кадубин*) – от *кадіб* «большой чан», «колодезный сруб из пня, пустого в середине» (Гринченко-2, 206). Еще одна *Зинцева балка* в прошлом веке была отмечена среди правых притоков Миусского лимана в его нижней части (нынешняя Ростовская область России) (1853 г., ВТК-ЗВД).

Италійська вулиця, -ої -і, ж. Вариант: *Италианская улица*. Одна из «продольных» улиц в старом Мариуполе (1892 г., МО, 71, 86). На ней были дома купцов-итальянцев, жил итальянский консул.

Карасівка, -и, ж. Неофициальное название одного из «концов» современного Мариуполя (Эксп., 1963 г.). Варианты: *Карасевка* (1892 г., МО, 155; Эксп., 1963 г.), *Карасу* (МО, 81), *Карасевская улица* (МО, 86; Эксп., 1964 г.). В настоящее время – улица имени А.И.Куинджи. Возникла на месте поселения *Карасу-Базар*, которое в конце XVIII - начале XIX в. находилось на правом берегу Кальмиуса, между Мариуполем и речкой Калец (сейчас – Кальчик), севернее поселения Гезеле. Жителей этого «подгородного» тогда села, или «предместья», в конце прошлого века именовали *карасевцами* (там же, 70, 76, 128). Основу его жителей составляли переселенцы из крымского поселения Карасу-Базар (с 1944 г. – Белогорск), т.е. «торговый центр (и селение при нем) у реки Карасу». Название приазовского села представляет собой переделку в плане «народной этимологии» (сближение со словом *карась*) первой части крымского топонима – *Карасу*. По происхождению это тюркский географический апеллятив: *карасу* – «родник; озерко; тип немногочисленной реки, питающейся выходами грунтовых вод у подножья гор, в межгорных долинах» (Мурзаев – СНГТ, 257).

Кефе, неизм. Одна из частей старого Мариуполя (конца XVIII - нач. XIX в.). Находилась в нагорной части у правого берега Кальмиуса, севернее Мариуполя (бывшего Павловска), но южнее *Гезеле* (см.). Здесь поселились выходцы из Феодосии, или Кефе. В конце прошлого века это была *Кефейская улица*, или *квартал Кефе* (1892 г., МО, 73). Жителей его в это время еще называли *кефели*, т.е. «те, кто из Кефе» (феодосийцы).

Кефейська вулиця, -ої -і, ж. Вариант: *Кефейская улица* (1892 г., МО, 73), *квартал Кефе* (там же), *Кефайский квартал* (там же, 127), *Кефайская улица* (там же, 86), *Кафайская улица* (МС, 94).

В настоящее время – *Пролетарская улица*. Одна из «продольных» (идуших вдоль морского побережья) улиц в старом Мариуполе. Среди греков, переселившихся в 1780 г. в Мариуполь, были и выходцы из Феодосии, носившей (после XII в.) имя *Кафа*. Это имя дано было ей генуэзцами. В речи крымских греков – *Кефе*. Так называлось в конце XVIII – начале XIX вв. и селение севернее Мариуполя, основанное греками из Феодосии (см. *Кефе*).

Кленова, -ой, ж. Балка, впадающая в Азовское море примерно в 2 км западнее устья Кальмиуса, между Кальмиусом и Зинцовой балкой, где находится Мариупольский порт. Варианты: *Клинава* (ГКНА-1778 г.), *Кленовая* (1892 г., МО, 45, 46, 52, 53, 316). В «Камеральном описании городу Мариуполю» 1826 г. (в составе «Межевой книги», хранившейся в Мариупольской городской управе) – *овраг Кленовый*. По нему проходила в это время западная граница города (там же, 76). Этот вариант оронима приводит и МО (МО. §7): *Кленовый овраг*. Фитофорный ороним (*клен*).

Ковш, -а, м. Один из пересохших, потерявших выход к морю рукавов Кальмиуса, находившийся между его основным руслом и рукавом (затем озером) Домаха. В XVIII-XIX вв. служил гаванью для рыбацких судов. Его изображение сохранилось на рукописном «Плане города Мариуполя» в «Атласе Новороссийской губернии» 1799 г. (ЦГВИА. фонд ВУА, ед. хр. 20 159). В книге «Мариуполь и его окрестности» (Мариуполь, 1892 г.) дано следующее описание этого географического объекта: «Как продолжение набережной к северу существует так называемый Ковш – короткий морской канал, отведенный от реки в северо-западном направлении и отделенный от нее предохранительной дамбой. Первоначальное назначение его было служить местом стоянки в зимнее время для землечерпательных машин, работавших при устройстве большого порта. В настоящее время в нем зимуют небольшие суда каботажного плавания» (с. 54).

Народный географический термин *ковш* «залив с узким выходом» (это слово со стершейся метафоричностью) встречается и в «Лощи Азовского моря» 1954 г. (с. 63), где *ковшом* называется южная часть Камыш-Бурунской бухты, ограниченная с востока узкой и низменной песчаной косой. *Ковшом* в 50-60-е гг. нашего столетия именовалось также устье реки Кальмиус: «Кальмиус моряки называют Ковш» (Эксп.; по свидетельству информантов из села Термюк П.Удовиченко и Е.Семениченко, запись 1963 г.).

В недавнем прошлом этот термин относился и к другим объектам морского побережья. На рукописной карте «Часть моря Азовскаго» (ЦГВИА, фонд ВУА, ед. хр. 22 891, начало XVIII в.), в плане Таганрогской гавани, надпись *Ковш* помещена у входа в эту гавань. На другом плане Таганрогского порта (там же, ед. хр. 22 892) это место названо описательно – *ковш гавена* (тут же надпись: «В ковше гавена караульной дом»).

Косьмо-Дам'янівська площа, -ої -і, ж. Вариант: *Косьмо-Дамьяновская площадь*. Одна из четырех площадей в старом Мариуполе (1892 г., МО, 86, 216). Находилась на *Карасевке* (см.), в конце Таганрогской улицы (ныне улица Артема). Название получила по особо почитаемой у греков старой иконе Косьмы и Дамиана, находившейся в церкви Рождества Пресвятой Богородицы, заложенной в 1780 г. в Карасу-Базаре митрополитом Игнатием. Краевед Л.Д.Яруцкий приводит еще один вариант названия этой уже не существующей площади: *Спасо-Демьяновская*, или *Спасо-Демьянская, площадь* (МС, 99; МХ, 15).

Кузнечная, -ой, ж. Улица в старом Мариуполе (обозначена на карте города 1910 г.), охватывавшая с восточной стороны бывшую Базарную площадь (сейчас – площадь Освобождения) (МС, 95). Здесь находились кузницы и жили кузнецы. В настоящее время – переулок Карла Либкнехта (восточное продолжение улицы с таким же именем) (там же, 96).

Куконова, -ої, ж. Балка в старом Мариуполе. Проходила севернее Слободки с востока на запад, разделяла нагорную часть города на два холма (1892 г., МО, 47, 48).

Кремни, -ів (?), мн. Вариант: *Кремны*. Скала на побережье Азовского моря, между Мариуполем и Белосарайской косой (ближе к городу) (1892 г., МО, 64). Н.Ф.Вавилов (автор раздела «Топография и климат г. Мариуполя») связывал *Кремны* Геродота с местом, где возник Мариуполь: «Кремны значит "крутизны, скалы, утесы" – гора, занимаемая Мариуполем, скала, которая в древности могла иметь утесы, временем занесенные» (там же).

Магдалинівська вулиця, -ої -і, ж. Варианты: *Магдалиновская улица* (1892 г., МО, 71, 86), *Марии-Магдалиновская улица* (там же, 86), *Магдалинская улица* (там же, 256), *Магдалиновский спуск* (там же, 87). Одна из «поперечных», т.е. идущих в направлении моря, улиц в старом Мариуполе. Названа была так по находившейся на ней церкви Марии Магдалины, или Марии-Магдалинской церкви. В XIX в. существовало неверное мнение, что «город Мариуполь и Марии-Магдалиновская церковь так названы в честь великой княгини, а потом императрицы Марии Федоровны» (там же, 155).

Мала Садова, -ої -ої, ж. Вариант: *Малая Садовая* (1892 г., МО, 75, 86). Одна из «продольных» (идущих вдоль моря) улиц в старом Мариуполе.

Малий рейд, -ого -у, м. Вариант: *Малый рейд* (1892 г., МО, 53). Место якорной стоянки для каботажных судов, неширокий залив против Кленовой балки (см.).

Мангушський степ, -ого -у, м. Вариант: *Мангушская степь* (1892 г., МО, 263). Степь вокруг села Мангуш под Мариуполем.

Мариуполь, -я, м. Одна из частей старого Мариуполя (конца XVIII - начала XIX в.), находившаяся в его нагорной части, северо-западнее Домахи (см.), на месте старой казацкой крепости Кальмиус (см.), где после 1775 г. азовским губернатором Чертковым началось строительство города Павловска, центра образованного в этом же году Павловского уезда. Жителей этой части города еще в конце прошлого века называли *халелилер*, *халели*, *калеиль*, *калеси*. Во всех вариантах катойконима присутствует топонимная основа *Кале*: первыми поселенцами этой части города были христиане из того района Бахчисарая (столицы Крымского ханства), которая именовалась *Кале* «крепость», или *Чуфут* (т.е. «караимская») - *кале* (1892 г., МО, 70).

Марьино, -а, с. Селение, часть старого Мариуполя (конец XVIII - нач. XIX в.). Находилось на возвышенном месте в междуречье Кальмиуса и его правого притока Кальчика (Кальца), окруженное другими селениями греков - Карасу-Базар (с юга) и Бахчисарай (с севера) (1892 г., МО, 72). Варианты: *Марьинск* (там же, 70, 72, 81, план г. Мариуполя 1811 г.) *Марьинское село* (там же, 70), *Мариам* (там же). Основано выходцами из той части крымского Бахчисарая, которая имела преимущественно христианское население и называлось *Мариам* (*Маирум*, *Майрем*) (там же, 69, 73). *Марьино*, *Марьинск* - результат лексической и структурной адаптации в славянской речи перенесенного греческого ойконима. В конце XIX в. здесь была *Мариинская улица* (там же, 74). *Марьинск* в это время воспринимался еще как «подгородное село», или «предместье», Мариуполя (там же, 76, 81). Жителей села и улицы называли *марьинцами* (там же, 70).

Мар'їнська площа, -ої -і, ж. Вариант: *Марьинская площадь*. Одна из четырех площадей в старом Мариуполе (1892 г., МО, 86; МС, 98). Находилась в «пригородном селе», или «предместье», *Марьинское*, или *Мар'їнське*, *Марино* (см.), откуда и ее название. В настоящее время этот агороним (название площади или рынка на ней) уже забыт.

Миколаївська вулиця, -ої -і, ж. Вариант: *Николаевская улица*. Одна из трех главных «продольных» улиц в старом Мариуполе (1892 г., МО, 86). Краеведом Л.Д.Яруцким было предложено несколько объяснений названия улицы: 1) оно «идет еще от запорожцев, которые особо почитали святого Николая и его именем называли церковь в Кальмиусской паланке»; 2) «... так назвал эту улицу еще губернатор Чертков, желая подчеркнуть преемственность между населенным пунктом, основанным здесь запорожцами, и заложенным им Павловском» и 3) «от названия одного из приделов Харлампиевского собора, посвященного Николаю-святителю» (МС, 90-91). Свято-Никольская церковь была старейшей в Мариуполе. Ее построили запорожцы Кальмиусской паланки.

В конце 70-х годов XVIII в. была названа соборной Павловской церковью (МО, 115). В советское время была переименована в улицу имени В.И.Ленина, а в начале 60-х годов – в *Донбасскую* (МС, 92).

Митрополитська, -ої, ж. Вариант: *Митрополитская* (ВТКЕГ; К.). Балка, п.п. Кальмиуса, недалеко от места впадения в него Кальчика (Кальца). В устье балки в конце XIX в. были *Митрополитские хутора* (1899 г., ГИЮМУ, 22); еще раньше они различались: *Митрополитский* (Русский) и *Митрополитский* (Греческий) *хутора* (ВТКЕГ). Эта местность также носила название *урочище Митрополитское* (1901 г., КрХр, 23). Все эти топонимы связаны с нахождением здесь «загородного приюта» митрополита Игнатия: «Он избрал для духовного отдохновения особое место, в шести верстах от города вверх по реке Калмиусу, где развел хороший фруктовый сад и выстроил в нем каменную келию для молитвословия» (1892 г., МО, 216).

Митрополитська вулиця, -ої -і, ж. Вариант: *Митрополитская улица* (1892 г., МО, 73), *Митрополитчья* (там же, 86). Одна из «продольных» улиц в старом Мариуполе. На ней (точнее – на пересечении ее с Торговой улицей) находилось подворье митрополита Игнатия.

Новостроєнка, -и, ж. Квартал в старом Мариуполе: «часть города, именуемая Новостроенкой» (1892 г., МО, 75). Рядом с улицами Большая и Малая Садовые. Вариант: *Новоселовка* (Эксп., 1960 г.).

Александрівська площа, -ої -і, ж. Вариант: *Александровская площадь* (1892 г., МО, 75, 86). Площадь в старом Мариуполе, выше церкви Марии Магдалины. Была названа в честь царя Александра II (там же, 86). В 20-е годы XX в. носила название *площадь Свободы*, теперь уже забытое (МС, 99).

Підгородній, -нього, м. Вариант: *Подгородний*. Овраг на западной окраине старого Мариуполя. Указание на него имеется в тексте «Камерального описания городу Мариуполю» 1826 г. (1892 г., МО, 76). Находился «под городом».

Пожарний провулок, -ого -а, м. Вариант: *Пожарный переулок*. Переулок в старом Мариуполе (между улицами Константиновской и Бахмутской), где находился дом пожарной охраны («пожарка») и водонапорная башня, сохранившаяся до нашего времени. В 70-е годы нашего века переименован в *Ташкентский переулок* (МС, 97).

Покровська могила, -ої -и, ж. Вариант: *Покровская могила*. Холм в старом Мариуполе, находившийся на Георгиевской улице (1892 г., МО, 101). По преданию, с нее первосвященитель митрополит

Игнатий проклял председателя горсдского суда и его сторонников, уничтоживших его сад, что навлекло на горожан бедствия – ежегодные засухи, повальные болезни, холеру в 1830 г. (там же, 100-101).

Покровська площа, -ої -і, ж. Варианты: *Покровская площадь*, *Покровский пустырь*. Пустырь, а позднее площадь, которые в начале XX в. находились на окраине старого Мариуполя, где проводились весенняя и осенняя ярмарки (МС, 96).

Портова вулиця, ої -і, ж. Вариант: *Портовая улица*. Улица в старом Мариуполе. Рядом с ней был Докторский спуск, на ней находилось слободское училище (для учащихся, живших в «предместье» Слободка) (1892 г., МО, 216).

Почтамська вулиця, -ої -і, ж. Вариант: *Почтамтская улица*. Улица в старом Мариуполе (1892 г., МО, 257). На ней находился раньше почтамт.

Рибний базар, -ого -у, м. Базар в приморской части старого Мариуполя (1892 г., МО, 88).

Сінна вулиця, -ої -і, ж. Улица^в старом Мариуполе, появившаяся в начале XX в. рядом с *Сенной площадью* (см.). Находилась между улицами Бахмутской (см.) и современной улицей Казанцева. В 70-е годы нашего века она была объединена с улицей Ташкентской (см. *Пожарный провулок*) в одну улицу, получившую имя В.А.Варганова (МС, 97).

Сінна площа, -ої -і, ж. Вариант: *Сенная площадь*. Часть Покровской площади (см.) в старом Мариуполе, где проводилась торговля сеном (МС, 96).

Слободка, -и, ж. Расположенная у моря часть города Мариуполя. Возникла в 40-е годы XIX в. Находилась за чертой города и заселялась сначала биржевыми рабочими (см. *Біржа*) и отставными солдатами. На плане г. Мариуполя 1851 г. уже обозначен «продолговатый квартал» с названием *Солдатская слободка* (1892 г., МО, 74). На план 1883 г. нанесена уже как часть города с названием *Слобода*. Жители ее – *слобожане* (там же).

Таганрозька вулиця, -ої -і, ж. Вариант: *Таганрогская улица*. Одна из «поперечных» улиц в старом Мариуполе (1892 г., МО, 86). В настоящее время – часть улицы Артема. Эта улица в старину вела к паромной переправе через Кальмиус возле хутора Успеновка, от которого шла дорога в сторону Таганрога (МС, 92).

Торгова вулиця, -ої -і, ж. Вариант: *Торговая улица*. Одна из «поперечных» улиц в старом Мариуполе (1892 Г., МО, 85, 256). В настоящее время – *улица III Интернационала*.

Фонтан, -а, м. Ключ, «весьма обильный», в низменной (при-морской) части Мариуполя, снабжавший в XIX в. город водой (1892 г., МО, 46). Его вода скапливалась в трех каменных резервуарах, излишек ее стекал по канаве в Кальмиус.

Фонтанна вулиця, -ої -і, ж. Вариант: *Фонтанная улица* (1892 г., МО, 7, 186). Одна из «продольных» улиц в старом Мариуполе (см. *Фонтан*).

Харлампієвська вулиця, -ої -і, ж. Вариант: *Харлампиевская улица*. Одна из «поперечных» улиц, т.е. идущих с юга на север и пересекающих «продольные» улицы в старом Мариуполе (1892 г., МО, 86). В настоящее время – *Советская улица* (МС, 92), названа по соборной церкви во имя священномученика Харлампия, «целителя от повальных болезней», находившейся на современной площади Освобождения (бывшей Базарной площади). Харлампиевский собор был разрушен в 30-е годы XX в.

У С Л О В Н Ы Е С О К Р А Щ Е Н И Я

1. ВЗК – Зварницкий Д.И. Вольности запорожских казаков. СПб., 1890.
2. ВМ – Адрес-календарь «Весь Мариуполь и его уезд». Мариуполь, 1910.
3. ВТКЕГ – Военно-топографическая карта Екатеринославской губернии. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 21 308.
4. ВТК-ЗВД – Военно-топографическая карта Земли Войска Донского, 1853 г. ЦГВИА, фонд ВУА, ед. хр. 21 365.
5. ВУА – фонд Военно-ученого архива в ЦГВИА (см.).
6. ГИЮМУ – Соколов Н. Геологические исследования в южной части Мариупольского уезда Екатеринославской губернии (отдельный оттиск из «Известий Геологического комитета», т. XVIII. СПб., 1899).
7. ГКНА-1778 г. – Генеральная карта Новороссийской и Азовской губерний с показанием разделения оных на уезды и смежности к оным других губерний и протчих земель. Сочинена 1778 года сентября. Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 20 126.
8. ГПРИ-2 – Городские поселения Российской империи. Т.2. СПб., 1861.
9. Гринченко - 1,2 – Гринченко Б.Д. Словарь украинского языка. Т.1,2. Киев, 1907.
10. ГСУ – Отін Є.С. Гідроніми Східної України. Київ-Донецьк. «Вища школа», 1977.

11. ЗООИД-1,3 – Записки Одесского общества истории и древностей. Т.1. Одесса, 1844; Т.3, 1853.
12. ИИЗК-2 – Зварницкий Д.И. Источники для истории запорожских казаков. Т.2. Владимир, 1903.
13. К – Военно-топографические карты 30-40-х гг. XX в.
14. КАМ-1739 г. – Карта Азовского моря. Сочинена в 1739 г. Д.Герценберхом. Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 22 873.
15. КрХр – Серафимов С. Крымские христиане (греки) на северных берегах Азовского моря. Изд. 2-е. Екатеринослав, 1901.
16. ЛАМ – Лоция Азовского моря. 1954.
17. Лишин - П, ч.2 – Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собр. А.А.Лишиным. Т.2., ч.2. Новочеркасск, 1894.
18. ЛП – Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.-Л. «Наука», 1966.
19. МО – Мариуполь и его окрестности. Мариуполь, 1892.
20. МС – Яруцкий Л.Д. Мариупольская старина. Рассказы краеведа. М. «Советский писатель», 1991.
21. Мурзаев-СНГТ – Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
22. СГУ – Словник гідронімів України. Київ. «Наукова думка», 1979.
23. ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив (Москва).

ИЗ ИСТОРИИ НАЗВАНИЙ РЕК ДОНЕЦКОГО КРАЯ

Мы продолжаем публикацию материалов «Историко-этимологического словаря топонимов юго-восточной Украины». На этот раз вниманию читателей предлагаются пробные словарные статьи, посвященные названиям двух соседствующих притоков Северского Донца: правого – *Бахмут* и левого – *Жеребец*, а также гидрониму *Булавин* (бассейн Крынки, п.п. Миуса). Используются следующие сокращения: л.п. – левый приток, п.п. – правый приток. В конце помещен список сокращений и приводятся полные названия научных работ, а также источников фактического материала.

БАХМУТ, -а. Река, п.п. Северского Донца. Ее истоки – у северной окраины Горловки. Протекает через Артемовский район и впадает в Донец недалеко от границы с Луганской областью. Эта форма названия отмечается в источниках с конца XVII – начала XVIII вв. (1699 г., карта Южной России Менглена и Брюса – flu. Baghmoct; 1702 г., Лишин-1, 196, 197-200; 1739 г., Кордт-№22 – Bachmut; 2-я четв. XVIII в., Кордт-№23 – Bahmutz; КЧД₁ – Bachmuht). Включена она и в «Каталог річок України» (КРУ, 147 – с ударением *Ба́хмут*), встречается на современных картах (например, на карте «Донецкая область», М., 1991). Ср. другие варианты записи этого гидронима: *Багмут* (1704 г., БВ, 98); *Бахмута* (ГКЕР-1846 г.); *Багмута* (1703 г., БВ, 76); *Махмут* (1670 г., КВСР-II₂, 84, 87); *Магма* (1642 г., ДД-II, 437-438); *Мангут* (1682 г., ОХЕ-5, 151: «на р. Мангуте построили себе курени»); *Бахмутка* (1665 г., ОХЕ-5, 157); *Бахмутова* (1627 г., КБЧ, 75); *Бахмутовка* (1665 г., ОХЕ-5, 157); *Бахмуча* (1936 г., ГОДБ, 25); *Багмутов* (1549 г., РК, 127); *Бахмáтка* (1971 г., Экспед.).

Происхождение гидронима связывают с тюркским словом *бахмат* ‘низкорослая степная лошадь’, ‘степная лошадь’. Это слово под влиянием татарского личного имени *Махмут* принимает современную форму с конечным -*ут*. В ряде вариантов гидронима (*Махмут*, *Мангут*, *Магма*) запечатлелся и след влияния начальнo-го звука имени. Форма *Бахмут* вначале выполняла роль определения по отношению к когда-то входившему в состав гидронима географическому термину *су* – ‘вода’, ‘речка’. Благодаря утрате (эллипсу) географического термина на базе топонимического словосочетания *Бахмат* (>*Бахмут*) *су* образуется одиночный гидроним *Бахмат* (>*Бахмут*). Структурно-семантическим аналогом реконструированного топонимического словосочетания *Бахмат су* является такой же описательный тюркский гидроним в бассейне

Днепра (на территории Запорожской области) *Илхи су*, калькой которого стало славянское географическое имя *Конские Воды* (в настоящее время река *Конка*). Данная гипотеза подкрепляется и наличием левого притока Донца с названием *Жеребец* (см.), устье которого находится в непосредственной близости от устья Бахмута, а также редким вариантом гидронима *Бахматка*, записанным в селе Васюковка, Артемовского района, участниками экспедиции Донецкого госуниверситета. Таким образом, изначальное значение названия *Бахмут* (*Бахмат*) – ‘река бахматов’. На ее берегах в старину паслись стада этих степных лошадей. Ср. также уже забытые сейчас варианты названия реки *Ковсуг*, л.п. Евсуга, л.п. Северского Донца (на территории Луганской области): *Койсу*, *Койсуг*, *Койсюг*, *Койсюга*, состоящие из двух четко различимых частей – *кой* ‘овца’, ‘овечий’ и географический термин *суг* ‘речка, источник’, т.е. *Койсуг* – это буквально ‘овечья вода, овечьи воды’. Речка *Койсу* есть и в Крыму (недалеко от Бахчисарая).

Менее вероятным представляется другой путь развития гидронима *Бахмут* – от тюркского личного имени *Махмут*, изменившегося в славянской речи в *Бахмут*. Имя Магомета (Mahmad) представлено в именниках тюркских народов в разных фонетических молификациях: Магмут, Махмут, Махмет, Мухаммед, Магомет и др. По-разному происходит их адаптация в славянской речи. В «Повести временных лет» под 986 г. – *Бохмит* ‘Магомет’. В Псковской 3-й летописи под 1472 г. сообщается о походе «на великого князя Ивана Васильевича и на брата и на всю силу русскую» ордынского царя *Махмута*, а еще раньше, под 1446 г., – о походе великого князя московского Василия Васильевича на другого ордынского хана – «окаянного царя *Бахмета*», имя которого в Архивском 2-м списке этой летописи еще сохраняет более раннюю звуковую форму – *Махмет*. Изменение личного имени *Махут* в *Бахмут* могло быть вызвано дистантной диссимилиацией – распадением одинаковых звуков, начального и срединного *м*, как, например, в словах *мусульман* и *махрома*, превратившихся в русской речи в *басурман* и *бахрома* (Сетаров, 233-234). В этом случае гидроним *Бахмут* возникает из словосочетания *Бахмут су* «Бахмутова речка, вода». На возможную связь названия реки с каким-то конкретным лицом (возможно, кочевником – тюрком) косвенно указывает и структурная разновидность гидронима – в форме притяжательного прилагательного, встречающегося в некоторых документах XVI-XVII в.в., – *Бахмутова*, на основе которого появляется современный суффиксальный вариант гидронима *Бахмутовка* (зафиксирован в источниках 20-30-х годов). В наши дни речку чаще называют *Бахмуткой*. Вероятно, это расподобление названий города (*Бахмут*) и протекающей через него реки (*Бахмутка*) произошло еще в прошлом веке. Изредка ее именуют *Артемовкой* – по современному названию города (этот вариант,

например, встречается в газете «Социалистический Донбасс» за 13 апреля 1975 г.: «В городе Северске через реку Артемовку в 1947 году был построен из камня и железа мост»). Один из районов города Артемовска в разговорной речи неофициально именуется *Бахмуткой*, или *Заартемовкой*.

На реке Бахмут в конце XVII в. возникает укрепленная слобода с таким же именем. Название селения (ойконим) появилось позже гидронима благодаря так наз. топонимической метонимии – переносу уже существующего географического имени на смежный объект без какого-либо грамматического дооформления. «Городок Бахмут» отмечается в документах уже в первые годы XVIII ст. (1708 г., МИ-У, 520). Зафиксирован также вариант ойконима *Багмут* (1708 г., БВ, 274-275). Название *Бахмут* в начале XX в. имела и территория (урочище) между рекой Бахмут и ручьем Кудрявкой, л. п. Больших Ступок, л. п. Бахмута (1903 г., Городцов, 312).

С собственным именем *Бахмут* связаны по своему происхождению некоторые слова в украинском и русском языках. На нижнем Дону холодный северо – западный ветер, который дул со стороны уездного города Бахмута, в прошлом веке называли *бахмутом*. Примечательно, что такой же принцип называния ветров существовал и на Байкале: ветры, дующие со стороны Баргузинского залива, залива Култук и речки Сармы, соответственно называют *баргузин*, *култук* и *сарма*. *Бахмуткой* называли в старину и соль, которую добывали в здешних соляных копиях (в отличие от *крымки*, привозимой чумаками из Крыма). Индикаторная шахтерская лампа тоже называлась *бахмуткой*. Наконец, топоним *Бахмут* в неизменной форме (т. е. без суффиксов *-ов* и *-ский*) отразился в прозвищах, а потом и фамилиях людей, которые или предки которых каким-то образом были связаны с рекой или с селением Бахмут. Это современные украинские фамилии *Бахмут* (встречается и среди жителей Донецка), *Багмут*, *Багмет* (в последних двух запечатлелись звуковые варианты топонима). Ср. аналогичного происхождения фамилии *Дон*, *Дунай*, *Миос*, *Кальмиус* (или *Кальмус*), *Самар* (*Самара*), *Москва*, *Полтава*, *Астрахань* и др.

ЖЕРЕБЕЦ, -бца. Речка, л.п. Северского Донца. Берет начало в Луганской области, протекает через Краснолиманский район Донецкой области и впадает в Донецк рядом с устьем Бахмута. Такое расположение этих рек (на карте они составляют сплошную голубую линию, с юга на север пересекающую Донец, начало которой – севернее Горловки, а конец – в Сватовском районе Луганской области) наталкивает на мысль о возможной ономаσιологической зависимости гидронима *Жеребец* от названия *Бахмут* (*Бахмат*). В источниках название реки *Жеребец* отмечается

со второй половины XVIII в. (ПГК-1775 г.). Конечно, первая фиксация географического имени отнюдь не свидетельствует, что именно в это время образовался топоним. В живой народной речи он мог существовать гораздо раньше. Особенно интересен описательный вариант гидронима с прилагательным цветообозначением – *Черный Жеребец* (1916 г., КИПЗУ; 1926 г., ДИ, карта «Лист V»). Можно допустить, что это славянская калька с первичного тюркского гидронима *Кара Бахмат су*, где прилагательное *кара* ‘черный’ имело символическое значение ‘северный’. «Для тюрков ... характерны следующие соответствия: *кара* ‘черный’ = север; *ак* ‘белый’ = юг; *кёк* ‘зеленый’, ‘синий’ = восток и *сары* ‘желтый’ или *кызыл* ‘красный’ = запад» (Агеева, 166). Следовательно, впадающий в Донец с противоположной – южной стороны *Бахмут* в тюркской речи мог именоваться *Ак Бахмат су*. Современное название *Жеребец* могло возникнуть как лексическая калька в тот период тюрко-славянского языкового взаимодействия в Придонецье, когда гидроним *Бахмут* (в исконной форме *Бахмат*) был еще семантически прозрачным именем и ассоциировался с заимствованным у тюрков нарицательным существительным *бахмат* ‘низкорослая степная лошадь’.

БУЛАВИНКА, -я. Речка, л.п. Крынки, п.п. Миуса (юго-восточнее города Угледорска Донецкой области). В разных источниках последней четверти XVIII - начала XX в. весьма часто встречается первичная составная форма гидронима – *Булавин колодызь* (*колодезь*) [ГКАЗ-1782 г.; АЕН-1784 г. (ПБУ); ПГК-1775 г.; АЕН-1784 г. (ПБУ); АВ-1786 г.; РА-1792 г. (КЕН); Кордт-№36, 1792 г.; 1822-32 гг., СОЗДК, 8, 25; 1837-39 гг., Ле-Пле; 1843 г., ВГСС-1, 168; 1863 г., МГСР-ЗВД, 94; 1918 г., ОГВД, 166]. *Булавинь колодез* (ГКНА-1778 г.). В конце 60-х годов во время полевой экспедиции студентов-филологов Донецкого университета была записана уже редкая форма названия – *Булавин колодец*.

В источниках зарегистрированы также варианты гидронима, представляющие собой только первую его часть (нередко фонетически искаженную), с опущенным географическим термином: *Буловин* (1850 г., ВСОРИ-ЕГ, 36; ВТКХГ; АРИ-1866 г. (КЕГ); ПАРИ-1871 г. (№18); 1895 г., КЕГ; 1913 г., ВЕГ, 95-96); *Болавин* (ГКЕГ-1855 г.); *Булаван* (1863 г., ЕГТГ, 40); *Булавина* (К.). В редких случаях однословный гидроним имеет другие суффиксы: *Булаекз* (1934 г., СДБ, 28), *Булавик* [РА-1800 г. (№ 38)] (в последнем случае, впрочем, возможна и описка картографа – *к* вместо *н*). О реке Булавин в рассказе «На реке» писал А.И.Куприн (впервые напечатан в 1896 г. в газете «Киевская старина»): «От недалекого Булавина повеяло прохладой...» Им же записана приведенная в рассказе местная легенда о связи названия реки с «разбойником по фамилии Булавин», который якобы жил «в Га-

лочьей Скелье» возле реки. В некоторых современных изданиях происхождение гидронима связывается с именем вождя крестьянского восстания 1707-1708 гг. Кондратия Булавина (Янко, 30). Однако эта связь ничем исторически не подтверждается. Если бы гидроним был эпонимическим именем, его первичная составная форма должна была иметь другой вид: *Булавинов* или *Булавинский колодезь*, но такие варианты в источниках не зафиксированы.

У истоков современной формы гидронима лежит составное название *Булавин колодезь*, состоящее из народного географического термина *колодезь* (*колодязь*) «речка, ручей» и краткого притяжательного прилагательного от прозвища *Булава* (*булава* 'палка с шарообразным утолщением на конце, служившая в старину оружием'). Документы XV-XVII в. в. указывают не только на этот антропоним, но и на его уменьшительную форму *Булавка*. Например: крестьянин *Ивашко Булава*, 1495 г. (Тупиков, 68); *Булавка*, писарь Каневский, 1677 г. (там же); крестьянин *Иван Булава*, 1498 г. (Веселовский, 53); *Булавка* Иван Андреевич Левашев, 2 - я пол. XVI в. (там же). Современное название реки *Булавин* образовалось благодаря пропуску определяемой части первичного двусловного гидронима - термина *колодезь* (откуда мужской род у названия *Булавин*). Такой путь образования прошли многие гидронимы в бассейне Северского Донца: *Белый* (л. п. Волчьей, л. п. С. Донца) < *Белый колодезь*; *Песчаный* (п. п. Бабки, п. п. С. Донца) < *Песчаный колодезь* и др. После пропуска определяемого термина субстантивированное притяжательное прилагательное *Булавин* под влиянием частых названий рек женского рода структурно изменилось за счет присоединения суффикса *-ка*.

СОКРАЩЕНИЯ

1. *АВ - 1786 г.* – Атлас, состоящий из 25 наместничеств Российской империи, А. Вильбрехта. 1786 г. Рукопись. ЦГВИА, фонд ВУА, ед. хр. 19 856.
2. *Агеева* – Агеева Р. А. Цветовые обозначения в онимах разных классов. - В кн.: Материалы к серии « Народы и культура». Вып. XXV. Ономастика. Книга I. Часть I. М., 1993.
3. *АЕН - 1784 г. (ПБУ)* – Атлас Екатеринославского наместничества, 1784 г. Рукопись. ЦГВИА (т. е. Центральный государственный военно - исторический архив, Москва), фонд ВУА, ед. хр. 18 724 (План Бахмутского уезда; ПДУ - План Донецкого уезда).

4. *АРИ - 1866 г. (КЕГ)* – Атлас Российской империи с планами губернских городов. Вып. III. СПб., 1866 (Карта Екатеринославской губернии).
5. *БВ* – Булавинское восстание (1707 - 1708 г. г.). М., 1935.
6. *ВГСС - I* – Гагарин С. П. Всеобщий географический и статистический словарь. Ч. I. М., 1843.
7. *ВЕГ* – Вся Екатеринославская губерния. 1913 год. Екатеринослав, 1913.
8. *Веселовский* – Веселовский С. Б. Ономастикон. «Наука». М., 1974.
9. *ВСОРИ - ЕГ* – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XI. Ч. 4. Екатеринославская губерния. СПб., 1850.
10. *ВТКХГ* – Военно-топографическая карта Харьковской губернии. 1863. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 21 504.
11. *ГКАЗ - 1782 г.* – Генеральная карта, представляющая Азовскую губернию, 1782 г. Рукопись. ЦГВИА, фонд ВУА, ед. хр. 20 136.
12. *ГКЕГ* – Гидрографическая карта Екатеринославской губернии, составленная по брульенам военной съемки в 1856 году. Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 23 870.
13. *ГКЕР - 1846 г.* – Гидрографическая карта Европейской России. Составлена Департаментом проектов и смет Главного управления путей сообщения и публичных зданий. 1846 г. Исправлена по ноябрь 1858 года. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 23 867.
14. *ГКНА - 1778 г.* – Генеральная карта Новороссийской и Азовской губерний с показанием разделения оных на уезды и смежности к оным других губерний и прочих земель. Сочинена сентября 1778. Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 20 126.
15. *ГОДБ* – Гидрогеологический очерк Донецкого бассейна. М. -Л., 1930.
16. *Городцов* – Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года. - В кн.: Труды XIII археологического съезда в Екатеринославе, 1905. Т. I. М., 1907.
17. *ДИ* – Сибилев Н. В. Древности Изюмщины. Вып. II. Археологические разведки в бассейне Донца в 1920 - 1926 г. г. Изюм, 1926.
18. *ДД - II* – Донские дела: Русская историческая библиотека. Т. XXIV, кн. 2. СПб., 1906.
19. *ЕГТГ* – Списки населенных мест Российской империи. XIII. Екатеринославская губерния с Таганрогским градоначальством. СПб., 1863.
20. *К.* – Планшеты карт 30-40-х годов XX в. (масштабы: I : 100 000, I : 50 000, I : 25 000).
21. *КБЧ* – Книга Большому чертежу. М. -Л., 1950.

22. *КВСП - II₂* – Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 2. Ч. 2. М., 1959.
23. *КЕГ* – Карта Екатеринославской губернии. – В кн.: Рагозин В. И. Железо и уголь на Юге России. СПб., 1895.
24. *КИПЗУ* – Геологическая карта Изюмского уезда и прилежащей полосы Павлоградского и Змиевского уездов. По наблюдениям В. А. Наливкина и собственным составили А. Борисьяк и Н. Яковлев. – В кн.: Геологическая карта северо-западной окраины Донецкого края (Изюмского уезда и прилежащей полосы Павлоградского и Змиевского уездов). Пгр., 1916.
25. *Кордт - NN 22, 23, 36* – Кордт В. Матеріали до історії України. Частина перша. У Києві. 1931 (N 22 – Карта военных действий русской армии во время войны с Турцией 1736-1739 г. г., составитель - М. Зойтер; N 23 – Карта Украины, охватывающая территорию военных событий 1736-1739 г. г., 2-я четверть XVIII в., составитель неизвестен; N 36 – Карта Екатеринославского наместничества и Земли черноморских казаков, 1792 г.).
26. *КРУ* – Каталог річок України. К., 1957.
27. *КЧД I* – Карта части течения р. Донца от с. Печенег до впадения сей реки в Дон. Рукопись. 2-я пол. XVIIIв. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 24 142.
28. *Ле-Пле* – Геологическая карта Донецкого края и восьми каменноугольных групп, составленная Ле-Пле, главным горным инженером и профессором в Парижской горной школе при пособии г. Маленво, производившего разведочные работы в течение трех лет, 1837-1839 (приложена к книге: Исследование каменноугольного Донецкого бассейна, произведенное в 1837-1839 годах по распоряжению А. Н. Демидова главным инженером и профессором в Горной парижской школе Ле-Пле, при пособии гг. Маленво, Лалана и Эйро. Перевод с французского профессора Г. Е. Щуровского., 1854).
29. *Лишин - I* – Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собр. А. А. Лишиным. Т. I. Новочеркасск, 1891 - 1894.
30. *МГСП - ЗВД* – Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля Войска Донского. Сост. Н. Краснов. СПб., 1863.
31. *МИ - V* – Материалы по истории СССР. V. Документы по истории XVIII века. М., 1957.
32. *ОГВД* – Богачев В. Очерки географии всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1918.
33. *ОХЕ - 5* – Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отделение 5. Изюмский, Купянский и Старобельский уезды; Купянские и Старобельские округа военного поселения. Харьков, 1858.

34. *ПАРИ - 1871 г. (N 18)* – Подробный атлас Российской империи с планами главных городов (70 карт). СПб., 1871 (N 18 – Карта Екатеринославской губернии).
35. *ПГК - 1775 г.* – Примерная генеральная карта Новороссийской и Азовской губернии. Соч(инена) июля 18 дня 1775 г. Рукопись. ЦГВИА, фонд ВУА, ед. хр. 20 123.
36. *РА - 1792 г. (КЕН)* – Российский атлас, из сорока четырех карт состоящий, на сорок на два наместничества империю разделяющий. Сочинен., гравир. и печат. при Горном училище, 1792 (КЕН – карта Екатеринославского наместничества).
37. *РА - 1800 (N 38)* – Российский атлас, из сорока трех карт состоящий и на сорок одну губернию разделяющий. Издан при Географическом департаменте. СПб., 1800 (карта N 38).
38. *РК* – Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966.
39. *СДБ* – Соколовский Д. Сток в Донецком бассейне. - В кн. : Записки Государственного гидрологического института. Т. XII. Л., 1934.
40. *Сетаров* – Сетаров Д. С. Тюркизмы в русской коневодческой терминологии. - В кн.: Тюркизмы в восточнославянских языках. «Наука». М., 1974.
41. *СОЗДК* – Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822-1832 годах. Новочеркасск, 1891.
42. *Тупиков* – Тупиков Н. М. Словарь древне-русских личных собственных имен. СПб., 1903.
43. *Экспед.* – Полевые записи топонимов во время экспедиций ДовГУ 1969 - 1982 гг.
44. *Янко* – Янко М. Т. Топонімічний словник - довідник Української РСР. К., 1973.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ТОПОНИМИИ ПРИАЗОВСКИХ ГРЕКОВ

В Донецком областном архиве (ДОО) хранятся планы земельных участков конца XIX - начала XX вв., подготовленные для крестьян-землевладельцев (в экспликациях приводятся их имена и фамилии) Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. Эти планы раньше принадлежали Мариупольской уездной землеустроительной конторе и в ДОО составляют особый фонд № 156 (опись I). Нами просмотрено 30 единиц хранения из этого фонда. В восьми из них (№№ 2, 3, 4, 7, 9, 18, 19 и 25) обнаружено 34 топонима, связанных с румейскими и урумскими диалектами приазовских греков. В большинстве своем это оронимы, чаще имена отрицательных и реже положительных элементов земной поверхности. Первых (названий балок и оврагов) – 28, вторых (названий возвышенностей) – 4. Оронимы первого типа во многих случаях можно рассматривать и как гидронимы, так как они являются наименованиями ложбин, по которым осуществлялся постоянный или временный сток. Один из топонимов зафиксирован один раз в качестве оронима, а другой раз – спелеонима (*Хасар* – балка и пещера в ней).

Две трети топонимов ранее нам не были известны. Но и те, которые были зафиксированы прежде и изучены (их более десятка), в ряде случаев представлены в земельных планах в несколько иной форме, что позволяет более основательно судить об их происхождении и варьировании в живой разговорной речи, восстановить их базовую, т.е. изначальную структуру и мотивы номинации местных географических объектов.

1. *Бахча Папу Тарама* – балка, правый приток (далее – п.п.) Кальмиуса у села Б.-Каракуба (ДОО, ф. 156, ед. хр. 19; далее указываются только номера единиц хранения этого фонда). Этот составной топоним, по сути, название бахчи в балке, именуемой *Папу Тарама*, где *Папу* – антропоним (от *папу* «дед»), выступающий в роли определения к урумскому географическому апеллятиву *тарама* «балка».

Этот термин характерен для топонимии тюркоязычных приазовских греков. Он встречается в описательных названиях балок и притоков небольших степных речек и очень редко самостоятельно (ср., например: *Тарама* – л.п. Сухих Ялов, л.п. Волчьей, л.п. Самары, л.п. Днепра; впадает в Сухие Ялы возле села Елизаветовка, Марьинского района, Днц). Больше всего таких названий приходится на территорию, примыкающую к бассейну Кальмиуса. Нередко это топонимы гибридного характера – с чертами румейских и урумских говоров, а также русского и украинского языков

(ср. *Ксенита Тарамá*, *Пурчух Тарамá*, *Ксерó Тарамá*, *Мега Таул Тарамá*, *Полк Тарамá*, *Чортзнáй Тарамá* и под.). Как название реки этот народный географический термин был записан военными топографами в 1855 г. и занесен на брульон (черновик) съемки северной части Таврической губернии; *Тарамá* – небольшой приток Сиваша между Перекопом и Геническим (ЦГВИА, фонд ВУА, ед. хр. 19 804). По нашим данным, это крайний на западе Северного Приазовья географический объект, в названии которого отразился этот термин. Есть основание полагать, что в левобережном Среднем Приднепровье он присутствует и в основе ойконима *Таромское* (названии поселка, в настоящее время ставшего уже окраиной Днепропетровска).

Географический термин *тарамá* представляет собой суффиксальное производное от тюркского глагольного корня *тар(a)* – «рассеиваться, расходиться, выходить из чего-то». Первичное значение термина – «ответвление, отрог» (ср. русские народные географические апеллятивы *отрог*, *отвершек* с такой же семантикой). Ср. также другие тюркские географические термины с этой основой: *тарам* «разветвление реки возле устья» (Радлов-3, 845); *ногай. тармак* «ветка, ответвление, приток реки»; *казах. тарам. тарау* (букв. «ответвление, разветвление») – «дельта, рукав, приток реки; распустье; отроги гор». Ср. также омоним *тарамá* – название национального кушанья приазовских *ногайцев*, представлявшего собой «резанную на тонкие ломтики кобылятину», которую ели только мужчины-ногайцы (КОПНТ, 214).

2. *Бешево*. Этот ойконим (соврем. *Старобешево*) в таком «промежуточном» состоянии выступает на «Плане земель села Бешево» 1906 г. (ед. хр. 9). Флексия *-о* указывает на полную морфологическую адаптацию первичной тюркской формы *Бешев*, перенесенной из Крыма (ее употреблял еще в 1901 г. протоирей С. Серафимов), и переходе финали *-ев* в славянский псевдосуффикс *-ев(о)*. На официальном уровне морфологически адаптированная форма *Бешево* была представлена уже в статистическом издании начала века – «Списке земельных владений Мариупольского уезда Екатеринославской губернии» (Екатеринослав, 1904, с. 14). Своё название селение *Бешево* получило от крымского села *Бешев* в бывшей Фульской области Бахчисарайского каймаканства, откуда были родом многие переселенцы (Соколов, 316-317). *Бешев* – лексикализованное в славянской речи словосочетание *беш ев(эв)* «пять домов». Существует легенда, что в основании села Старобешево участвовали пять семей переселенцев, построивших такое же количество домов. Она порождена более поздним буквалистским переводом ойконима. На самом деле приазовское село *Бешев* основали около двухсот переселенцев. Числительное со значением «пять» получило отражение в географических име-

нах из разных национальных топонимий. Видимо, в старину этого количества жилищ было достаточно, чтобы именно такая их совокупность воспринималась как мотивировочный признак при номинации селений. Ойконимы с компонентом «пять» встречаются в разных национальных топонимиях. Ср., например: *Бешкент* (районный центр в Узбекистане) – из *беш* «пять» и *кент* (географический апеллятив иранского происхождения со значением «селение»); *Пятихатки* – районный центр Днепропетровской области. В Днепропетровской области имеется еще один населенный пункт *Пятихатки*. Название *Пятихатки* встречается также и в ойконимии других областей Украины: Запорожской, Кировоградской (трижды), Николаевской (дважды), Полтавской, Херсонской. В Винницкой и Киевской областях, а также в Крыму (дважды) отмечается форма ед. числа *Пятьхатка*. Одна из донских станиц в XVII в. носила название *Пять изб*. В селе Бочечки Конотопского района Сумской области Е. А. Черепановой записано название «улицы в несколько домов, маленькой улицы» – *Пятихатка* (Черепанова, 234-235). В последнем случае перед нами название внутрисельского объекта – улицы (годоним), возникшее на том этапе ее развития, когда был построен пятый дом. Таким же образом возник и крымский ойконим *Бешев*, перенесенный греками в приазовскую степь. В таком «первозданном» состоянии он подвергся словообразовательной и грамматической адаптации: семантически непрозрачная для славян финаль *-ев* стала восприниматься как топоформат (суффикс), который под влиянием топонимов типа Енакиево, Селидово и под. получил окончание среднего рода. Такого рода переосмысления конечных частей адаптируемых иноязычных названий и образования «псевдосуффиксов» отмечаются и в других местах украинского и русского онимного пространства. Ограничусь только тремя примерами: 1. Имя татарской деревни вблизи Севастополя – *Дуванкой* (состоит из *дуван* «открытое высокое место» + *кой* «деревня») русскими было переделано в *Дуванку* с псевдосуффиксом *-ка* (из *кой*). Как «просторечный» вариант официального топонима *Дуванкой* она была отмечена в «Географическо-статистическом словаре Российской империи» П. Семенова: «*Дуванкой* (простор. *Дуванская* или *Дуванка*)» (Семенов-2, 141); 2. Этот же псевдосуффикс *-ка* содержит название степной речки в Крыму – *Суджилка*, возникшее из определительного словосочетания *Су Джылга*, где *су* «вода; водяная», а *джылга* «речка, протекающая в овраге» (Белецкий, 65-66); 3. Из мансийского гидронима *Нёр-Ойка* возник русский топоним *Неройка* (Мокиенко, 105), имеющий не только псевдосуффикс, но и псевдоприставку (*не-*) с псевдокорнем (*-рой-*). Определительный компонент *Старо-* появится позже – после образования недалеко селения *Ново-Бешево*, основанного выходцами из Бешева;

3. Гавриль – балка у села Стыла (ед. хр. 2). Остаток (определятельная часть) полной формы топонима *Гаврил (ь) тарاما* «Гаврилова балка»;

4. Грумлей Тарاما – балка, п.п. Кальмиуса, ниже устья Мокрой Волновахи (ед. хр. 19). Румейско-урумский гибрид: *громиле* (с. Раздольное) «дикая яблоня» (ср. новогреч. *αγριομηλιά* «то же») + урум. *тарاما*, т. е. «яблоневая балка»;

5. Гуржи-суват (или *Мануилова*) – балка, п.п. Камышеватой, п.п. Мокрой Волновахи (ед. хр. 19). Определятельное словосочетание: антропоним *Гуржи* (ср. современные фамилии *Гуржи*, *Гуржий* от урум. *гюрджи* «грузин») + географический термин *суват* «водопой»;

6. Далын Тарاما – балка, л.п. Сухой Волновахи (ед. хр. 25). Один из многочисленных вариантов топонима (всего в разных источниках их зафиксировано полтора десятка). Первый компонент топонима – отантропонимного происхождения (изначально – *Данил тарاما*);

7. Елхи – балка, п.п. Сухой Волновахи восточнее села Стыла (ед. хр. 2). Часть полного названия *Елхи (Йилхы) тарاما* «балка, где пасут лошадей»;

8. Зепир – балка, п.п. Мокрой Волновахи (ед. хр. 2). Первая (антропонимная) часть полного топонима (ср. современные фамилии *Зепир*, *Зипир*), определявшая опущенный географический апеллятив *тарاما*, т. е. «Зепирова балка»;

9. Зор-Кутак – балка, л.п. Мокрой Волновахи (ед. хр. 2). В данной записи топонима опущен термин *тарاما* (вначале было *Зор Кутак тарاما*), который появляется на другом земельном плане (ед. хр. 19) – в записи, где искажена уже первая часть названия: *Зух-тах Тарاما*. В этом имени отразились, во-первых, утраченный уже современными урумскими говорами термин *кутак* «летнее пастбище» и, во-вторых, урумский апеллятив *зор* «сила», который в других тюркских языках имеет еще значения «большой, трудный». Топоним с уже неясной мотивацией («балка возле большого летнего пастбища?»);

10. Ильмень Тарاما – балка, л.п. Терновой балки, п.п. Кальмиуса (ед. хр. 19). Первая часть имени – лимнографический термин *ильмень* «озеро», «лиман», «топкое место» + *тарاما*, т. е. «ильменная балка»;

11. Когельи-Тарاما – холм (могила) сев.-западнее села Бешево, у дороги в село Александровку (ед. хр. 9). Второй компонент топонима свидетельствует о контактном происхождении оронима. Название балки без каких-либо формальных изменений перешло

на расположенную рядом возвышенность. Урум. *когалы, когелли* – «камышовый, тростниковый», *когалык* – «тростник», т. е. «могила возле Камышовой балки»;

12. *Кремаста-та-Хая* – балка, л.п. Мокрой Волновахи, в ее устье (ед. хр. 19). Румейско-урумский гибрид: *кремасто*ζ «висящий, висячий» + урум. *хая* «камень, скала», т. е. «висячая скала»;

13. *Крупчатка Хулах* – балка, л.п. Мокрой Волновахи, ниже впадения в нее Сухой Волновахи (ед. хр. 2). Русско-урумский гибрид: *крупчатка* «мельница-круподерня» + *хулах* – географический апеллятив со значением «овраг» (букв. «ухо»). Возле оврага находилась мельница для выделки круп;

14. *Ксенита Тарама* – балка, л.п. Сухой Волновахи (ед. хр. 19). Румейско-урумский гибрид: термин *тарама* определяется румейским прилагательным *ксенос* «чужой», слившимся с артиклем, т. е. «чужая балка»;

15. *Кули-баба* – балка, п.п. Кальмиуса (ед. хр. 18). Остаток (определяющая часть) полного имени с термином *тарама* «балка», скорее всего, отантропонимного происхождения (ср. современные фамилии Кулибаба, Кульбаба), т. е. «Кулибабина балка»;

16. *Куючух* – балка, п.п. Кальмиуса (ед. хр. 18). Урумский топоним. Возможные объяснения: а) от апеллятива *куючык* «небольшой колодец», определявшего в составе полного оронима опущенный в записи термин *тарама*, т. е. «балка, с небольшим колодцем»; б) слившийся в одно слово разрушенный в потоке живой речи составной топоним *Кую Чухур*, где *кую* – «колодец», *чухур* – «углубление, рывтина»;

17. *Мега Тугай* – балка, л.п. Мокрой Волновахи, недалеко от ее устья (ед. хр. 19). Румейско-урумский гибрид: *мега* «большой» + урум. географический апеллятив *тугай (тогай)* «участок земли в пойме реки, нередко заболоченный» (тугаи греки использовали под огороды);

18. *Плетитац* – балка, л.п. Сухой Волновахи (ед. хр. 2). Румейско-урумский гибрид. Ороним в данной записи представлен в усеченном виде. Его полная форма (записанная мною в 60-е годы во время топонимических экспедиций) – *Пляти (Плети) Таш Тарама*. В ее состав входят румейское прилагательное *пляти* «широкий» (новогреч. *πλατύς* «широкий») и урум. *таш* «камень». Термин *тарама* присутствует и в ряде других современных вариантах оронима. Его значение: «балка с залежами широкого камня»;

19. *Пурчух Тарама* – балка, п.п. Камышеватой, п.п. Мокрой Волновахи (ед. хр. 19). Название с неясной первой частью;

20. Сар-Яр – балка юго-западнее села Бешево (ед. хр. 9). Букв. «желтый овраг, яр» (урум. *сары* «желтый»);

21. Старшин – балка, л.п. Сухой Волновахи (ед. хр. 2). Остаток полной формы *Старшин Тарама*, записанной в наше время, где *старшин* – «староста», т.е. «старостина балка»;

22. Стиль-Оба – могила в верховье одного из отвершков балки Гавриль у села Стыла (ед. хр. 2). Значение: «Стыльский курган» (урум. *оба* «холм», «насыпь»);

23. Сульмен Ольген – балка восточнее села Бешево; л.п. Балтамура, л.п. Сухой Волновахи. Имеет в верховье левый отрог с названием *Сульмен-Ольген-Хулах* (ед. хр. 9). На военно-топографической карте-трехверстке Екатеринославской губернии (середина XIX в.) ороним представлен в искаженной записи – *Селеме Илькель*. Топонимизированное словосочетание («микропредложение»), смысл которого: «Сульмен (т.е. Сулеймен, Сулейман) умер». Здесь, по-видимому, находилось его захоронение. Кстати, в балке с аналогичным названием – *Горгорольген* «Григорий умер» (л.п. Столовой балки, л.п. Кальмиуса) на вышеуказанной карте-трехверстке обозначено кладбище;

24. Таши Тарама (Каменная балка) (ед. хр. 4); *Ташли* (ед. хр. 18); *Ташли Тарама* (ед. хр. 19) – балка, л.п. Кальмиуса выше устья Мокрой Волновахи, у села Раздольное. Последний вариант топонима первичен. Урум. прилагательное *ташли* «каменистый»;

25. Терем-Хулах – балка, л.п. Сульмен Ольген (ед. хр. 9). Букв. «глубокий овраг, глубокая ложбина» (урум. *терен* «глубокий»);

26. Трати-Чапохма-Тарама – балка, л.п. Мокрой Волновахи, недалеко от ее устья (ед. хр. 19). Румейско-урумский гибрид. Первое слово в записи топонима, очевидно, от *страта* (новогреч. *strata* «дорога»); второе, вероятно, искажение урумской причастной формы *чапхан* (от *чап* – «скакать»). Возможно, вблизи этой балки в старину проходила дорога, где проводились спортивные состязания – скачки. Ср. также название холма *Ат Чапхан Оба* возле поселка Старобешево, отразившее эту реалию ушедшего быта приазовских греков. Следует иметь в виду, что на планшеты военно-топографических карт-трехверсток второй половины XIX в., а также на земельные планы Мариупольского уезда конца XIX – начала XX ст. топонимы, возникшие в диалектах приазовских греков, нередко попадали в записях, неадекватных их реальному звучанию и грамматическому строению, так как фиксировали их топографы и землемеры, как правило, не знакомые с этими диалектами или с новогреческим или крымскотатарским языками. Кроме того, с течением времени «изнашивались» и

сами топонимы (в связи с утратой мотивов номинации, попаданием в другую диалектную среду, аллегорическими явлениями живой речи и т.д.). Отсюда такие записи и формы, как *Сирота-Рома* в м. *Ксеро Тарама* – гибридное румейско-урумское образование (ВТКЕГ; бассейн Кальмиуса; эта балка впадает в него справа, чуть выше устья Кальчика); *Ачанан* – название возвышенности возле поселка Старобешево на военно-топографической карте 40-х годов нашего века (которое в живой речи жителей поселка, по нашим записям, еще сохраняло правильное строение: *Ат Чанхан оба* – букв.: «холм Лошадь Скакала»; кстати это словосочетание лежит также в основе оронима *Чанохом*, нанесенного на ВТКЕГ и К., – это название балки, л.п. Кальмиуса вблизи поселка Сартана (сейчас – в черте г. Мариуполя);

27. *Харовба (Черная могила)* – холм севернее села Большая Каракуба (совр. Раздольное) (ед. хр. 4). Из *Хара оба*;

28. *Хасар (Камен. пещера)*. Это название носит как овраг недалеко от устья Мокрой Волновахи (с. Раздольное), так и пещера в нем (ед. хр. 4, 19). Сейчас уже трудно сказать, какое из них было первичным – ороним или спелеоним. Спелеоним в форме *Хасары* сохранился до наших дней. Он был записан нами в 1966 г. во время диалектолого-топонимической экспедиции в населенные пункты Старобешевского района. Запись топонима на планах земель в окрестностях села Большая Каракуба (1875 и 1910 гг.), вероятно, представляет собой остаток какого-то лексикализованного, ставшего собственным именем словосочетания с формой настоящего-будущего времени (или аориста) от урумского глагола *хаз-* «копать», «выдалбливать (к.-л. инструментом)». *Хазар* – форма аориста на *-р* с соединительным гласным *-а-*. Пока это уникальный случай использования аориста в урумской топонимии, в которую чаще проникали причастия настоящего-прошедшего времени с аффиксом *-къан (-хан)*, *ген*. Поэтому название *Хасар*, скорее всего, значило «выкопанная» или «выдолбленная». Есть основания считать, что *Хасар* – сохранившаяся первая часть разрушенного топонима глагольно-именного типа. Утраченным, вероятно, был урумский орографический термин *хоба (коба)* «пещера», получивший отражение в топонимии карстовых районов Яйлы в Крыму. Параллельное русское название – *Каменная пещера*, скорее всего, калька какого-то греческого (урумского) спелеонима, возможно, **Ташлы хоба (коба)*, а семантика определительной части этого русского варианта спелеонима конкретизирует значение основы в определительном компоненте *хасар* – «выдолбленная», а не «выкопанная» (пещера). Данный топоним пополнил уже известную нам небольшую группу урумских географических имен-словосочетаний (ср. *Горгорольген*, *Васил(ь) Ольген*, *Сульмен Ольген*, *Ат Чанхан оба* и др.), образовав в ней

один из структурных подразделов, связанных с особенностями глагольного компонента;

29. Хая-чих (Камен. скала) – скала на северной окраине села Большая Каракуба (ед. хр. 4). Букв. «маленькая скала» (*хая* «скала», «утес», «косогор» + суффикс *-чих, -чик* с уменьшит. значением);

30. Хорджи – балка у села Стыла (ед. хр. 2). Часть не сохранившегося полного названия *Харджи Тарама*, где *Харджи* – антропоним. Ср. современную фамилию *Харджиев*;

31. Цыган Тарама – балка, л.п. Терновой балки, п.п. Кальмиуса (ед. хр. 19). Букв. «цыганская балка». В 1964 г. записан и другой фонетический вариант оронима: *Чингене Тарама*;

32. Чентух – балка, л.п. Берестовой, бассейн Кальмиуса (ед. хр. 3); Чонтук Тарама – балка, л.п. Терновой балки, п.п. Кальмиуса ниже устья Мокрой Волноахи (ед. хр. 19). Вероятно, это одна и та же балка, неодинаково локализованная на земельных планах Бешевской волости. Второй вариант является полной формой оронима. Их общая часть – отантропонимного происхождения (ср. современную фамилию *Чентуков*). Первичное значение: «Чентукова балка».

Рассмотренные географические имена нуждаются в дальнейшем изучении. Они существенно дополняют корпус уже известных топонимов, возникших на базе румейских и урумских диалектов приазовских греков.

Нужно продолжить поисковую работу, связанную как с уже опубликованными, но недостаточно задействованными в научных исследованиях материалами, так и с новыми архивными источниками. Полезным путеводителем здесь должен стать уже подготовленный к печати справочник С.А.Калоерова и Т.Н.Дремовой «Греки Приазовья». Источниковедческая база исследований ономастикона приазовских греков может быть существенно расширена. Это поможет реконструировать и изучить ономаσιологические процессы, происходившие в нем на протяжении более двухсот лет, уточнить или изменить уже существующие этимологии румейских и урумских топонимов и антропонимов, более полно уяснить картину их взаимодействия, а также многочисленные явления адаптации в гетерогенной языковой среде (прежде всего в речи русскоязычных рецепиентов). Наконец, настало время приступить к составлению и изданию полного ономастикона приазовских греков историко-этимологического типа, охватывающего все ряды собственных имен в широком временном диапазоне – с конца XVIII ст. до наших дней. Не только в языке – орудии общения, но и в собственных именах народ особенно остро осознает свою наци-

ональную самобытность, этническую неповторимость. Об именах, этих особых и удивительных словах нашей речи, очень хорошо сказал выдающийся русский филолог и философ Алексей Федорович Лосев: «В любви мы повторяем любимое имя и зываем к любимому через его имя. И молимся мы, и прокликаем через имя, через произнесение имени. И нет границ жизни имени, нет меры для его могущества. Именем и словами создан и держится мир. Имя носит в себе каждое живое существо. Именем и словами живут народы, сдвигаются с места миллионы людей, подвигаются к жертве и к победе глухие народные массы. Имя победило мир». Греки должны знать и р а з в и в а т ь свой ономастикон, очень важную часть своей духовной культуры. Необходимо также составить научно обоснованную «красную книгу» возникших в их языке исторически ценных географических имен, которые следует сохранить, защитив от искажений и переименований, или даже вернуть из небытия в топонимический ландшафт Северного Приазовья.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Белецкий — Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Изд-во КГУ, 1972.
2. КОПНТ — Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде, Таврической губернии. — «Телескоп», ч. XXXIII. М., 1886.
3. Мокиенко — Мокиенко В.М. Народная этимология географических названий. — «Русская речь», 1974, № 1.
4. Радлов-3 — Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т.3. СПб., 1905.
5. Семенов-2 — Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т.2. СПб., 1865.
6. Соколов — Соколов И.И. Мариупольские греки. — «Труды Института славяноведения АН СССР». Т.1. Л., 1932.
7. Черепанова — Черепанова Е.А. Микропонимия Черниговско-Сумского Полесья. Сумы, 1984.

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ АТРИБУТОВ НОВОЙ ФОРМАЦИИ В АНТИУТОПИИ

(На материале романов В.Войновича «Москва 2042»
и Е.Замятина «Мы»)

С момента появления в литературе жанра антиутопии многие литературоведы, лингвисты и критики избрали его объектом своего исследования. Случайностью это не назовешь, ведь антиутопический роман – это своеобразный отклик человеческого существа на давление нового порядка, выраженный посредством литературного произведения, создаваемого, как правило, на сломе времен. Так появился роман «Мы», написанный Замятым в период интенсивного строительства коммунистического «Интеграла». Так возник и замысел романа «Москва 2042», осуществленный Войновичем в надежде «хотя бы на бумаге улучшить реально существующую систему» [1, 531], внутри которой живущий в несвободе человек в своем прежнем виде не может воспользоваться счастьем, ибо и он, и реалии окружающей его действительности несовершенны. А потому, чтобы человека осчастливить, и его, и общество нужно переделать, перестроить, переродить, ПЕРЕИМЕНОВАТЬ. Ведь во все времена счастье обозначалось одним и тем же словом, но то, с чем оно ассоциировалось и кем охранялось, с чем вступало в оппозицию и кем разрушалось, в разные эпохи носило разные имена. Поэтому одни и те же атрибуты новой формации у Замятина и Войновича именуются неодинаково. И решающий фактор создания названий – жанры, в которых писались произведения, ибо «Мы» выдержан в традиции европейской антиутопии, а «Москва 2042» – злая социальная сатира.

Обратимся к романам. Сутью социумов, созданных воображением обоих авторов, является иллюзия «абсолютного, стопроцентного счастья» [5, 129]. «Наслаждение жизнью есть основная и единственная обязанность каждого комунянина» [4, 141] – гласит транспорант, привидевшийся во сне главному герою романа Войновича. «Вы будете счастливы – вы обязаны быть счастливыми» [4, 61]. – мыслит «Интеграл» замятинского «Мы». Миры двух авторов рисуются по-разному: у Замятина – стерильный и благоустроенный мир «эстетической подчиненности», «идеальной несвободы», у Войновича – мир утрюмой, замусоренной и серой убогости. И именуются они тоже по-разному.

ЕДИНОЕ ГОСУДАРСТВО – хороним, избранный Замятым для обозначения мощного, несокрушимого, монолитного единства, которое закрепит «ИНТЕГРАЛ», мыслящий «о тяжком грузе неизбежного счастья» [5, 61], которое он понесет людям, чтобы «заставить их быть счастливыми» [5, 8]. Этот политоним

выбран автором не случайно, ведь именно такое название символа власти может быть воспринято людьми, мечтающими формулами, признающими блаженство и зависть числителем и знаменателем «дроби, именуемой счастьем» [5, 21], верящим в то, что «мы – счастливейшее среднее арифметическое» [5, 36].

Название своего государства Войнович видит иным, ведь в его Москве 2042 года «впервые в истории... всего человечества... построено бесстроевое и бесклассовое коммунистическое общество» [4, 104] на территории отдельно взятого города, которое не может называться иначе, чем МОСКОРЕП — МОСКОВСКАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА КРАСНОЗНАМЕННАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА. Смешно, нелепо, претенциозно. Но Войнович – сатирик, и этот хороним несет в себе ярко выраженную сатирическую коннотацию. Коль таково название государства, стоит ли удивляться происходящим на его территории нелепостям, санкционированным ни чем иным как ВЕРХОВНЫМ ПЯТИУГОЛЬНИКОМ (орган сродни существовавшему некогда Верховному Совету). И этот политоним тоже не случаен. Коммунистический символ – пятиконечная звезда – стал для писателя своеобразным прототипом и Верховного, и существующих на местах пятиугольников.

Но не только эти органы насаждают народам счастье, которое скорее можно назвать горем. И у Замятина, и у Войновича в художественном пространстве их произведений существуют аппараты, без которых не обходится ни одно государство – в «Мы» он именуется БЮРО ХРАНИТЕЛЕЙ, в «Москве...» ВНУБЕЗ (внутренняя безопасность), БЕЗО (то же) и КНС (Комитет народного спокойствия). Интересно, что политоним Замятина столь же торжественен и величав, как и само Единое Государство. Хранители, работающие в Бюро, призваны хранить спокойствие граждан и размеренный ход их жизни под «стерильным, безукоризненным небом» [5, 9]. Как бы само собой разумеется, что опасаться в таком государстве некого, карать некого – можно лишь хранить.

И, наверное, не случайно, что в Москве Войновича, где голодные граждане с «обычными потребностями» (а не «повышенными», как у членов Пятиугольников) могут противопоставить себя системе (хотя в голову это приходит не каждому), ключевым словом в названии органов является «безопасность» (хотя с фонетической точки зрения и БЕЗО, и ВНУБЕЗ звучат довольно нелепо, чего, впрочем, автор и добивался). Примечательно, что, совершив государственный переворот, новоявленный правитель в ряду первых мероприятий осуществляет переименование службы безопасности в КНС (Комитет народного спокойствия), пытаясь спрятать все ту же сущность карательного органа за новой вывеской, сулящей спокойствие и благополучие.

Но окружающая действительность со всеми присущими новой формации атрибутами все так же до безобразия нелепа. И назва-

ния их, созданные Войновичем в традиции аббревиатур оруэлловского «новояза» из романа «1984», вырисовывают эту нелепость с убийственной иронией. Вот некоторые из них:

КОМНАКОМ (Коммунистический Научный Комплекс);
ПРЕДКОМОБ (предприятие коммунистического обучения);
ПРЕДКОМПИТ (предприятие коммунистического питания);
ПУКОМРАС (пункт коммунистического распределения);
МЕОБСКОП (место общественного распределения);
УПОПОП (удовлетворение повышенных потребностей);
КАБЕСОТ (кабинет естественных отпращиваний),

а также названия множества пунктов для граждан с обычными потребностями –

КАБИНЕТ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ РИТУАЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ;

ПУНКТ ПЕРВИЧНОЙ ПРОВЕРКИ;

ПУНКТ ВТОРИЧНОЙ ПРОВЕРКИ;

ПУНКТ САНИТАРНОЙ ОБРАБОТКИ;

ЗАЛ ПОВЕРХНОСТНОГО ПОМЫВА и т.д.,

находясь в которых невозможно не прочесть начертанные комунянами лозунги. Среди них:

«КТО СДАЕТ ПРОДУКТ ВТОРИЧНЫЙ, ТОТ ПИТАЕТСЯ ОТЛИЧНО» [4, 154], или

«КТО СДАЕТ ПРОДУКТ ВТОРИЧНЫЙ, ТОТ СЕКСУЕТСЯ ОТЛИЧНО» [4, 159],

причем под вторичным продуктом понимается то, что получается из продукта первичного (пищи).

Конечно, в замятинском романе ни таких лозунгов, ни подобного набора прагматонимов быть не может – сатирическая коннотация названий социальных атрибутов в нем была бы неуместна. В его обществе может быть лишь **ЧАСОВАЯ СКРИЖАЛЬ**, четко определяющая время удовлетворения надобностей граждан Единого Государства, обозначенных в **ЗАКОНОУЧИТЕЛЕ**. («Разумеется, – читаем в романе, – речь идет не о Законе Божьем древних, а о законе Единого Государства» [5, 35]).

И в нем же (этом обществе) – место **ЕДИНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУКЕ**, потребности граждан определяющей и выводящей ту единственную формулу человеческого счастья, по которой «свобода человека = 0» [5, 31].

Может быть, поэтому и заточен человек в своеобразный инкубатор, отделенный от внешнего мира им же самим возведенной оградой, за которой осталось все естественное и природное, способное пробуждать чувства и беречь душу, уже одно наличие которой считается болезнью даже большей, чем холера. «Человек, не знающий истинного счастья, порывает с органическим миром природы и создает общество с подчеркнуто индустриальным лицом» [2, 218]. Он возводит **ЗЕЛЕНУЮ СТЕНУ**, изолируя «свой

машинный, совершенный мир от неразумного, безобразного мира деревьев, птиц, животных» [5, 68]. Название Замятиным подобрано точно. Да, это СТЕНА, причем, для многих непреодолимая, но она ЗЕЛЕНАЯ – цвета жизни, цвета надежды, цвета счастья, возможного лишь за ней.

Москва 2042 года, нарисованная Войновичем, тоже отделена от всего, что мешает ей оберегать выстраданную в борьбе новую формацию – коммунизм. Все, что находится за ее пределами, – враждебно. А потому и существует три кольца, на которые разделен остальной мир, граничащий с МОСКОРЕПОМ, название каждого из которых определяет степень его идеологической отдаленности от идеального общества Московской коммунистической республики, — СЫНОВНЕЕ КОЛЬЦО ВРАЖДЕБНОСТИ, БРАТСКОЕ КОЛЬЦО ВРАЖДЕБНОСТИ, ВРАЖЕСКОЕ КОЛЬЦО ВРАЖДЕБНОСТИ. Однако «не только внешний мир разделен на кольца, но и территория самого Москорепа тоже состоит из трех колец коммунизма, которые комуняне, учитывая сложившуюся аббревиатуру – КК, называют (в шутку, конечно) КАКАМИ», – читаем мы на страницах романа [4, 182]. Более точного наименования для этих искусственно созданных автономий, где вторичный продукт обретает значимость первичного, а зловония заменяют чистый воздух, придумать невозможно (и жанр сатирической антиутопии тому порука).

В этом замкнутом, несвободном, безличном мире человек теряется. Он сливается с массой таких же безликих существ, каким является сам. Опираясь на иллюзорную мечту о счастье, он отрывается от своего прошлого, в котором местоимение «я» еще было ему известно, и в порыве всеобщего стремления к новому обретает свое второе, нелучшее рождение, пройдя ритуал «крещения» новым именем. «У нас, комунян, у всех были имена, данные нам при рождении, а потом мы их заменили на те, которые получили во время звездения, то есть звездные имена. Эти имена отражают направление основной деятельности человека» [4, 106], – читаем мы в романе «Москва 2042». Да, такие имена как КЛАССИК, ДЗЕРЖИН, ДРУЖИН, КОММУНИЙ, ПРОЛЕТАРИЙ, ПРОПАГАНДА, СОВЕТИНА, ИСКРИНА, ПРОГРЕСС, ЭВОЛЮЦИЯ, СЪЕЗДИЙ, РАКЕТА, ГЕЛИЙ, КОСМИЙ, ВЕНЕРА, ЭРОТИНА, СУПЕР и другие непривычны для современного читателя. Но это именно те антропонимы, которые помогли Войновичу отразить сущность социума Москорепа, отрекшегося от прошлого, устремленного в будущее.

Тот же символический акт, но крайняя его разновидность – отказ от собственных имен как таковых – нашел свое место и в романе «Мы», где личные имена заменены «нумерами».

Но над серой безликой массой возвышается некто, кто силой данной ему власти осчастлививает толпу, в благодарность за это дающую ему громкое имя. Так рождается оним БЛАГОДЕТЕЛЬ, принадлежащий в романе «Мы» некоему обожествленному прави-

телю, вершащему судьбы Единого Государства. Так появляется и имя ГЕНИАЛИССИМУС, носитель которого в романе «является одновременно Генеральным секретарем... партии, имеет воинское звание Генералиссимус и, кроме того, отличается от других людей всесторонней... гениальностью» [4, 107]. С нескрываемой иронией описывает автор путь превращения длинного именованного «наш гениальный генеральный секретарь и генералиссимус» в такое простое и естественное имя – Гениалиссимус» [4, 107]. Но само наличие столь напыщенного СИ и человека, скрывающегося за ним и упивающегося своей властью, наводит на мысль, что «идея человека с большой буквы легко становится прикрытием для уничтожения множества людей с буквы маленькой» [3, 218]. А индивид быстрее постигнет свою мизерность и никчемность, если навсегда забудет о прошлом, в котором было место для великих научных открытий и гениальной литературы. На развалинах старого возводится новое здание КОМНАКОМа – Коммунистического Научного Комплекса («Москва 2042»), или ЕДИНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУКИ («Мы»), с целью создания нового человека в лабораториях института с таким же названием – ИН-СОНОЧЕЛ («Москва 2042»), запрограммированного на бездуховность. Ведь к счастью для них, «допотопные времена всевозможных шекспиров и Достоевских – или как их там – прошли» [5, 36], и наступило время безымянных коллективных писателей (или КОМПИСОВ – «Москва 2042»), откестившихся от ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ («Москва 2042») и создавших ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ («Мы»), «творя» в своих БУМЛИТах (Главное Управление Бумажной Литературы) и БЕЗБУМЛИТах (Главное Управление Безбумажной Литературы) – «Москва 2042» – произведения во славу нового государства.

«Я думаю: как могло случиться, что древним не бросалась в глаза вся нелепость их литературы и поэзии. Огромнейшая великокопная сила художественного слова – тратилась совершенно зря. Просто смешно: всякий писал – о чем ему вздумается... У нас приручена и оседлана когда-то дикая стихия поэзии. Теперь поэзия – уже не беспардонный соловьиный свист: поэзия – государственная служба, поэзия – полезность» [5, 52], – восклицает Строитель «Интеграла» из замятинского «Мы». А потому не случайны на страницах романа библионимы: «ЕЖЕДНЕВНЫЕ ОДЫ БЛАГОДЕТЕЛЮ», «ЦВЕТЫ СУДЕБНЫХ ПРИГОВОРОВ», «ОПОЗДАВШИЙ НА РАБОТУ», «СТАНСЫ О ПОЛОВОЙ ГИГИЕНЕ»: или «ЗА ЧТО МЫ ЛЮБИМ ГЕНИАЛИССИМУСА», «ВОПРОСЫ ЛЮБВИ И ПОЛА», «СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КОММУНИЗМ», «ПРИМЕТЫ НОВОГО» (из романа Войновича «Москва 2042»). Ведь произведений с другими названиями литература, избавившаяся от свободы, создавать не могла. Она возвратилась «к некоему общенародному действию» [2, 221].

Вовлеченной в это оказалась и религия, в очередной раз перелицованная в новом обществе. На смену «христианской мистерии» [2, 223] пришла вера в земного спасителя, который свои «неизменные и окончательные решения во всем, что касается человека и мира... предлагает расценивать как спасительные» [2, 222]. «Совершенно никакого Бога нет, не было и не будет. А есть только ГЕНИАЛИССИМУС, который там, наверху» [4, 105]. И только ему поклоняются прихожане КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕФОРМИРОВАННОЙ ЦЕРКВИ, веря в свое неизбежное счастье. И только на БЛАГОДЕТЕЛЯ возлагают свои надежды «нумера», почитая его своим Богом.

Но истинной духовности в обществе нет. Способность чувствовать давно утрачена. А потому даже сексуальные отношения регулируются государством. Как безыдейна человеческая природа, если даже иррациональный эрос подчиняется спущенной сверху директиве – страсть оказывается обезоруженной, чувство обузданным. Слово же «любовь», теряя свой изначальный смысл, входит в название заведения, ничего общего с ней не имеющего. Ведь ДВОРЕЦ ЛЮБВИ из «Москвы 2042» – это не Дворец бракосочетания. Это некий ГЭОЛПДИК (еще одна окказиональная аббревиатура Войновича, интригующая читателя). «Признаться, я не сразу понял, что это значит. Но, приблизившись к зданию, увидел справа от массивных дверей вывеску, на которой прочел буквально следующее: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ПУБЛИЧНЫЙ ЭКС ДОМ ИМЕНИ Н.К.КРУПСКОЙ» [4, 159]. Интересная находка автора, ведь уже в самом ойкодомониме, возможно, таится некий намек на странность в отношениях двух супругов, фамилии которых вынесены в название. Сексуальные нужды в этом здании удовлетворить можно, но не любому с каждым, а лишь в зависимости от потребностей (обычных или повышенных), определяемых членами государственного аппарата. В замятинском обществе для этого существует СЕКСУАЛЬНОЕ БЮРО, которое в соответствии с СЕКСУАЛЬНОЙ ТАБЕЛЬЮ осуществляет «исторический "lex sexualis"». Но дать жизнь новому члену общества могут лишь индивиды, соответствующие МАТЕРИНСКОЙ и ОТЦОВСКОЙ НОРМАМ. Безнравственно, бесчеловечно, как и все в этих новых формациях.

Неудивительно, что в оппозицию существующей власти вступают люди, желающие изменить укоренившийся порядок. В разных обществах у них разные цели; у разных писателей – разные названия. У Замятина это МЕФИ (древнее имя юноши, разрушающего абсолютный покой равнодушного существования); у Войновича – СИМИТЫ (от имени их идейного вдохновителя Сим Симыча Карнавалова. Аббревиатура СИМ расшифровывается как СОЮЗ ИСТИННЫХ МОНАРХИСТОВ). Коннотации у онимов – разные, но сущность реалий – одна: когда просыпаются чувства и закипает негодование, новая формация оказывается под угрозой слома.

А потому обществу необходимо застраховаться. И это возможно лишь «биоинженерным путем» [2, 220], с помощью спасительной операции. И в романе Замятина, и в романе Войновича это понятие существует. Но в «Москве 2042» оно именуется МАЛЕНЬКОЙ ОПЕРАЦИЕЙ (со строчной буквы), а в «Мы» – ВЕЛИКОЙ ОПЕРАЦИЕЙ (с буквы заглавной). Это вполне объяснимо, ведь герою Войновича предлагается в индивидуальном порядке осуществить в его мозг хирургическое вмешательство, после которого он, бесчувственный «истукан» [4, 270], будет жить вечно, возможно, не принося пользы таким образом осчастливившему его обществу. В замятинском же социуме операция по удалению фантазии, не влекущая за собой бессмертия, сулит Единому Государству миллионы законопослушных граждан, строящих «стопроцентное счастье» [5, 129]. И хотя, по утверждению В.Новикова, «вера в неистребимость человеческого в человеке – исходная аксиома антиутопического мышления» [3, 217], «мы» тоталитарного государства побеждает «я», ибо «мы» означает и массы, и коллективного субъекта, диктующего им свою волю. Отсюда название романа Замятина. Отсюда и заглавие произведения Войновича, нарисовавшего коллективный портрет Москвы 2042 года.

Итак, исходя из вышесказанного, назовем основные особенности именованя атрибутов новой формации в антиутопии.

1. Прежде всего, СИ социальных понятий окказиональны, если считать ремотивацию имени в контексте произведения окказиональным употреблением.

2. В большинстве случаев онимы создаются путем деапеллятивации, переходя через смену функции из разряда апеллятива в имя собственное.

3. Выбор наименований автором осуществляется в зависимости от жанра создаваемого им произведения, стиля и творческого метода писателя.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. В. Войнович. «Я вернулся...» (Из интервью с И. Ришиной). - В кн.: В.Войнович. МСС. Москва: Фабула, 1993. Т.3. С.525-539.
2. Р. Гальцева, И. Роднянская. Помеха-человек. Опыт века в зеркале антиутопии // Новый мир., 1988. N12. С.217-230.
3. В. Новиков. Возвращения к здравому смыслу. Субъективные заметки читателя антиутопий. //Знамя. 1989. N7. С.214-220.
4. В. Войнович. Москва 2042. В кн.: В. Войнович. МСС.- Москва: Фабула, 1993. Т.3. С.5-338.
5. Е. Замятин. Мы.- В кн.: Е. Замятин. Мы. О. Хаксли. О дивный новый мир. - Москва: Художественная литература, 1989.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Б.И. Маторин

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ПРОЦЕССАХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЭРГОНИМООБРАЗОВАНИЯ

За последние годы на территории Украины была создана довольно разветвленная система коммерческих структур по оказанию разного рода платных услуг потребителю. Толчком к этому стало внедрение в жизнь указа о коммерциализации (т. е. приватизации) предприятий торговли, общественного питания, сферы услуг и транспорта и т.п.

Создаются новые коммерческие структуры – появляются новые названия. Процессы современного эргонимообразования (эргоним – собственное наименование делового объединения людей в производственной, культурной, политической, научной, торговой, спортивной и других сферах деятельности человека) носят во многом стихийный характер. Однако некоторые общие тенденции в наименовании коммерческих структур можно определить уже сегодня.

В данной статье ограничимся анализом названий предприятий, оказывающих медицинские, физкультурно-оздоровительные и некоторые другие услуги населению, а также занимающихся производством товаров народного потребления, ремонт бытовой радиотехники, торговой и торгово-закупочной деятельностью¹.

Одна из основных тенденций современных эргонимообразовательных процессов в сфере частного предпринимательства заключается в том, что эргоним отражает характер, вид деятельности или услуг предприятия (такие наименования преобладают в сфере медицинских, физкультурно-оздоровительных и некоторых других видов услуг (звукозапись, ремонт автомобилей, фотоуслуги и т.п., среди названий предприятий по ремонту бытовой радиотехники). Данный вывод подтверждается многочисленными примерами:

1) медицинские коммерческие структуры²: «Домашний врач» (медицинское обслуживание), «Вита-сервис» (консультации и со-

¹ Для анализа привлекались названия коммерческих структур крупных промышленных центров Украины (Киев, Днепропетровск, Запорожье, Львов, Харьков, Луганск, Одесса, Винница), а также г. Донецка и городов Донецкой области (Горловка, Артемовск, Мариуполь, Славянск, Краматорск, Дружковка, Константиновка и др.).

² В скобках указываются конкретные виды деятельности или конкретные услуги.

веты по лечению больных от алкоголя и курения), «Медик» (уход за больными, инъекции, анализы), «Кардиолог» (оказание медицинской помощи кардиологическим больным), «ЗЭВГМ-терапия» (оказание больным медицинской помощи методом звукоэлектротерапии), «Стоматолог» (стоматологические, ортопедические услуги), «Дантист» (стоматологические услуги населению), «Импульс» (электромассаж), «Здоровье» (массаж), «Забота» (медицинские услуги больным и престарелым), «Гиппократ» (уход за больными, выполнение лечебного массажа, гимнастики, консультаций, проведение исследований среди больных), «Улыбка» (протезирование зубов), «Здоровье» (консультации, лечебный массаж), «Доктор» (консультации по медицинским вопросам), «Слух» (обслуживание людей с дефектами слуха и речи), «Кварц» (ультрафиолетовое облучение кожных покровов), «Медик» (зубопротезирование), «Речь» (коррекция речи для исправления заикания и других дефектов речи). Отметим «внутреннюю» тенденцию в сфере медицинского эргонимообразования: практически в каждом городе есть медицинские центры «Здоровье», «Стоматолог», «Дантист», «Медик». Более того, в одном городе может быть несколько медицинских центров с одинаковым названием (например, эргоним «Здоровье» зафиксирован более 30 раз, в том числе в г. Луганске – 3 раза). Это говорит о необходимости более четкой работы государственных органов при регистрации частных коммерческих структур (в том числе в сфере упорядочения их названий);

2) коммерческие структуры, оказывающие физкультурно-оздоровительные услуги: «Ритм», «Атлет», «Олимп», «Гармония», «Тонус», «Здоровье», «Энергия», «Ювентус», «Остров здоровья», «Грация», «Старт», «Движение» (спортивная хореография), «Корт» (теоретические и практические занятия по теннису), «Велосеврис» (группы здоровья, ремонт велосипедов), «Тонус» (ритмическая гимнастика), «Бодрость» (массаж, лечебная физкультура, иглорефлексотерапия), «Совершенство» (атлетическая гимнастика), «Диалоги» (психологическое консультирование), «Тонус» (упражнения на тренажерах, массаж), «Школа туризма» (тренировочные услуги), «Атлетик» (общая физическая подготовка, занятия на тренажерах), «Лаун-теннис» (обучение игре в большой теннис), «Атлант» (общая физическая подготовка, атлетическая гимнастика, борьба) и т.д. Анализ показывает, что чаще всего в качестве названий физкультурно-оздоровительных центров используются эргонимы «Здоровье» (свыше 10 раз), «Бодрость» (свыше 10 раз), «Тонус» (3 раза);

3) ремонт бытовой радиотехники: «Экран», «Монитор», «Электроника», «Контраст», «Техника», «Катод», «Спектр», «Эфир», «Видикон», «Электрон», «Диапазон», «Секам», «Орбита», «Орбита-люкс», «Компьютер», «Алгоритм» и др. Следует от-

метить особенность эргонимов подобного типа: названия предприятий ориентируют потребителя прежде всего на ремонт и обслуживание телевизионной аппаратуры или на ремонт и техническое обслуживание компьютерной техники. Но наряду с этим перечисленные фирмы занимаются ремонтом различной бытовой техники (холодильники, стиральные машины, пылесосы, электробритвы, калькуляторы, фены, кофемолки, утюги, швейные машины, вязальные машины и пр.);

4) прочие услуги: а) звукозапись – «Элегия», «Нота», «Ритм», «Гармония», «Лири», «Музыкальный салон», «Амитон», «Меломан», «Музыкальная мозаика», «Мастер звука», «Аллегро»; б) ремонт и обслуживание автомобилей – «Протектор», «Экспресс-шина», «Фазтон», «Магистраль», «Ротор», «Автострада», «Лада» (в картотеке эргоним зафиксирован более 10 раз), «Скорость», «Мотор», «Сигнал», «Авто» (в картотеке эргоним зафиксирован более 10 раз), «Автомобилист», «Авторемонт», «Авторастворачия», «Техпомощь», «Автотурист», «Жигули», «Автоприют», «Экспресс-автосервис», «Автоуслуги», «Автолюбитель», «Автообслуживание», «Автосервис» и др.; в) фотоуслуги – «Фотоцвет», «Фотомомент», «Светопись», «Фотон» (в картотеке эргоним зафиксирован 3 раза), «Блик» (в картотеке зафиксирован дважды), «Фотоальбом», «Луч», «Фотоуслуги», «Момент», «Выездное фото»; г) прочие услуги – «Переплет» (переплетные работы, в картотеке зафиксирован более 10 раз), «Плодородие» (обеспечение садоводов посадочным материалом, удобрениями, консультации по уходу за растениями), «Интерьер» (изготовление и ремонт мебели), «Кабриолет» (транспортные услуги), «Экстерьер» (стрижка собак на дому), «Айболит» (оказание ветеринарной помощи мелким домашним животным), «Компьютер для Вас» (обучение программированию на ЭВМ), «Сезам» (монтаж, наладка и гарантийное обслуживание лифтов), «Гном» (подготовка к школе, обучение правилам поведения, умению общаться друг с другом и взрослыми), «Детство» (уход за детьми в дневное и вечернее время) и пр.

Другой тенденцией современных эргонимообразовательных процессов можно считать тот факт, что широко распространенной группой эргонимов становятся чисто условные наименования коммерческих структур, не передающие информации об их производственной направленности. Такие эргонимы преобладают в сфере торговой и торгово-закупочной деятельности, а также в сфере производства товаров народного потребления. Приведем примеры:

1) торговые и торгово-закупочные фирмы: «Дельфин», «Яблонька», «Березка», «Престиж», «Экспресс», «Содружество», «Бриг», «Орбита», «Гермес», «Универсал», «Восток», «Сатурн»,

«Контакт», «Меркурий», «Восход», «Поиск», «Садко», «Новинка», «Оазис» и т.д.;

2) производство товаров народного потребления: «Колорит», «Фрагмент», «Вымпел», «Контур», «Гарант», «Спринт», «Елочка», «Миг», «Молния», «Виктория», «Арго», «Одиссей», «Мысль», «Тон», «Сфера», «Надежда», «Радуга», «Художник», «Зигзаг», «Камея», «Фламинго», «Феникс», «Русская березка», «Виктория», «Алиса», «Золушка», «Стрела», «Темп», «Для всех» и т.п.

Особо следует выделить группу «казусных», на наш взгляд, эргонимов: «Поиск» (производство колготок), «Гранит» (изготовление полиэтиленовых мешков, поролоновых щеток), «Товарищ» (ремонт бытовой техники), «Мираж» (фотографирование по заказам населения), «Антилопа-гну» (оказание услуг по упаковке и транспортировке багажа), «Нептун» (изготовление и установка дверных блоков, наличников, благоустройство квартир), «Вперед» (ремонт помещений, инженерного оборудования), «Скороходец» (изготовление столярных изделий, металлического шифера) и т.п.

В заключение отметим, что название фирмы можно считать ее визитной карточкой и даже эстетическим лицом («По одежке встречают...»). Хозяевам коммерческих фирм, предприятий и т.п. не стоит забывать о том, что первое впечатление о фирме складывается по тому, какое у нее название – это своего рода визуальный образ ее деятельности. Название ни в коем случае не должно вводить потребителя в заблуждение, а должно помогать однозначно понимать «лицо» фирмы. В этом кроется немалая доля успеха предпринимательской деятельности.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД

Появление дериватологии как самостоятельного раздела русского языкознания сделало возможным разнообразить аспекты описания словообразовательного материала, одной из форм которого, как известно, являются словообразовательные гнезда.

При всей разноаспектности исследований, посвященных изучению словообразовательных гнезд, очевидным остается то, что гнезда рассматриваются обычно в плане синхронии, как правило, на современном срезе истории языка. Диахроническому изучению словообразовательного гнезда (СГ) уделяется значительно меньше внимания, СГ в плане диахронии остается чаще вне поля зрения исследователей.

Обращение к диахроническому аспекту изучения словообразовательного гнезда позволяет: а) проследить общий процесс становления, развития и функционирования гнезда; б) исследовать внешние связи словообразовательных гнезд и их взаимодействие в системе языка; в) определить набор словообразовательных типов в истории гнезда и его перспективе, объяснить причины варьирования, закрепления или выхода из гнезда словообразовательных дублетов; г) выявить последовательность семантических изменений в гнезде в их историческом развитии; д) создать исчерпывающую характеристику словообразовательной системы языка как системы словообразовательных гнезд; е) получить богатый фактический материал для решения многих общих и частных вопросов современного и исторического словообразования, лексикологии, лексикографии (в практической лексикографии – при создании морфемных, толковых, двуязычных, словообразовательных словарей и исторических дериватариев, сопоставительных и историко-сопоставительных словарей близкородственных языков, а также различного рода специальных справочников). Эффективность исторического изучения СГ возрастает, если, во-первых, исследование проводить как с учетом внутриязыкового взаимодействия гнезд (СГ с семантически близкими исходными словами), так и с учетом межъязыковых контактов (однокоренные лексические соответствия в близкородственных языках), и, во-вторых, если объектом исследования становятся макрогнезда, составленные на основе однокоренных дериватов, представленных всеми разновидностями общенационального языка. Наконец, диахроническое исследование словообразовательных гнезд позволяет не только воссоздать прошлый облик словообразовательных гнезд и описать их современное состояние и действующие в современных СГ закономерности, но также прогнозировать дальнейшее

деривационное развитие гнезд с достаточной степенью достоверности.

Исторический аспект изучения словообразовательных гнезд предполагает предварительное установление срезов (этапов) в истории непрерывных словообразовательных процессов изучаемого языка: «В том историческом процессе, который представляет собой существование данного языка, должны быть выделены известные стадии, на каждой из которых изучаемый язык представляет собой систему, отличную от предыдущей и последующей... Но так как каждая подобная система есть лишь видоизменение предшествующей и предварительная стадия последующей, то сама по себе она не может быть вскрыта, пока не выяснены закономерные отношения, связывающие ее с хронологически смежными системами» [1, с.215]. Словообразовательные гнезда могут анализироваться и сопоставляться на трех основных срезах: 1) СГ в XI-XVII вв. (с учетом существенных изменений в XI-XIV вв. и в XV-XVII вв.); 2) СГ в XVIII в.; 3) СГ в современном русском языке (с учетом особенностей гнезд в XIX в. и в XX в.).

Ниже приводятся фрагменты словообразовательного гнезда с вершиной *деять* на разных этапах его существования и развития. Принципы отбора и расположения словообразовательного материала в гнезде могут быть использованы при составлении исторического словообразовательного словаря русского языка, необходимость в создании которого уже давно назрела.

1. Словообразовательное гнездо *дѣяти* XI-XVII вв.

СГ *дѣяти* XI-XVII вв. составлено на базе следующих источников: 1) Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам (т. I-III; СПб., 1893-1912); 2) Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): в 10 т. (т. I-IV; М., 1988-1991); 3) Словарь русского языка XI-XVII вв. (вып. 1-17; М., 1975-1991); 4) Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» (вып. 1-6; Л., 1965-1984); 5) Материалы для терминологического словаря Древней России (сост. Г.Е.Кочин) (М.-Л., 1937); 6) памятники письменности XI-XVII вв. разных жанров и содержания: летописи, хроники, жития, поучения, похвалы, юридическая литература, грамоты, частная переписка, деловая и бытовая письменность и т.п. При исследовательском формировании гнезда были использованы данные этимологических словарей, а также статьи, посвященные этимологическим разысканиям по русскому языку¹.

¹ Границы словообразовательных ступеней в СГ *деять* на всех трех хронологических срезах его исторического развития обозначаются следующим образом: I словообразовательная ступень – одна сплошная вертикальная линия; II – две сплошные вертикальные линии, III – ломаная линия, IV – пунктирная линия.

Каждое слово, помещенное в гнездо, имеет при себе ряд сведений, которые можно объединить в несколько зон: 1) в первой зоне показана словообразовательная структура слова (дѣяти-ся); 2) во второй зоне отмечается наличие слова в «Материалах...» И.И.Срезневского (символ Ср); 3) в третьей – в «Словаре древнерусского языка (XI–XIX вв.)» (символ XIV); 4) в четвертой – в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (символ XVII); 5) в пятой зоне обозначена принадлежность слова другим источникам, в том числе письменным памятникам XI–XVII вв. (символ П). Отсутствие символа зоны свидетельствует об отсутствии данного слова в словнике соответствующего словаря. Рядом с символами источников указывается количество значений, в них зафиксированное (благ-о-дѣяти Ср, XIV 1, XVII 1). Если количество значений в разных лексикографических источниках не совпадает, то после соответствующего семантического анализа приводится общий показатель лексико-семантических вариантов производного [в квадратных скобках] (зл-о-дѣяти [Ср, XIV 2, XVII 1 = 2]). Производные, взятые из памятников письменности, представлены в гнезде как однозначные, поскольку обладают лишь контекстуальным значением.

ДѢЯТИ [Ср 3+1+1, XIV 6, XVII 3+1 = 5]

...

дѣя-ниѣ-е [дѣяние] [Ср, XIV 2, XVII 4 = 5]

благ-о-дѣяние [Ср 3+1, XIV 2, XVII 1 = 2]

блуд-о-дѣяние Ср, XIV 1, XVII 1

і пре-блудодѣяние П 1

гнус-о-дѣяние XVII 1

добр-о-дѣяние (-дѣяние) [Ср, XIV 2, XVII 3 = 4]

зл-о-дѣяние (зѣло-, зѣлодѣяние) Ср, XIV 1, XVII 1

козн-о-дѣяние (кѣзно-) XVII 1

лих-о-дѣяние [XIV 1, XVII 1 = 2]

лиц-е-дѣяние (-нѣе) Ср, XVII 1

люб-о-дѣяние (нѣе) [Ср, XIV 2, XVII 1 = 2]

лют-о-дѣяние XVII 1

неподобн-о-дѣяние (-дѣяние) XVII 1

перв-о-дѣяние XVII 1

прав-о-дѣяние Ср 1

правд-о-дѣяние П 1

праздн-о-дѣяние Ср 1

прелюб-о-дѣяние (прѣлюбо-) Ср 1

рук-о-дѣяние Ср 1

студ-о-дѣяние Ср 1

чар-о-дѣяние Ср 1

чуд-о-дѣяние Ср 1

...

II. Словообразовательное гнездо с исходным словом дѣяти (дѣять) в русском языке XVIII века

СГ *дѣяти(-ть)* построено по данным словарей XVIII века²: 1) Поликарпов Ф.П. Лексикон трехязычный ... (М., 1704) (символ П); 2) Копишевский И.Ф. Вокабулы или речи на славенском, немецком и латинском языках (СПб., 1718) (символ К); 3) Лихтен И.Ф. Лексикон российской и французской ... (ч. 1-2; СПб., 1762) (символ Л); 4) Гельтергоф Ф. Немецкий Целлариус, или Полезной лексикон ... (М., 1765) (символ Г₁); 5) Курганов Н.Г. Словарь разноязычный ... (М., 1769) (символ Кур); 6) Гельтергоф Ф. Российской Целлариус, или Этимологической российской лексикон ... (М., 1771) (символ Г₂); 7) Гельтергоф Ф. Российской лексикон ... (М., 1778) (символ Г₃); 8) Нордстет И. Российский, с немецким и французским переводами, словарь ... (ч. 1-2; СПб., 1780-1782) (символ Н); 9) Словарь Академии Российской (ч. 1-6; СПб., 1789-1794) (символ САР); 10) Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный (ч. 1-6; СПб., 1806-1822) (символ САР₂); 11) Словарь русского языка XVIII века (вып. 1-6; Л., 1984-1991) (символ 18). Сплошной выборке подверглись некоторые терминологические словари русского языка XVIII в. При укомплектовании гнезда была использована авторская картотека, включающая словарные материалы, извлеченные из опубликованных художественных текстов XVIII века, а также лингвистических исследований по русскому языку XVIII века.

Принципы расположения производных в СГ *дѣяти(-ть)* XVIII в. таковы: 1) показывается словообразовательная структура слова; 2) отмечается наличие слова в лексикографических источниках XVIII в. (символы П, К, Л, Г₁, Кур, Г₂, Г₃, Н, САР, САР₂, 18, Тер³) или в авторской картотеке (символ АК); 3) по САР и Словарю русского языка XVIII в. указывается количество значений слова; 4) новообразования XVIII в. подчеркиваются сплошной линией.

ДѢЯТИ (ДѢЯТЬ) П, Г₂, Н, САР 2, 18/1

дѣя-ни-е [дѣяние] П, Л, Кур, Г₂, Г₃, Н, САР 1 18/3+1

басн-о-дѣяние Н

благ-о-дѣяние Л, Г₁, Г₂, Г₃, Н, САР 1 18/1

блуд-о-дѣяние П, Л, Г₂, Г₃, Н, 18/1

² Для анализа привлекались русские части иноязычно-русских и русско-иноязычных словарей.

³ Символ Тер указывает на наличие производного слова в терминологических словарях XVIII в., в том числе в «Дикционере...» К.А.Кондратовича (СПб., 1780), «Словаре коммерческом...» В.А.Левшина (М., 1787-1792), «Анатомико-физиологическом словаре...» Н.Максимовича-Амбодика (СПб., 1783), «Военном мореплавателе...» Н.П.Озанна (СПб., 1788) и др.

добр-о-дѣяние П, Н, САР 1, 18/1
 зл-о-дѣяние Л, Г₁, Г₂, Г₃, Н, САР 1
 лих-о-дѣяние САР 1
 люб-о-дѣяние П, Г₂, Г₃, Н
 прав-о-дѣяние П, Н
 правд-о-дѣяние П 1
 прелюб-о-дѣяние Л, Г₂, Н
 рук-о-дѣяние АК 1
 скверн-о-дѣяние Г₁
 студ-о-дѣяние П, Н
 чар-о-дѣяние Н, САР 1
 чуд-о-дѣяние Г₂, САР 1

...

III. Словообразовательное гнездо с вершинным словом *десять* в современном русском языке (XIX-XX вв.)

В основу современного гнезда положено соответствующее гнездо из «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н.Тихонова [2, с.295-296). Дополнительно введены слова, полученные в результате сплошной выборки из всех современных толковых словарей русского языка. Однокоренные соответствия к глаголу *десять* извлекались также из «Орфографического словаря русского языка» (М., 1991), словаря-справочника «Слитно или раздельно?» (М., 1982), «Словаря ударений для работников радио и телевидения» (М., 1984), «Сводного словаря современной русской лексики» (т. 1-2; М., 1991), «Орфоэпического словаря русского языка» (М., 1983), «Словаря сокращений русского языка» (М., 1983), сборников «Новые слова и значения» (М., 1973; М., 1984) и «Новое в русской лексике» (М., 1980-1989) и нек. др. Была осуществлена сплошная выборка из 30 томов «Большой советской энциклопедии» (М., 1970-1978). Использовалась лексика, извлеченная из периодической печати (газеты и журналы за последние 7 лет, с 1989 г. по 1995 г.), научно-популярной и художественной литературы. В словообразовательное гнездо введена богатая диалектная лексика, основными источниками которой стали «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И.Даля (т. 1-4; М., 1955), «Словарь русских народных говоров» (вып. 1-26; М.-Л., 1965-1991), некоторые другие областные словари.

Слова, помещенные в современное СГ *десять*, имеют при себе следующие сведения: 1) в первой зоне показывается словообразовательная структура слова; 2) во второй – отмечается наличие слова в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н.Тихонова (символ Т); 3) в третьей – в словаре В.И.Даля (символ Д); 4) в четвертой – в «Словаре русских народных говоров» или других

областных словарях (символ Г); 5) в пятой – в словарях новых слов и значений (символы СМ-70, СМ-80, СМ-77 → СМ-84) или в авторской картотеке (символ АК). После символа словаря указывается количество значений слова по этому словарю (количество значений не указывается только для словаря Даля, поскольку в нем нет четкого разграничения значений слов и оттенков значений). Для «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н.Тихонова количество значений дается на основании данных толковых словарей. Добавим к этому то, что производные, зафиксированные лексикографическими или другими источниками XIX века, имеют при себе символ XIX.

ДЕЯТЬ (ДЕИТЬ) XIX 2, Т 1, Д 1, Г 1

... | дея-ниѣ-е [деяние] (деянье) XIX 2, Т 1, Д 1

| (баснодѣяние XIX 1)

| благ-о-деяние XIX 1

| (блудодѣяние XIX 1)

| добр-о-деяние XIX 1, Д 1, СМ-70/1

| зл-о-деяние (-нье) XIX 1, Т 1, Д 1

| (лиходѣяние XIX 1)

| люб-о-деяние XIX 1, Т 1, Д 1

| *пре-любодеяние* (-нье) XIX 1, Д 1, АК 1

| молитв-о-деянье Д 1

| рук-о-деяние XIX 1, Д 1

| студ-о-деяние XIX 1, Д 1

| чар-о-деяние (-нье) XIX 1, Т 1, Д 1+1

| чуд-о-деяние (-нье) XIX 1, Д 1+1

... |

Дальнейшее синхронно-диахронное исследование структурно-семантических связей и отношений в СГ на трех хронологических срезах его исторического развития (в древнерусском и старорусском языках, в русском языке XVIII века, в современном русском языке) предполагает следующее: 1) характеристика вершины гнезда; выявление закономерных связей между слово-порождающей активностью исходного слова и его структурно-словообразовательными, семантическими, стилистическими и другими свойствами; установление зависимости словообразовательного потенциала базового слова от принадлежности к конкретной лексико-семантической группе, а также от места в иерархической структуре этой группы; 2) проведение количественного анализа производных, определение мощности, глубины и ширины СГ, в том числе установление соотношения и роли факторов, обуславливающих величину этих показателей; 3) выделе-

ние внутри СГ частеречных зон, определение специфики и потенциала образования от исходного слова гнезда единиц той или иной части речи и словообразовательных возможностей отдельных частей речи в качестве базы словопроизводства в гнезде; 4) всестороннее, детальное исследование компонентов СГ – словообразовательных цепочек и словообразовательных парадигм; анализ способов и средств словообразования; описание словообразовательных типов и словообразовательных значений производных, представленных в СГ; 5) определение основных тенденций семантического развития СГ; 6) выявление связей между литературными и внелитературными дериватами; 7) проведение историко-сопоставительного исследования формально-семантической организации СГ с семантически близкими исходными словами, раскрытие своеобразия их эволюции от древнейшего до современного состояния; 8) сопоставление исследуемых СГ с однокоренными лексическими соответствиями в других восточнославянских языках.

Итак, комплексное историко-лингвистическое исследование СГ на всем протяжении истории данного языка следует признать наиболее результативным и обнадеживающим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Г.О. О задачах истории языка // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 207-226.
2. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. 855 с.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Л.Н.Саркисова

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЙ «СТИЛИСТИЧЕСКАЯ НОРМА» И «СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОШИБКА»

В науке до сих пор еще нет единого и общепринятого определения таких фундаментальных понятий стилистики, как «стилистическая норма» и «стилистическая ошибка», что, естественно, сказывается на практической работе по выработке навыков хорошей речи и воспитанию языковой и, следовательно, общей культуры. Больше того, под сомнение ставится необходимость вообще говорить о стилистической норме как особом лингвистическом явлении. Показательно в этом отношении изгнание из практики школьного обучения термина «стилистическая ошибка», соотнесенного с понятием «стилистическая норма». Между тем, интерес ученых к этим проблемам не ослабевает. Это объясняется прежде всего тем, что без выявления сущности стилистической нормы нельзя серьезно говорить о культуре речи, так как стилистическая норма, как отмечал в свое время Г.О.Винокур, — это цель и вершина речевой культуры. Нельзя не вспомнить в этой связи, что Г.О.Винокур, стремясь определить отношение между стилистикой и культурой речи, выделял в последней два уровня: первый, низший, — уровень правильности, т.е. соотнесенности речевых построений с языковыми нормами, и второй, высший, — уровень целесообразности, т.е. соотнесенности речевых построений со стилистическими нормами. Мнение Г.О.Винокура о разграничении двух разновидностей норм, языковых и стилистических, связанных со строем языка и его употреблением, разделяется большинством современных ученых, однако при определении того, что понимать под стилистической нормой, высказываются различные мнения.

Многообразие, а иногда и противоречивость имеющихся в науке определений стилистической нормы, а в соответствии с нею и стилистической ошибки, можно объяснить тем, что при решении этих вопросов не всегда четко разграничиваются такие явления, как стилистика языка, речи и текста, каждая из которых имеет свой предмет изучения и рассматривает языковые единицы в определенном аспекте. В связи с этим особенно часто смешиваются понятия речевой и текстовой стилистической нормы, что затрудняет стилистический анализ текста и оценку его достоинств и недочетов.

Стилистика языка, как известно, изучает языковые средства с точки зрения их стилистической дифференциации, т. е. с точки зрения их различительной функции. Поэтому одна из основных задач стилистики языка – описать стилистические парадигмы, выявив те признаки, по которым противопоставляются языковые единицы. Одни ученые называют такие признаки стилистическим оттенком, другие – стилистической окраской, третьи – стилистическим значением (коннотацией), подчеркивая при этом, что эти понятия близки по значению. Разница между ними сводится к тому, как отмечает М. Н. Кожина, что первые (стилистические значения) характеризуются более постоянной значимостью и общеупотребительностью. Говоря иначе, стилистическое значение – это такая стилистическая окраска, которая наслаивается на значение языковой единицы в процессе ее функционирования в речи и имеет более или менее постоянный характер. Эти дополнительные наслоения обычно фиксируются нормативными словарями в виде стилистических помет. Ср., например, слова *очи* и *глаза*, которые равны по понятийному содержанию и предметной соотнесенности, но различаются стилистическим значением. Слово *очи* обладает эмоциональной окраской торжественности, «высокости», а слово *глаза* лишено этой окраски, оно нейтрально. Именно поэтому первое слово употребляется преимущественно в речи книжной, чаще всего художественной, а второе не ограничено в пределах применения, является общеупотребительным. Ср. также слова: *похититель* (высок. книжн.) и *вор* (нейтр., общеуп.); *украсть* (нейтр., общеуп.) и *стащить* (фамильярн., разг.); *прибыть* (офици., книжн.) и *приехать* (нейтр., общеуп.).

Стилистические значения, в отличие от лексических и грамматических, представляют собой как бы нечто второстепенное, наслаивающееся на смысловое содержание слова, но в то же время необходимое «излишество», без которого, как отмечает Т. Г. Винокур, «нельзя запустить языковую единицу в производство, т. е. сделать ее инструментом коммуникации» [1, 44], поскольку это дополнение «несет те или иные элементы информации о субъекте речи, о его принадлежности к определенной социальной группе, о его позиции в речевой структуре общения, о его отношении к предмету и адресату речи» [2, 43]. Вместе с тем стилистическое значение сигнализирует о месте языковых единиц в общей системе языка, т. е. информирует о правилах их употребления в речи. «Следовательно, – подчеркивает Т. Г. Винокур, – внутрисистемные свойства коннотативного значения оборачиваются с точки зрения узуса прямым выходом в ту же языковую действительность, если иметь в виду сам процесс языковой коммуникации, в котором и реализуется стилистическая вариативность языковых знаков» [1, 47] и далее: «специфика стилистического значения такова, что любые его характеристики выводят нас из предметно

– логической области в область коммуникативно – языковых ценностей» [1, 53].

Стремясь провести грань между языковыми и речевыми стилистическими нормами, Э. Г. Ризель отмечает, что «языковые стилистические нормы – кодируемые списки средств, наиболее частотных в стилях» [3, 117-118]. В целом соглашаясь с этим утверждением, М. Н. Кожина справедливо замечает, что такие списки средств обладают «определенными потенциальными значениями, соответствующими специфике того или иного функционального стиля [4, 83-84]. Подчеркнем, что эти *потенциальные* стилистические значения в полной мере проявляются лишь в конкретных текстах, поскольку представляют собой оценочную категорию и связаны с выбором со стороны субъекта речи.

Обобщая, можно сказать, что норма на уровне стилистики языка – это сознание модального характера, которое обуславливает преимущественное употребление языкового средства в определенных речевых условиях и способно характеризовать не только речь, но и через нее участников общения. Так, например, сказать «этот человек» или «этот тип», «Вы искажаете мысль» или «Вы врете» – значит не только передать информацию, но и выразить через подбор слов с различной стилистической окраской отношение к этой информации, к собеседнику и в определенной мере самому говорящему. Из сказанного, правда, не следует, что стилистическая заданность имеет жестко непреодолимый характер. Напротив, в конкретных речевых условиях она постоянно нарушается, так как не может быть текстов, составленных исключительно из средств какого-либо одного стиля. Однако совмещение разностильных элементов в одном случае не разрушает «единства стиля» (по терминологии П. Г. Черемисина и Ю. В. Фоменко), т.е. находится в пределах общепринятой нормы, а в другом – стилистическое единство текста разрушается. И тогда речь может идти либо о стилистическом приеме, направленном на то, чтобы усилить выразительную силу текста, достичь особого стилистического эффекта, либо о стилистической ошибке, вызванной немотивированным и нецелесообразным объединением разностильных средств. Вот примеры первого и второго сочетания стилистически разнородных факторов. В первом – совмещение несовместимого создает острый комический эффект, во втором – неоправданное совмещение разностильных средств ведет к стилистической ошибке. «Майор зарычал, простер вверх длани, потряс в воздухе плетью и в лодке ... О, темрога о тогес поднялась страшная возня» (А. П. Чехов, т. I, стр. 64-65) и «Особенно запомнились наши сборища, на которых читались стихи и отрывки из любимых произведений». (Из школьных сочинений).

Следует, однако, заметить, что вопрос о закономерностях сочетания языковых единиц в определенных условиях общения

выводит нас за пределы стилистики языка и вводит в область стилистической синтагматики, т. е. в сферу стилистики речи. Стилистика речи изучает, как известно, закономерности структурной организации языковых единиц в тексте. Она изучает *типологию не средств, а текстов*, организованным по общим закономерностям функционирования языка в определенной социальной среде и в определенных речевых ситуациях. Именно поэтому речевой стиль представляет собой двуединое понятие, связанное с внеязыковыми и языковыми явлениями, и стилистика речи описывает речевые стили, учитывая как внеязыковые, стилеобразующие, так и собственно языковые факторы. Покажем это на примере научного стиля. Научный стиль – это форма передачи логически организованной научной информации. Именно поэтому он, в отличие от других стилей и типов речи, обладает такими признаками, как объективность и обобщенность, что определяет закономерности речевой организации научных текстов. Для них характерно: в лексике – предпочтение терминов и слов с прямым, как правило, и абстрактным значением; в морфологии – преобладание существительных, что соответствует именно характеру научной речи, из глагольных форм наиболее распространены формы настоящего времени, а также причастий и деепричастий; синтаксис – сложный с использованием различных конструкций.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что *стилистика речи устанавливает общие закономерности построения текстов, относящихся к данному стилю, в зависимости от типа содержания, цели, формы и условий общения*. Следует подчеркнуть, что различные тексты одного и того же стиля, при всем их своеобразии и многообразии, обладает общими стилистическими признаками и типизированной организацией. Так, например, все деловые тексты, отвечая требованию стандартизованности, при всем их жанровом разнообразии будут характеризоваться ограниченностью лексических средств, стилистической однородностью, особенностями морфологии и усложненностью синтаксических конструкций, свойственной вообще письменной речи.

Конкретные речевые произведения (тексты) с точки зрения реализации в них стилистических норм языка и речи изучает стилистика текста. Она выявляет не только то, какие стилистические средства использованы в данном тексте, но и устанавливает, как они использованы, как, с помощью каких приемов сконструирован текст. Конечная цель стилистического анализа конкретного текста – найти ответ на вопрос, почему использованы эти средства и именно так построен текст, каков стилистический эффект такой организации текста, например, нанизывания однородных членов предложения или, напротив, предельная лаконичность изложения. С этой точки зрения *стилистическую норму текста можно определить вслед за В.В.Одинцовым, как соот-*

ветствие средств и структуры конкретного речевого построения коммуникативному заданию.

Итак, можно говорить о трех разновидностях единой стилистической нормы: на уровне стилистики языка (учет стилистических созначений), стилистики речи (знание общих закономерностей построения текстов, исходя из специфики функционального стиля речи) и стилистики текста, которая формируется на базе первых двух, выражаясь, как отмечалось, в соотношенности средств и структуры текста с коммуникативным заданием.

В соответствии с выделенными типами стилистических норм устанавливаются три разновидности стилистических ошибок.

1. Не учитывается стилистическое значение словарной единицы. Например: «Дружинники князя изображены как настоящие вояки» (из школьн. соч.). Ошибка состоит в том, что автор не учел эмоционально-стилистической окраски слова, ее шутливо-презрительный характер. Ср. также: работаю *авиатором* (вм. *летчиком*); он хорошо зарекомендовал себя на этом *поприще* (вм. *работе*).

2. Нарушается норма данного функционального стиля. Например, в ситуации непринужденного общения без всякой установки на иронию сосед говорит соседу: «В данной квартире я *проживаю более 10 лет на жилплощади сестры*». Такое предложение могло бы быть уместным лишь в официально-деловой речи, для которой характерна конструкция «проживать на жилплощади». Ср. также: «*Поэзия пользуется* в нашем районе *большим спросом*» (из местных газет).

3. Средства и (или) построение текста не соотносится с коммуникативным заданием: «Только за лето в Донецкой области *возведено более 150 коровников*» (из местных газет). Книжное слово «возведено», имеющее оттенок торжественности, стилистически не сочетается со словом «коровник» и не соответствует цели – передать официальную информацию. Ср. также: «Он принадлежит к людям, которыми гордится *орденоносный коллектив* нашей шахты.» (Из шахтной многотиражки).

Следует, правда, отметить, что в конкретном тексте одна стилистическая ошибка может накладываться на другую, но это не снимает необходимости поисков причины возникновения ошибки и на этом основании точного определения ее природы. Однако в последнее время делаются безуспешные попытки изъять, по крайней мере из школьного обихода, понятие «стилистическая ошибка» и заменить его весьма противоречивым термином «речевая ошибка». Термин этот неясен и, как показывает изучение опыта работы учителей некоторых школ Донецка (№ 2, 13, 14), неудобен в применении потому, что не совсем понятно, что в этом сочетании обозначает слово *речевая*. То ли это ошибка, ко-

торая *проявляется* в речи, тогда все ошибки надо считать речевыми. Так, кстати, думают ряд ученых, к числу которых относятся П.Г.Черемисин и Ю.В.Фоменко. То ли это ошибка, которая при-суша речи, как особому явлению, и возникает в результате нарушения каких-то требований к ней, каких-то ее качеств. Судя по тексту новых «Норм оценки знаний, умений и навыков учащихся IV-X кл. по русскому языку» [10], их авторы понимают речевую ошибку во втором значении, т.е. как ошибку, которая возникает в результате нарушения, как они пишут, требований богатства, точности и выразительности речи. Оставляя в стороне вопрос о том, почему нарушения только этих требований приводит к речевой ошибке, почему не учитываются другие существенные качества речи, такие, например, как ясность, которое Аристотель считал неотъемлемым свойством хорошей речи; целесообразность, которое чехословацкие ученые выдвигали на первое место; краткость и многословие, о которых говорится почти во всех пособиях по стилистике и культуре речи, обратимся к самому термину и попытаемся показать, что его введение не решает проблемы, а усложняет ее или уводит в сторону.

Термин *речевая ошибка* неудачен по ряду причин. Во-первых, потому, что, как отмечалось, он многозначен. Во-вторых, он не соответствует тому основанию, по которому устанавливаются другие виды ошибок, а именно – соотнесенность с нормой. Есть понятие *стилистическая норма*, а термин *стилистическая ошибка* не рекомендуется, хотя во всех других случаях тип ошибки определяется по отношению к норме. Если нарушена норма произношения, то говорят об орфоэпической ошибке, например: ц [и] вилизац [и] яя вм. ц [ы] вилизац [ы] яя, коне [ч] но вм. коне [ш] но, кро [в] вм. кро [ф'] и др. Если нарушена лексическая норма, то появляется лексическая ошибка: «Ленин великий *трибунал* революции» (из соч. абитуриентов). Если нарушена морфологическая норма, то возникает морфологическая ошибка: «*ложи*» вм. «*клады*», «*ехай*», «*едь*» вм. «*поезжай*», «*сыграв*» вм. «*сыграв*» и т.д. В-третьих, термин *речевая ошибка* внутренне противоречив, так как охватывает неоднородные явления. Так, в названных уже «Нормах» указывается, что при оценке речевого оформления изложения или сочинения, т.е. при установлении речевых ошибок учитывается 1) разнообразие словаря и грамматического строя; 2) точность речи; 3) стилевое единство и выразительность текста. Совершенно очевидно, что под одну рубрику подгоняются разные по природе явления. С одной стороны, – лексические: умение пишущего отобрать слова и выражения, наиболее соответствующие передаваемому содержанию, а с другой, – стилистические: стремление к стилевому единству и выразительности текста. Неудивительно поэтому, что авторы «Норм» в состав речевых ошибок включают как лексические, так и стилистические ошибки. Вот их

примеры: «Чтобы быть грамотным и с большим *жаргоном* слов, надо много читать» и «Большая *крыга* неслась нам навстречу». В первом случае перед нами лексическая ошибка, так как слово «*жаргон*» употреблено в несвойственном ему значении, очевидно, вместо «*запас*», а во втором – стилистическая, так как диалектизм «*крыга*» использован вместо литературного «*льдина*», от которого он отличается не значением, а сферой употребления. Его использование в данном случае функционально неоправданно и ведет к разрушению единства стиля.

Естественно, что при такой расплывчатости границ понятия *речевая ошибка* учитель (или любой обучающий) лишается возможности квалифицировать ошибки в соответствии с нормой и вести в дальнейшем продуманную работу по их предупреждению и преодолению. Одним из условий более или менее удовлетворительной работы по повышению речевой культуры является четкое соотнесение типологии норм и типологии ошибок, в котором найдут свое место и стилистические ошибки. Однако одно только восстановление в правах термина «*стилистическая ошибка*» мало что решает, если не определить точно, что понимается под этим термином. Показательна в этом отношении попытка Т.А.Шаповаловой разграничить стилистические и речевые ошибки. Она пишет: «Речевые ошибки – нарушение установленных норм литературного языка в области употребления слов, их форм, в построении словосочетаний и предложений», а «стилистические ошибки снижают точность, ясность и выразительность речи, но не нарушают правил грамматики» [5, 7]. Из этих утверждений трудно понять, нарушение каких именно норм ведет к речевой ошибке и чем она отличается от других, например, лексических и грамматических. Что же касается стилистических ошибок, то они вообще не соотносятся с какими-либо нормами. «Создается впечатление, – справедливо замечает по этому поводу П.Г.Черемисин, – что автор вообще не предполагает наличия в языке стилистических норм» [7, 37]. Кроме того, нетрудно заметить, что при характеристике речевых ошибок учитывается *причина*, их вызывающая, а когда говорится о стилистических ошибках, указывается *следствие*. Понятно ведь, что нарушение точности, ясности и выразительности речи является результатом, а не причиной появления ошибки.

Другой точки зрения придерживается Н.К.Онипенко, утверждающая, что стилистические ошибки – это разновидность речевых, поэтому они не должны выделяться в самостоятельный разряд. Это мнение основывается на том, что «оценочные оттенки являются не менее важным компонентом лексического значения, чем тот, который выражает реалии (денотат)» [8, 29]. Из этого совершенно правильного положения делается, однако, неверный вывод о том, что «оценочные оттенки, или говоря иначе, стилистические созначения, нельзя изучать как самостоятельное лингви-

стическое явление». Похоже, что автор не признает стилистики языка, которая изучает стилистические ресурсы именно с точки зрения наличия или отсутствия этих дополнительных созначений.

Еще один довод в пользу того, что следует говорить о речевых ошибках в целом, не выделяя отдельно лексических и стилистических ошибок, приводит В.Н.Капинос, выдвигая в качестве аргумента тот факт, что «для обнаружения речевой ошибки необходим контекст» [9, 75]. Но и этот довод кажется недостаточно убедительным хотя бы потому, что любая ошибка в конечном счете проявляется в контексте, так как язык – это механизм, который приводится в движение, и только в «работе механизма» (в конкретных текстах) можно обнаружить, есть ли отклонения от нормативных требований и каковы они.

Приведенные доводы позволяют утверждать, что существование стилистических норм и стилистических ошибок – объективный факт, и попытка ввести новый расплывчатый термин, заменяющий старое понятие «стилистическая ошибка», не совсем удачна и уводит изучающего язык в его коммуникативном аспекте от необходимости пристального анализа текста, смешивая те основания, по которым определяется природа ошибки. Тип ошибки устанавливается по соотношению с той нормой, которая нарушена. Однако очевидность критерия установления ошибок не снимает сложности их квалификации и требует весьма вдумчивого анализа текста, так как одна и та же по форме выражения ошибка может быть вызвана разными причинами и иметь поэтому разный характер. Рассмотрим, например, тексты, где использовано лишнее слово. Многие специалисты говорят в этом случае о стилистической ошибке. Между тем, это не всегда так. В предложении «*Свое первое боевое крещение братья Григорьевы получили в ночь на 20 января 1943 г.*» (из газет) употреблено два лишних слова. Но в одном случае допущена лексическая ошибка, так как автор употребил слово *первое*, не зная, что *боевое крещение* – это и есть «первый бой». Вторая же ошибка – стилистическая, так как пишущий использовал своеобразный штамп, не сумел соотнести средства с коммуникативным заданием и выразить мысль кратко и точно. Слов использовано больше, чем необходимо. Ср. аналогичные примеры: «*Ветерану вручили памятный сувенир*», где допущена лексическая ошибка, вызванная незнанием значения слова *сувенир* – «подарок на память». В предложении же: «*Его мучила собственная совесть*» (из шк. соч.) – стилистическая ошибка, ибо слов использовано больше, чем требуется. Сочетание «*собственная совесть*» бессмысленно, потому что чужая совесть не может мучить. Ср. еще один пример из школьного сочинения: «*Когда приехал Давыдов, и он сказал, что надо идти в колхоз*» и здесь использовано лишнее слово – «и», но допущена не лексическая и не стилистическая ошибка, а синтаксическая, так как ученик не

сумел правильно построить предложение, употребив одновременно подчинительный и сочинительный союзы.

Не менее сложна дифференциация внутри самих стилистических ошибок, но это необходимо, чтобы развивать стилистическое чутье, чувство языка, повышать на этом основании речевую культуру. Как уже говорилось, существуют три вида стилистических норм, но, обобщая, можно сказать: *стилистическая норма – это выбор и сочетание языковых средств в зависимости от стилистического значения, типа текста и коммуникативного задания*. Стилистические ошибки возникают, если нарушается одно из этих требований или их комбинация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980.
2. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л., 1978.
3. Ризель Э.Р. Проблемы лингвистической стилистики. М., 1969.
4. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1977.
5. Шаповалова Т.А. Стилистические упражнения на уроках русского языка. М.: Просвещение, 1967.
6. Черемисин П.Г. Пособие по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1971.
7. Черемисин П.Г. К вопросу о классификации речевых ошибок в сочинениях учащихся средней школы. РЯШ, 1973. № 2.
8. Онипенко Н.К. К вопросу о школьной классификации ошибок. РЯШ, 1987. № 6.
9. Капинос В.П. Об оценке речевых навыков учащихся. РЯШ, 1973. № 6.
10. Нормы оценки знаний, умений и навыков учащихся 4-10 классов по русскому языку. М., 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел первый. Теория языка

Н.А.Луценко Об именах существительных среднего рода в русском языке	3
М.Ю.Беляева. Внутренняя форма, Контаминант и контекст.	17
А.П.Загнітко. Типологія семантико-синтаксичних відношень	22

Раздел второй. Ономастика

Ю.О.Карпенко. Велес залишається на троні	34
Г.Ф. Ковалев. Ономастическая загадка Михаила Булгакова	40
К.В.Першина. Из наблюдений над русской народной хронимией	48
А.В.Юдин. Калиновый мост	59
В.П.Шульга ч. Заметки по донской гидронимии: <i>Кереста. Шигор</i>	62
Е.С.Отин, Л.П.Борисова. Топонимия старого Мариуполя и его окрестностей (из материалов «Историко-этимологического словаря юго-восточной Украины»)	65
Е.С.Отин. Из истории названий рек Донецкого края	78
Е.С.Отин. Новые материалы по топонимии приазовских греков	86
В.В.Недотопя. Оказиональные наименования атрибутов новой формации в антиутопии. (На материале романов В.Войновича «Москва 2042» и Е.Замятина «Мы»)	95

Раздел третий. Словообразование

Б.И. Маторин. О некоторых тенденциях в процессах современного русского эргонимобразования	102
Н.М.Маторина. Исторический аспект исследования словообразовательных гнезд	106

Раздел четвертый. Стилистика русского языка

Л.Н.Саркисова. К вопросу об определении понятий «стилистическая норма» и «стилистическая ошибка»	113

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ВОСТОЧНОУКРАИНСКИЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК**

выпуск третий

Ответственный редактор

ОТИН Евгений Степанович

Компьютерный набор и верстка
Радченко В.Г.

Подписано в печать 9.01.1997 г. Формат 84х108 1/32. Бумага тип.
№ 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7.2.

ДонГУ, 340055, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Отпечатано в типографии издательства «Донеччина»
340118, г. Донецк, Киевский проспект, 48.